

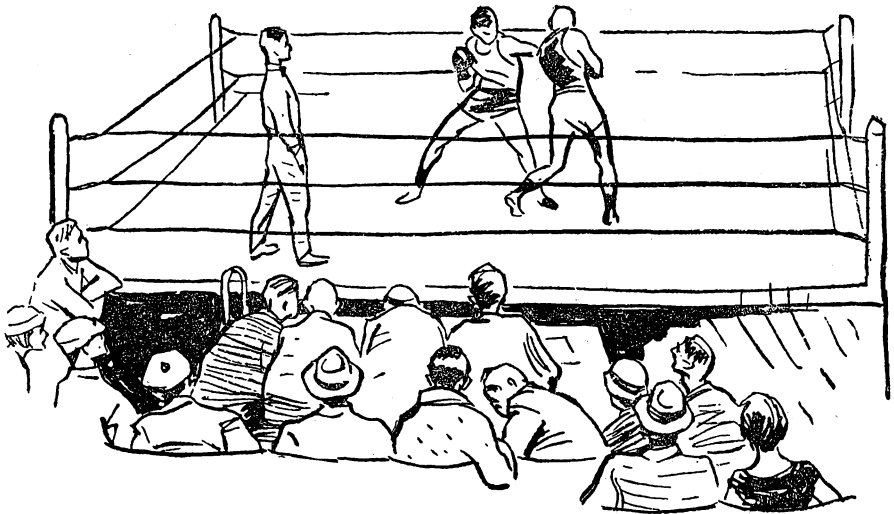
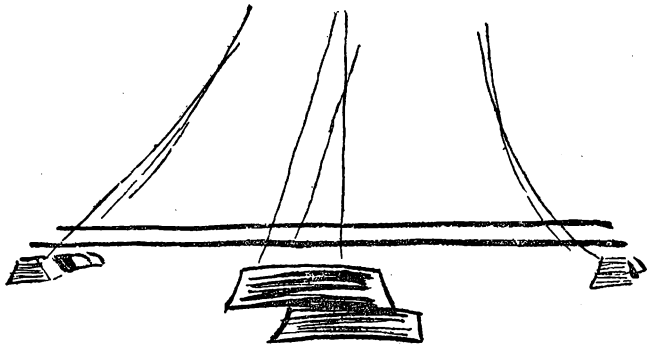
Петр Калица

БОКСЕРЫ

Детиз 1959

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РСФСР
ЛЕНИНГРАД
1959

Петр Капица

БОКСЕРЫ

РОМАН

Это книга о спорте храбрых, о наших боксерах. В спортивном лагере встречаются два боксера — Ян Ширвис и Кирилл Кочеванов — люди, разные по характеру и стилю борьбы. Ян — одаренный боксер — принадлежит к сторонникам силового бокса; главным на ринге он считает смелость и спортивную злость. Ян, самоуверенный и легкомысленный, стремится жить весело, переходя от успеха к успеху. Кирилл Кочеванов, не столь блестящий внешне спортсмен, упорным трудом оттачивает мастерство, является умным и тонким тактиком.

Ян и Кирилл вступают в борьбу за звание чемпиона СССР, а затем едут за границу — защищать честь советского спорта. В романе сталкиваются два метода воспитания боксеров, две школы, разоблачаются люди, пытавшиеся насаждать чуждые нам нравы профессионального спорта.

Основой романа явились повесть «Боксеры» и одноименный сценарий, написанные П. И. Капицей в конце тридцатых годов. Автор улучшил книгу, расширил и дополнил материалами, прежде ему не известными.

Часть ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Старенький телефонный аппарат не звонил, а как-то странно дребезжал. Заворг райкома комсомола Кирилл Кочеванов хватал с рычажка трубку и коротко спрашивал:

— Кто? — А узнав, что с ним говорит секретарь комсомольского комитета, кричал: — Ты что это, друг, филькину грамоту прислал? Одни цифры торчат. Где люди? Живых людей не вижу!

— Как же ты их увидишь, если не заходишь? — удивлялся тот. — Зазнались... забурели вы там.

— Ну, понимаешь! — восклицал Кирилл, не зная, как выразить свое негодование. — Вот из-за таких мудрецов мы и торчим в райкоме с темна и до темна. Ваши клинописи разгадываем.

— А зачем же самому разгадывать? Ты археологов вызови; они скорей разберутся, — насмешливо посоветовал секретарь комитета. — Нас же не для писанины выбирали! Мы болеем за живые дела.

— Ладно, я тебе подошлю археологов, — не без угрозы пообещал Кочеванов. — Посмотрим, какие у тебя живые дела!

Дав отбой, он принялся обзванивать других секретарей района. Мембрана в треснувшей трубке хрипела и постреливала. Кирилл морщился, вслушиваясь то в скучные оправдывающиеся голоса, то в насмешливо-задири-

стые. Многие опытные секретари комитетов понимали, что лучший способ защиты — нападение, и без зазрения совести пользовались им.

Кочеванов в сердцах бросал трубку и всякий раз с опаской оглядывался, боясь, что в комнату заглянет секретарь райкома комсомола — Глеб Балаев. Тот терпеть не мог кочевановского обращения с телефонами и не раз ему выговаривал:

— Эта же техника для цивилизованных людей! Отвыкни от дурной привычки бросать трубку, иначе запрещу телефоном пользоваться.

Последние месяцы Кирилл часто просиживал в райкоме до глубокой ночи. Дня ему не хватало, — увлекла, закружила текучка: бесконечные разговоры с активистами, заседания, слеты, отчетные сводки, резолюции, походы. Порой он с тревогой думал, что живет какой-то неправильной, нелепо-суетливой жизнью, не ощущая ни радости, ни удовлетворения. Его словно затянуло в воронку пенистого водоворота, из которого трудно было вырваться, попасть в тихие воды с плавным течением.

Он забросил спорт, мало читал книг, едва лишь поспевал проглядывать газеты, запустил собственные дела и не высыпался. А сколько пропало путевок в дома отдыха! То его не отпускали начатые неотложные дела, то предстоящие. И казалось, этому не будет конца.

Вот и сейчас он сидел за столом, сердито зачеркивал написанное и начинал новое. Нужно было обязательно закончить летнюю сводку и отчет, а они, как назло, не получались. И перо было какое-то обросшее, тупое — всякая гадость налипала на него.

Из комнат инструкторов уже давно не слышалось говора, смеха, телефонных звонков. Райком опустел; лишь из коридора просачивался в приоткрытую дверь неистребимый запах табачного дыма. Где-то звякало ведро и постукивала щетка уборщицы.

Кирилл недолюбливал эту тишину и одиночество. За годы жизни в комсомоле он привык всегда быть на людях. Но как уйдешь, когда к утру надо подготовить все материалы? Он рвал ни в чем не повинную бумагу, комкал ее и бросал в корзину. Желая сменить перо, Кирилл не глядя ткнулся рукой в коробку с кнопками и булавками. Острая булавка впилась в палец. В нелепой злобе он бросил коробку на пол и поддал ногой.

— Больной, почти псих! — печальным голосом сказал неожиданно появившийся в дверях Глеб Балаев. Подойдя ближе, он вдруг потребовал: — Покажи глаза. Слезы... честное слово, слезы! Ну, Кирюшка, это я уже не знаю, как назвать. Кто тебя заставляет допоздна торчать?

— А отчет? Дядя за меня его напишет?

— К чертям отчет! Без тебя обойдемся. Надоело мне! Завтра же ставлю вопрос на бюро.

— О чем вопрос? Мало учен — не могу в один присест написать деловую бумагу? Ставь, пожалуйста! Я с удовольствием уйду на учебу. А здоровье тут ни при чем.

— Нет, при чем, я докажу. У меня хватит фактов.

— Ты чего кричишь? — возмутился вдруг Кочеванов. — Я тебе не мальчишка. И пора перестать подглядывать.

— Что? Ты что сказал? — грозно шагнул к нему Глеб. — Сейчас же оставь папки и уходи из райкома! Чтоб через две секунды здесь пусто было. Хватит, наговорились.

Кирилл не спеша собрал бумаги, уложил их в папку и, чувствуя неприязнь к Балаеву, молча вышел вместе с ним на улицу.

Вечер был теплым. В саду играла музыка. Над шарообразными фонарями, светившимися среди пожелтевшей листвы кленов, роились ночные бабочки. Меж стволов мелькали светлые платья девушек.

— Может, зайдем в сад? — дружески предложил Балаев.

— Иди, меня не тянет, — устало отозвался Кочеванов.

— Кирюшка, ты ведь младше меня на пяток лет. У тебя начинается собачья старость. Нашел бы девчонку, что ли.

— Запоздалый совет.

— Врешь. Кто она?

Кирилл, не зная кого назвать, отделался вялой шуткой:

— Девица, в платье ходит.

— Что ты говоришь? Вот не думал!

Насмешливо глядя друг другу в глаза, они пожали

руки и разошлись. Кирилл, боясь, что секретарь райкома нагонит его и опять начнет опекать, прибавил шагу.

На другой день Кирилл с утра поехал по предприятиям. В райкоме он появился лишь после обеда. В своей комнате Кочеванов неожиданно застал инструктора Иванова, не по возрасту серьезного и всегда аккуратного. Тот почему-то занимался составлением отчета. Иванов в последнее время часто брал на себя дела заворга. Кирилл недовольно спросил:

— Опять суешься?

— Не суюсь, а заканчиваю срочную работу, — строго заметил Иванов. — Иди к Балаеву. Велел сразу, как придешь.

Когда Кочеванов заглянул к Балаеву, тот с официальным видом поднялся, пожал руку и сказал:

— Срочное и важное дело...

— Опять? — изумился Кирилл. — Что ты на меня все новые дела наваливаешь?

— Ты мобилизован, — не глядя на него, сухо сообщил Глеб и, начав рыться в бумагах на столе, добавил: — Быстрее сдавай дела Иванову и будь готов к отъезду. Через час заедет машина.

— Что за дурацкие шутки! Какая мобилизация?

— Этот пакет распечатаеть на месте, — точно не слыша его, продолжал Глеб. — С тобой поедет еще один товарищ из Обкома партии.

Лицо Балаева было суровым. А Кочеванов никак не мог почувствовать себя мобилизованным.

— Мне сегодня в театр хотелось, уже билеты...

— Оставь здесь на столе и сдавай дела. — Глеб говорил таким строгим и холодным тоном, точно был недоволен заворгом.

— Ладно, — сказал Кирилл и от обиды покраснел. — Я готов. Только позволь сначала узнать — зачем и куда?

— Повторяю, из пакета узнаешь на месте.

— До сих пор тайн от меня не было, — может, хоть это объяснишь?

— Давай, Кирюшка, рассуждать потом будешь. Есть приказ — подчиняйся.

Кочеванов выпрямился, пересиливая горечь, молча вытащил из кармана билеты, положил их на стол и, круто повернувшись, вышел.

Заворотделом спешно сдавал дела. В его комнату

то и дело заглядывали инструкторы. Это было неприятно Кириллу; казалось, ребята не без ехидства любопытствуют: какое, мол, настроение у мобилизованного. И он старался как можно беспечнее шутить и хлопать о стол папками. Но, когда расслышал тихий смешок за дверью, настроение испортилось. Кирилл засвистел.

Позже в райком комсомола зашел рослый упитанный человек, одетый в хорошо сшитый и аккуратно отутюженный светло-серый костюм. Его крупное холеное лицо было гладко выбрито, а от всей массивной фигуры веяло здоровьем и благодушием. Блеснув квадратными, похожими на льдинки, стеклами пенсне, он представился:

— Евгений Рудольфович Гарибан.

Сообщив это, он протянул крепкую мясистую руку, обросшую золотистыми волосами, и приветливо улыбнулся. Видно было, что Евгений Рудольфович умел располагать к себе людей с первой встречи.

— Машина у входа, — сказал он. — Рад буду составить вам компанию.

С Балаевым Кирилл прощался холодно, не глядя ему в глаза. Это, видимо, заставило секретаря райкома бросить на время дела и выйти на улицу. Там он, не выдержав игры в официальщину, порывисто сжал кочевановскую руку, ни с того, ни с сего отдал начатую пачку папирос и, виновато улыбнувшись, сказал:

— Ну, не скучай. Пиши, если что.

Минут через двадцать машина выехала за город. Шины разбрызгивали пенистые лужи. Евгений Рудольфович угощал пахучими корешками «Сен-Сен», говорил о пустяках и смеялся громко, как смеются добродушные грузные люди.

Кирилл недоумевал, зачем на серьезное дело с ним едет этот благодушный, массивный чужак. В том, что он чужак, Кочеванов успел убедиться. Машина шла быстро. Гарибан вдруг попросил его зажмуриться и вытянуть руки вперед. Было приятно с зажмуренными глазами нестись мимо шелестящих деревьев.

— Не правда ли, — интересное ощущение?

Евгений Рудольфович принялся рассказывать о своих юношеских похождениях и хлопать по коленке так, что Кирилл морщился. Собеседник забавно врал. Чувствовалось, что он хочет вызвать Кирилла на откровенность.

Поэтому Кочеванов старался казаться молчаливым и всю дорогу с неприязнью следил за волосатыми руками Гарибана, которые как-то по-бульдожьи выглядывали из рукавов, словно из конур. Эти руки то лениво покоились на коленях, то потягивались, то приподнимались на пальцах, готовясь к прыжку. Кирилл, предвидя эту повадку, вздрагивал, раньше чем руки успевали прикоснуться к нему.

Гарибан даже пробовал щекотать райкомовца. Кирилл смущенно отодвигался от него и сам себе жаловался: «Ну и подсунули же мне дядю!» И вместе с тем Кочеванов немного завидовал ему. Тучный Гарибан, как мальчишка, вырвавшийся на волю, восторженно воспринимал все окружающее. Он даже папиросу курил с каким-то особым вкусом.

К концу пути Кирилл незаметно для себя заразился настроением чудаковатого спутника и, когда тот неожиданно попросил его показать язык, он так его высунул, что оба разразились веселым смехом.

Автомобиль свернул в аллею, тронутую пламенем осени. Тонкие красавицы-березки уже вывесили золотистые серьги, а на кленах и осинках трепетали бурые, желтые и темно-красные листья. За деревьями показались невысокие коттеджи и большое каменное здание с колоннами, похожее на санаторное.

«Какая же здесь может быть работа по срочному и сугубо секретному заданию?» — недоумевал Кирилл. Но распечатать конверт в присутствии Гарибана не решался. Машина остановилась у веранды блекло-сиреневого коттеджа. На крыльцо выбежал огромный пес; он ринулся к Гарибану. Не зная, как выразить свой собачий восторг, пес подпрыгнул, намереваясь лизнуть в лицо, потом твякнул, диким галопом обежал вокруг клумбы и, схватив портфель Евгения Рудольфовича, утащил его куда-то в дом.

Вышедшей сестре-хозяйке в белом халате Гарибан приказал устроить Кирилла в отдельной комнате главного здания.

«Не в дом ли сумасшедших меня привезли? — не понимая происходящего, уныло пошутил про себя Кочеванов. — Пожалуй, тут я в буйных буду числиться».

Сестра-хозяйка провела подозрительно озиравшегося

райкомовца в ближайший дом и показала светлую комнату с открытым окном.

В комнате пахло грибами, лежавшими на подоконнике, и крапивой.

Оставшись один, Кирилл немедленно разорвал пакет. В нем находился небольшой конверт с нарисованным чернилами черепом. Череп пронизывали зигзаги молний. Вверху виднелись надписи: «Смертельно», «Сугубо секретно», а внизу — «Заворотделом Кириллу Андреевичу Кочеванову (лично). Читать без посторонних. После прочтения сжечь и пепел развеять».

В конверте лежали два блокнотных листка. Размашистый почерк секретаря райкома не трудно было узнать.

«Кирюшка, если ты здесь не высидишь положенного срока, — соберем внеочередное бюро и взгреем, — писал Балаев. — Хватит, натерпелись! Мне надоели упреки и нападки со всех сторон. Твой Сомов прямо житья не дает, всю плешь переел! В последний раз при секретаре райкома партии я ему пообещал разгрузить тебя. А сегодня, смотрю, на ловца и зверь бежит: заехал начальник обкомовского спортивно-оздоровительного лагеря и говорит: «Хочу забрать у вас наиболее выдающихся физкультурников на переподготовку». Ну, мы тут собрали летучее бюро и решили тебя «переподготовить». Так что не злись, тренируйся, носись себе по лесам, нюхай грибы, листья — в общем все, что найдешь. Влюбляйся в девушек, только не в капризных. Ешь сколько влезет, можешь даже растолстеть. И научись, наконец, по-человечески высыпаться».

Если за время отдыха сунешься в какие-либо организационные дела, сам приеду, честное слово, затащу в укромный уголок и устрою такую баню, какой тебе еще никто не устраивал. Мне надоело либеральничать.

Если что потребуется, — пиши. За комнату и свет заплатим.

Прости за необычную путевку. Не забывай нас.

Обнимаю и жму твою лапу от имени бюро райкома.

Твой Глеб».

— Ну, это черт знает что! — прочитав записку, произнес вслух Кирилл и от досады присел на постель. — Так одурочить!

Кочеванов представил себе физиономии ребят, выдывавших командировку, и еще раз вслух добавил:

— Этот фокус не пройдет! Я сегодня же уеду и устрою скандал. Мальчишку нашли для шуток!

Нужно было немедленно действовать, но он внезапно почувствовал утомление. Захотелось лечь, закрыть глаза и так лежать, ни о чем не думая.

В комнате было тихо. Из парка слышались глухие удары по мячу, по-видимому, с волейбольной площадки.

Кирилл снял ботинки, взглянул еще раз на письмо и невольно улыбнулся:

— Вот черти!

В восемь часов зазвенел колокол.

— На ужин! — крикнул кто-то в коридоре.

Кирилл быстро нашел столовую. Парни и девушки, одетые в тренировочные костюмы, с любопытством обращивались, разглядывая новичка. Кочеванов перехватил взгляд коротко постриженной девушки, с задорно вздернутым носом, с мохнатыми и пестрыми, как пчелки, глазами. Она, казалось, обрадовалась ему и в то же время смутилась.

«Что здесь делает Ирка Большинцова? — Недоумевая, подумал он. — Не наши ли шутники подослали за мной подглядывать? Представляю, каким я буду в ее изображении».

К Ирине Большинцовой он относился снисходительно, как к девчонке-сорванцу, которой не всегда можно доверять серьезные дела. Слишком много она вкладывала в них ребяческой горячности и отчаянности. Эта комсомолка каким-то невероятным способом чуть ли не в семнадцать лет научилась летать на самолете и сразу же выделилась среди сверстниц. На последней конференции комсомола ее избрали в состав райкома, но это была дань лишь летным успехам. Как же — девушка пилот! А у пилота в голове сплошной ветер и какая-то повышенная смешливость.

Приветственно кивнув Кириллу, Ирина взглядом показала ему на свободное место рядом с ней. Но он демонстративно прошел мимо и уселся в углу за пустующий столик.

Его поступок смутил и обидел девушку. Ее щеки горячо зарделись. Она опустила глаза и готова была расплакаться.

«Ну и пусть, — сердито подумал Кирилл, — не будет соваться, куда не просят».

Ожидая, когда принесут ужин, Кочеванов осмотрелся. Большинство сидящих здесь, видимо, не заметили, что произошло между ним и Ириной, лишь девушка в кремовой блузке, привлекавшая внимание пышной копной золотистых волос, с лукавой и одобрительной усмешкой поглядывала на него.

Вспомнив, что более трех дней бритва не касалась его подбородка, Кирилл невольно потрогал щеку. «Эх, ножи забыл», — досадуя подумал он.

Быстро поужинав, Кочеванов пошел к Евгению Рудольфовичу. Гарибан точно поджидал его. У него были приготовлены бритвенные ножи, зубная паста и мыло.

Кирилл принял душ, побрился и рано лег спать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утром благодушный и сияющий Гарибан проверил в кабинете объем легких Кирилла, его сердце, нервы и сам вызвался показать парк и лесное озеро.

Взяв мелкокалиберную винтовку и собаку, Евгений Рудольфович повел райкомовца по заросшей травой, мало хоженной тропинке. По пути они разговорились. Гарибан стал расспрашивать о болезнях, перенесенных в детстве, о родителях и среде, в которой Кочеванов вырос.

Кириллу не хотелось откровенничать. Да и болезней он своих не помнил. Разве только заикание от испуга.

* * *

Кирюшке шел четвертый год. Отца уже не было в живых: он погиб на войне в 1915 году. Мать, чтобы заработать на хлеб, ходила на поденщину и сдавала угол тормозному кондуктору Семену Зайкушкину. Это был высокий и тощий детина с белесыми, беспокойными глазами. Другей у него не водилось. Кому нужен унылый и чудаковатый приятель? Зато любителей подшутить, высмеять было вдоволь. Железнодорожники знали о слабости Зайкушкина, не выносившего вида и запаха крови: они ловили выпавших из гнезд воронят, откручивали

им головы и трепещущих, истекавших кровью, подбрасывали ему на тормозную площадку, засовывали в дорожную сумку.

После полочки Зайкушкин обычно добывал где-то брагу, приглашал соседа Никиту в рощу, у железнодорожной насыпи, и там напивался до слез.

Пьяные, вываливавшиеся в ржавой болотной тине, они возвращались в обнимку и грозились всем отомстить.

К концу войны в солдаты стали забирать и железнодорожников. Зайкушкин только что вернулся из поездки. Нарядчик нарочно назначил его сопровождать плотно набитый ранеными воинский эшелон. Кондуктор, как потом рассказывали, вошел в дежурку со странно блуждающими глазами и заявил:

— Увольняйте, в санитарный больше не сяду.

И как раз в это время стационарный жандарм принес повестки о мобилизации. Плутовато подмигнув присутствующим — глядите, мол, как шутить надо, — первую повестку вручил Зайкушкину, ожидая, что в дежурке, увидев задрожавшие руки кондуктора, разразятся хохотом. Но все насупившись молчали.

Зайкушкин принес тогда эту повестку в свой закуток. Там он прочитал ее вслух и в смятении заходил по скрипучим половицам. Потом, точно чем-то осененный, кондуктор торопливо заправил лампаду трескучим керосином из казенного фонаря и, приколов повестку под образа, стал на колени и начал молиться.

По улице ехали с песней казаки. Зайкушкин некоторое время прислушивался к песне и цокоту лошадиных подков, потом, вдруг испугавшись, вскочил, сорвал с вешалки дождевик и, укрывшись им, притих в углу.

Мать с обеда полоскала белье на речке. Маленький Кирюшка, соскучившийся в одиночестве, решил, что жильцу хочется поиграть с ним. Он хорошо видел все его хитрости, но, чтобы не показать этого, начал плутовски искать спрятавшегося кондуктора под кроватью, под табуретами. Наконец не выдержал и произнес:

— А я все равно твою сапогу вижу.

Громко рассмеявшись, он захлопал в ладоши, подбежал к Зайкушкину и отдернул дождевик...

Из-под дождевика смотрели на него чужие белесые глаза. На корточках сидел не Зайкушкин, а какой-то

сивый, совсем незнакомый человек, который дрожа что-то бормотал. Кирюшке показалось, что этот чужой с белесыми глазами хочет прыгнуть и съесть его.

Как он испугался! Он захлебнулся, почернел, закатываясь в крике.

Зайкушкин, поднятый детским визгом, сбил головой лампаду и заметался по комнате.

Истошный крик Кирюшки всполошил соседей. Заглянув в окно, они увидели горящий на полу керосин и стали бить стекла.

— Жандармы! — закричал кондуктор и убежал на чердак.

Вломившиеся в дом люди накрыли одеялом вонючую, дышащую синеватым огнем, лужу и затоптали ногами. Потом они стали звать Зайкушкина и бить кулаками в чердачную дверь. А с чердака никто не откликнулся. Тогда двое деповских навалились на дощатую дверь, и она под дюжим натиском их плеч рухнула.

Люди в страхе отпрянули от двери и сняли шапки.

Кондуктор со скрюченными ногами висел на веревке, приготовленной матерью для сушки белья.

С этого дня Кирюшка стал заикаться. Он боялся один оставаться дома. Когда мать уходила на поденщину, мальчик с утра и до сумерок слонялся по замусоренному двору, собирал всякий хлам — бутылки, консервные банки, кости, стекляшки и, усевшись на солнце-пеке, строил из них станции, будки и поезда.

Если ветер сносил белье с веревок или шкодливый кот утаскивал что-либо у соседок, они не искали виновников, а ловили безнадзорного Кирюшку и злобно драли ему уши.

Мальчишки, зная, что за Кирюшку ни от кого не попадет, пристреливали по нем рогатки, а когда тот жаловался, — били.

Вечерами мать возвращалась с работы издерганная и усталая. Увидев исцарапанного и изодранного сынишку, она плача кляла его, запирала в чулан и шла к стрелочнику Никите просить помощи.

Рябой Никита от воспитательной работы не отказывался. Он сгребал Кирюшку цепкими руками за ворот, тащил, как котенка, на кухню и там, пыхтя, деловито привязывал к скамейке.

Потом стрелочник просил «чего-нибудь» промочить глотку. Водки не было, и мать наливала в стопку денатурату, приготовленного для примуса. Никита, хмурясь, выпивал его, морщился и крутил головой. Кирюшка, подвывая от страха, ждал, когда рябой снимет тонкий ремешок и начнет стегать.

Первые удары обжигали тело нестерпимым огнем. Кирюшка извивался, дрыгал ногами, визжал. Мать хватала его голову, зажимала дрожащими пальцами рот и от жалости плакала.

— Потерпи, Киря, дядя Никита человека из тебя сделает.

Решив, что без отца мальчишка совсем отобьется от рук, мать упросила бабку Катю подыскать ей подходящего мужа.

Единственным бобылем оказался все тот же рябой стрелочник Никита.

Мать поплакалась соседкам на судьбу, отдала бабке Кате старую шаль и пустила Никиту жить в свой дом.

В годы, когда не стало ни денатурата, ни водки, Никита являлся с дежурства больным и угрюмым. Без хмельного он не мог есть пустых щей и лепешек из дуранды. Мать тайком приносила ему из столярки, где она работала уборщицей, в бутылочке от духов политуру.

Проглотив разбавленное водой мутное питье, стрелочник несколько минут не мог отдышаться, а потом багровел и становился разговорчивым. Он ставил перед собой Кирюшку и спрашивал:

— Отец я тебе или нет?

Кирюшка хмуро поглядывал на мать и молчал.

— Отец, — торопливо подсказывала мать.

— Отец, — нехотя повторял Кирюшка.

— А раз отец, то должен я тебя учить?

«Да» или «нет» приводили к одному и тому же: Кирюшке приходилось расстегнуть штанишки, лечь ничком на скамейку и ждать жгучих ударов тонкого ремня.

Если он пытался улизнуть, то рассвирепевший Никита хватал за ворот, бросал на пол, зажимал голову между ног и нещадно сек его за упрямство.

Избитого Кирюшку, потерявшего голос в крике, мать вводила в чулан, прикладывала к иссеченным местам

мокрые тряпки, гладила шершавой рукой горячее тело и учила:

— Надо слушать дядю Никиту, — он добра тебе хочет. Храбрей будь, сам ложись, меньше попадет. Отцу-то робкому плохо жилось.

Мать была права: забитого и бессловесного мальчишку даже в школе всякий норовил ущипнуть, сбить подножкой на землю, лягнуть, ткнуть кулаком. Кирюшка заметил, что покладистым и хитрым мальчишкам, умевшим приноравливаться к школьным тиранам и переносить обиды с шутовскими ужимками, жилось легче — их меньше били. А он не умел комически почесываться после затрещин, улыбаться, когда хотелось плакать, падать на спину и по-щенячьи поднимать вверх «лапы» перед обидчиком. Всякое насилие и несправедливость вызывали у него гневные слезы, которые невозможно было сдержать, — они комом скапливались где-то в глотке, туманили и жгли глаза.

Лишь в пионерском отряде, на беседах, мальчик понял, что никакому человеку не позволено тиранить и бить другого. Зимой, когда Никита за облитый чернилами валенок хотел его выпороть, Кирюшка выпятил грудь и сказал:

— Вы не смеете! Так не воспитывают.

— Что-о? Ты где энтакого наслушался? А ну, скидай штаны — и на скамейку!

— Не лягу. Не имеете права!

Мать ужаснулась:

— Кирюшка, ты что — ошалел? Он ведь замест отца тебе. И злобу не копи, бог накажет.

— Он мне никто! — возразил Кирилл. — И бога нет.

Никита сгреб за ворот упирившегося мальчишку и, пригнув его к полу, хотел было зажать голову меж колен, но Кирюшка вывернулся и, как волчонок, вцепился зубами в руку. Стрелочник взвыл от боли. Ударом сбив с ног мальчишку, он принялся стегать его ремнем по чему пстало. А потом, распахнув дверь, выкрикнул:

— Вон из дому! Чтоб ноги твоей больше не было.

Никита думал, что мальчишка испугается холода, вернется домой и попросит у него прощения. Но Кирилл без шапки и пальто ушел по железнодорожному пути к заснеженному тупику и там пробродил до вечера.

Тогда он заболел воспалением легких и провалялся в постели больше месяца, а когда выздоровел, заикание прошло. Других же болезней Кирилл не знал.

* * *

Евгений Рудольфович, умевший проникать в душу собеседников, немного выведal у Кочеванова, так как на вопросы тот отвечал неохотно и скупо.

«Скрытный парень, — подумал Гарибан. — Но для первого знакомства и этого достаточно».

Лес, по которому они шли, был смешанным: рядом по-осеннему пестрели лиственные деревья и виднелась темная зелень сосен и елок. Изредка рдели гроздь ябины.

В ольшанике и осиннике шуршали опавшие листья.

— Посмотрите, нигде нет ни одной яблоньки, а пахнет яблоками, — заметил Гарибан.

— Да, чем-то похожим, — согласился Кирилл. — Я люблю запах палого листа.

Минут через пятнадцать они вышли к большому озеру, заросшему у берегов тростником. Метелки высоких тростинки трепетали на ветру, как султаны, а густая ряска, покрывавшая отмели, походила на пестрые ковры.

Невдалеке от озера, на пригорке, стоял небольшой рубленый дом. От него сбегала вниз к мосткам на воде тропинка.

— Это наш изолятор, — сообщил Гарибан. — Вернее — охотничий домик. Если появится желание поохотиться или рыбку поудить, — приезжайте, устройю без путевки. Мои друзья в этом домике находят все, что им нужно.

Кочеванов прошел на мостки, у которых стояли две лодки. Разглядев в прозрачной воде стайку рыбок, он нарочно шатнул мостки. Рыбки испуганно метнулись в стороны. Поверхность воды, точно в нее бросили пригоршню дробинки, взорвалась мелкими брызгами.

— Здесь с удочкой не заскучаешь, — сказал Кирилл.

В парк они возвращались другой тропинкой, мимо скошенных полей, на которых высились стога сена. Поднявшееся солнце было ярким, но холодным, как блеск стекла.

Над полями, цепляясь за что попало, летели длинные паутинки бабьего лета. Кирилл знал, что на кон-

чике каждой белоснежной нити сидит крошечный паучок-путешественник. Он хотел поймать одного и показать Гарибану, но потом передумал: «Зачем? Кто он, этот доктор, навязывающийся в друзья?»

Над кустами то и дело пролетал пух, словно где-то ястреб терзал пичугу. Кочеванов настороженно стал вглядываться в заросли и, увидев облысевшие головки одуванчиков, сообразил: «Это они пустили по ветру свои пушистые шапки». Кирилл рад был вспомнить все, что знал в детстве.

Впереди послышались голоса. За деревьями парка на спортивных площадках замелькали разноцветные косынки, футболки, тренировочные костюмы. Человек тридцать спортсменов занимались кто прыжками, кто метанием, кто на снарядах. Как-то особняком, в стороне от всех, на гаревой дорожке тренировалась девушка в кремовой блузке и белых трусиках. Она то пробегала, картинно вскидывая ноги, то массировала мышцы, то прохаживалась, широко разводя руки в такт дыханию. А около нее суетился чернявый фотограф: он стремился заснять спортсменку в движении.

— Заглядение! — воскликнул Гарибан. — Смотрите, какая грация.

Девушка, заметив, что ею любуются, гордо вскинула голову и промчалась мимо них, плавно выбрасывая длинные загорелые ноги.

В легком движении воздуха Кирилл уловил запах духов. «Странная спортсменка, — подумал он, — даже на занятия выходит надушенной». А Гарибан продолжал восторгаться:

— Летит, а не бежит. Ветер! Наша жемчужина, будущая чемпионка — Зося Кальварская. Скоро о ней заговорят газеты и радио.

* * *

После обеда Кочеванов прилег отдохнуть. На него напала лень; не желая ничего делать, он отдался дреме. Это с Кириллом случалось редко. Он всегда был занят и не мог просто так лежать, не думая о делах. Но сегодня он позволил себе отдыхать и не считал это потерей времени.

После сна Кирилл размялся с гантелями, сбегал к озеру, принял душ и поужинал.

Вечером многие обитатели спортивно-оздоровительного лагеря областного комитета профсоюзов, сокращенно названного «Солоп», собрались на большой веранде главного здания. Зося Кальварская уселась за пианино и начала наигрывать опереточные мотивы. Она была в легком сиреновом платье. Лакированный поясок охватывал ее тонкую и гибкую талию. Ярко-желтая газовая косынка, повязанная на манер пионерского галстука, оттеняла золотистый цвет волос. Около Зоси вертелись парни. Они состязались в остроумии, подпевали и пританцовывали в такт музыке.

Кто-то завел радиолу. Начались танцы. Веранда загудела от музыки и шарканья ног.

Кирилл улегся в качалку, выбрав угол потемнее. Он не умел танцевать, — ему было обидно за себя и немного грустно. От нечего делать, он тайно следил за Кальварской. Казалось, что ее крепкие и сильные ноги живут какой-то особой, самостоятельной жизнью. Они ни на секунду не знали покоя. Даже когда Зося не танцевала, подол платья продолжал колыхаться, скользить по коленям, словно от круговых движений.

Кочеванову очень хотелось, чтобы раскрасневшаяся спортсменка села на пустующую рядом с ним качалку и отдохнула от танцев. Может быть, он заговорил бы с ней и увел прогуляться в парк. Впрочем, навряд ли. Он ведь и этого не умел.

Зося, конечно, и не вздумала присесть на качалку. Ее окружили более веселые и видные, чем он, парни. Она веселилась в общем круговороте, не обращая внимания на вздыхателей, следящих за ней со стороны.

Из парка веяло прохладой. Там с тихим шелестом падали листья. Кирилл сидел грустным, остро чувствуя свое одиночество.

Перед сном все пошли на прогулку. В темной сини звездного неба всходила луна, делая темноту мягкой, прозрачной.

Кочеванов шагал по хрустящей дорожке парка один. Он свернул к освещенным луной яблоням. От деревьев на серебристую траву падали зыбкие кружевные тени. Кирилл остановился под большой яблоней и стал вдыхать крепкий запах антоновки.

Он слышал, как вдалеке на большой аллее громко смеялась Зося. Кирилл уже отличал ее голос среди

других. Ему вдруг захотелось, чтобы она покинула всех и прибежала сюда, под яблони. «Если очень сильно желаешь, то можешь воздействовать на другого на большом расстоянии», — вспомнил он где-то вычитанную фразу. Вот бы свершилось чудо!

Кочеванов прислонился к корявому стволу и, закулив, стал вслушиваться. Через некоторое время ему показалось, что хрустнула невдалеке сухая ветка. Кирилл, прикрыв огонек папиросы ладонью, насторожился. Он увидел, как за стволами мелькнула девичья фигурка и вновь показалась в полосе лунного света.

«Кажется, Большинцова, — взглядевшись, подумал он. — Ну и сорванец, за яблоками пробирается».

Когда девушка подкралась ближе, он нарочно кашлянул. Ирина испуганно отскочила в сторону и прижала руки к груди.

— Не бойся, не кусаюсь, — успокоил ее Кочеванов.

— Ой, Кирилл!.. А я думала, — сторож, — с трудом переводя дыхание, сказала Ирина. — Меня девчата из нашей комнаты попросили. Вдруг всем захотелось яблок. С этой стороны вкусные растут; смотри, какое тяжелое.

Ирина сорвала яблоко и протянула Кириллу. Он взял его и надкусил.

— Да, что-то вроде малиновки, — определил он. — Ты что же, — все перепробовала?

— Угу, — созналась она. — Точно в детство впала, — по садам лазаю, никак не могу освоиться здесь. А ты почему на меня вчера таким зверем глядел?

— Показалось, что ты сюда не по своей воле приехала.

— Верно, — согласилась она. — Меня вдруг освободили от новой группы, привезли сюда и предложили тренироваться в беге и прыжках в длину. Я этого Гарибана давно знаю, противный дядька.

— Чем же?

— Он себе на уме, спроста ничего не делает, ты увидишь.

Сорвав несколько крупных, поблескивающих в лунном свете яблок, Ирина вдруг предложила:

— Бежим, а то скоро свет погасят.

Прижимая к груди добычу, она устремилась к дому. Кирилл рванулся было за ней, но потом, решив, что

райкомовцу непристойно бежать взапуски за сорванцом, таскающим яблоки, пошел степенно, не торопясь.

Ночью Кочеванову не спалось — мешала луна. В форточку врывались холодное дыхание парка и шорох опадавших листьев.

На другой день побаливала голова, было скучно без привычной беготни, телефонных звонков, споров, неожиданных совещаний.

Кочеванов забрел на волейбольную площадку. Там прыгала, блокируя у сетки противников, Зося Кальварская. Кириллу захотелось сыграть против нее. Он напросился в команду, но играл из рук вон плохо: то принимал мячи не на кончики пальцев, а всей ладонью, то не давая паса партнерам, «стрелял» или посылал мяч в сетку. В команде были недовольны его игрой. Кирилл стал волноваться, срывать не свои мячи. Он слышал едкий шепот: «Дырка! Зачем взяли такого?» Плохие волейболисты и те поучали его. И все это творилось при Зосе. А она с ухмылкой поглядывала на него и, когда Кирилл делал ошибку, весело восклицала:

— Спасибо!

Когда команда проиграла с позорным счетом, Кочеванов не вышел больше на площадку.

Он слонялся у белых стволов берез и в скуке думал: «Что же я тут буду делать целый месяц? Взбрело же Балаеву удружить! А эта прыгунья презирует меня. До чего же я стал неловок! Надо бы взять себя в руки и обрести прежнюю подвижность и быстроту. Нельзя позволять мышцам дрябнуть».

За обедом Зося ни разу не взглянула в его сторону, и, может быть поэтому, ему не хотелось есть.

Вечером на веранде опять были танцы. Кирилл уселся на барьер и прислонился к колонне. Большинцова, заметив его одиночество, подошла и спросила:

→ Чего ты такой грустный?

— Да так как-то.

В это время заиграла музыка.

— Идем потанцуем, — предложила Ирина и потянула Кирилла за руку.

— Нет, не хочется, — отказался он. — К тому же не очень получается.

— Ничего, я научу.

Но Кириллу не хотелось срамиться, и он остался на месте.

Ирину подхватил парень в белом пуловере и закружил. Это был Ян Ширвис. Кочеванов знал его по спортивному клубу водников. Коротко постриженный и широкоплечий спортсмен, с удлинненным тяжеловатым подбородком, умел ловко ухаживать, весело и со значением говорить глупости, кривляться... И все шло к нему. Он нравился девушкам и был заводилой в компании парней.

— Небось, завидуете? — спросил Кирилла скучавший рядом круглолицый, не по годам толстый парень. — Я тоже, — признался он. — Его зовут Яном, он занимается боксом и не имеет ни капли жира. А вы знаете, что такое иметь лишнее сало? Нет, потому что вы никогда не весили девяносто семь килограммов. Впрочем, и у вас есть неестественный груз. Вы желаете танцевать и не можете, пробуете резвиться — и не выходит. Не хотите ли прогуляться по-холостячки? Я люблю горький запах осени.

Он взял Кочеванова под руку и повел по темным аллеям парка.

Под ногами шуршали опавшие листья. С ветвей деревьев скатывались холодные капли недавнего дождя. Одна из них попала Кириллу на щеку; он смахнул ее пальцем, а толстяку показалось, будто его собеседник хочет отвязаться от какой-то назойливой мысли.

— Вам не везет на танцах? — спросил он.

— Да вроде вашего, — вяло отшутился Кирилл, не желая откровенничать с незнакомым человеком.

Толстяк вздохнул:

— Это правда; девушки не испытывают волнения при виде моей лоснящейся физиономии. Они замечают в ней только благодушный жир и довольство. А между прочим, я влюблен, и кажется, безнадежно. Ее имя — Зося. Да, да, та самая, с красивыми и быстрыми ногами. Спортсменка думает, что делает мне приятное, когда говорит: «Как вы хорошо выглядите, мой пуз!» Она не знает, что все худощавые считают своим долгом напомнить мне о моем животе, румянце и объеме. А я идиотски улыбаюсь. Поэтому, видимо, и она считает меня славным парнем и говорит все, что хочет. Таков

удел толстых, которых все любят и никто не любит попросту.

— А вы не преувеличиваете? — спросил Кирилл.

— Преувеличиваю! Как бы не так! Нужно толстеть годами, чтобы понять меня. Я родился розовым порошком. В детстве не бегал, а катался, как шар; это смешило даже учителей. А вы знаете, что такое в восемнадцать лет весить восемьдесят кило? На улице, в театрах, на вокзалах я примерял себя ко всем людям. Нарочно голодал, глотал всякую гадость, чтобы чуточку похудеть. Тайком занимался гимнастикой, катался, ползал, прыгал — и все создавало мне жир. Я решил замучить себя ученостью. Говорят, что студентов сушат книги, не верьте — ложь! От сидячей жизни к двадцати четырем годам у меня выпятилось брюшко.

— Неужели борьба с животом поглотила все ваши стремления? — Не мог поверить Кирилл.

— В жизни есть, конечно, дела посерьезнее. Вы правы. Но пришлось к слову. Больше чем животом, я интересуюсь конструкциями тяжелее и легче воздуха. Вес, видите ли, в моей жизни играет не малую роль. Кстати, нам бы следовало несколько лучше познакомиться. Разрешите представиться — инженер-конструктор Борис Дементьевич Валин.

Кирилл назвал себя. Откровенность Валина ему нравилась, и он с большим интересом стал прислушиваться к его горестно-иронической болтовне. Возвращаясь к веранде, Кочеванов тайно потрогал свой живот и, ощутив упругую твердость мышц, повеселел.

Танцы кончились. Ширвис с Ириной спускались с веранды. Разглядев Кирилла, Ян удивился.

— О, ты уже здесь? Быстро!

— Не понимаю, — почему тебя это удивляет?

Но Ян не слушал его и продолжал свое.

— Я тоже начисто покончил с лягушатником дяди Володи. Перехожу, как и ты, к Гарибану.

— А я не собираюсь.

— Брось, не скрытничай. Ведь это я посоветовал Евгению Рудольфовичу вытащить тебя. И правильно сделал! Довольно тирании. За что он тебя выставил? Дисциплину, видишь ли, нарушили! А то, что ты не уступишь мастеру в точности и силе удара, его мало интересует. Ребята, которые и двух раундов со мной не

выдержат, у других тренеров перворазрядниками и мастерами стали, на всесоюзных соревнованиях выступают. А он меня все в детских пеленках выдерживал. Ему, понимаете, не нравится моя манера и силовой бокс. А я не люблю танцев и телячьих нежностей на ринге. Мы разные люди. Гарибан берет меня таким, какой я есть. Он умеет найти в спортсмене главное, вовремя выдвинуть его и создать имя. У Гарибана не закиснешь.

— Разве не дядя Володя сделал тебя боксером?

— Я думаю, что в этом больше всего повинны мои родители, а затем — мои объемистые легкие, выносливое сердце, крепкие кулаки и быстрые ноги. Не будь Сомова, со мной занимался бы другой инструктор.

— А не кажется ли тебе, что ты выглядишь перебежчиком, которому больше посулили? Обо всем этом прежде надо было поговорить с дядей Володей.

— Брось высокие материи. Все выглядит несколько иначе: просто я порвал с мямлей и дилетантом, чтобы перейти к более пробивному, умному, понимающему меня и бокс тренеру. Вот и всё.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Это было пять лет назад. В Ленинградское общежитие на Обводном канале съезжались подростки с дальних узловых станций Витебской, Варшавской и Балтийской железных дорог. Ребятам размещали на шестом этаже, а девочек — на пятом.

Кирилл попал в комнату, в которой уже поселились пять человек. Ему досталась шестая койка, у двери, сооруженная из двух козел и деревянного щита, покрытого волосняным тюфяком.

— За одеялом, простынями и наволочкой придешь попозже, — сказал комендант, носивший солдатскую гимнастерку.

— А подушки не дадут? — поинтересовался Кирилл.

— Тут полный комплект был. Видно, захватил кто-то лишнюю. Посмотри по койкам, — посоветовал комендант и ушел размещать других ребят.

Запихав под койку свой сундучок, Кирилл, не зная, что же ему предпринять, стал растерянно озираться.

Кроме него, в комнате еще находился долговязый парень, который сидел у раскрытой корзины и уплетал хлеб с салом.

— Ты у Цакуна посмотри, — сказал он. — Вон на той койке у окна.

По цоканью чувствовалось, что этот парень приехал из Псковщины. Кирилл оглядел указанную койку, но второй подушки не нашел.

— Они у него обе в одной наволочке, — подсказал парень.

В большую наволочку действительно были запиханы две тощих подушки. Одну из них Кирилл взял себе.

— Эх и устроит же тебе Цакун! — зажмурясь, пропел парень, словно предвкушая нечто занятное. Вонзив зубы в сало, он оторвал большой кусок и принялся энергично жевать.

Вскоре откуда-то пришли три парня, лет по шестнадцати — семнадцати. Они все были в белых апашках, с выпущенными на пиджаки воротниками. Самый рослый и мордастый, указав на Кирилла, спросил у псковича:

— Ходырь, откуда этот хмырь взялся?

— Лишних в каждую комнату суют. Понаехало всяких.

Мордастый взглянул на свою постель и, увидев отощавшую подушку, грозно спросил:

— Кто здесь копался?

— Я, — ответил Кирилл. — Мне комендант велел забрать свою подушку.

— А если она не твоя? Ты знаешь, что за это бывает? А ну, неси ее в зубах!

— И не подумаю.

— Тогда советую: просись сразу в другую комнату, — пригрозил Цакун. — Тут тебе житья не будет.

Мазнув рукой по губам Кирилла, он забрал подушку, вновь запихал ее в наволочку, а затем прямо в ботинках развалился на койке.

Кирилл знал школьное правило: если не можешь сам справиться с обидчиком, то стерпи или подбери по сильнее товарищей, которые за тебя заступятся, но никогда не жалуйся. Лучше остаться без подушки, чем прослыть фискалом. Он лишь брезгливо сплюнул и сказал:

— Силы набрался... грязными руками в лицо лезет.

— Помалкивай, хмырь, а то еще схлопочешь.

В комнату неожиданно заглянул комендант.

— Кто это на койке в сапогах валяется? Встать! Как твоя фамилия? Цакун? Так вот что, Цакун, если еще раз увижу, — уедешь домой без экзаменов. Не положено в обуви.

— Я на минуту.

— Совсем нельзя.

По выправке и умению приказывать чувствовалось, что комендант недавно демобилизован из армии. Взглянув на уныло сидящего Кирилла, он спросил:

— Еще не нашел подушку?

— Нет.

Комендант начал осматривать койки.

— У меня она, — вдруг признался Цакун.

Он вытащил подушку из наволочки и небрежно бросил ее. Подушка, не долетев до койки, упала около плетельницы.

— Поднять! — распорядился комендант.

— Ты что, хмырь, расселся! — прикрикнул на Кочеванова Цакун. — Не слышишь?.. Поднять велено!

Но Кирилл не шелохнулся.

— Кто бросил, тот и поднимай, — приказал комендант. — Ох и вредный же ты парень, Цакун! Придется тебя на заметку взять.

* * *

Кирилл попал в группу слесарей-монтажников, а более рослые ребята — в кузнецы, литейщики, паровозники. Девчат принимали лишь в столярный, токарный и жестяницкий цеха.

Небольшой учебный завод железнодорожников назывался «Юным пролетарием». Взрослыми людьми в нем были лишь мастера, наладчики станков, преподаватели и служащие конторы, а шесть цехов, классы и кабинеты с восьми часов утра заполнялись молодежью. Фабзавучники учились и работали по сменам: полдня — в классах, полдня — в мастерских.

От общежития до завода было далеко. Приходилось вставать на час раньше и бежать к трамвайной остановке. Денег у мальчишек первогодников было немного; поэтому каждый норовил проехать бесплатно: пристроясь на подножке трамвая или на «колбасе».

Трамвай довозил только до Балтийского вокзала, дальше нужно было более километра идти пешком. Но кому охота шагать, когда большую часть пути можно проехать? Ребята приспособились ездить на утренних рабочих поездах, которые с вокзала отправлялись на запасные пути. Фабзавучники заполняли тамбуры и висели на подножках.

Чем дальше уводил маневровый паровоз состав от вокзала, тем шел быстрее. У переезда он разогнался так, что страшно было соскакивать на ходу. Ребята прыгали с подножек, летели кубарем и растягивались на потемневшей от гари и нефти земле.

И все же, несмотря на все это, они не прекращали опасной езды. Кто же пойдет пешком, когда другие ездят?

В первые дни работа в цехе утомляла. Кирилл, учившийся владеть зубилом, ручником и напильником, ходил с ободранными и побитыми пальцами. Он никак не мог приладиться бить молотком так, чтобы не делать промахов. В классах было легче: там он чувствовал себя в привычной среде.

В общежитие ребята съезжались к шести часам. Мылись, переодевались и... не знали, куда себя деть. Те, у кого были деньги, покупали сладости, ходили в кино. Другие либо гоняли на пустыре залатанный футбольный мяч, либо ходили в гости к девочкам. Третьи валялись на койках в опустевших комнатах и до одури зачитывались книгами.

От нечего делать ребята придумывали всякие забавы, особенно с теми, кто рано ложился спать. Самым безобидным было «сделать гусара». Озорники выщипывали из одеял и старых курток слежавшуюся вату, зажигали ее и подносили к носу спящего. Тот, вдохнув едкий, удушливый дым, стонал, делал нелепые движения, точно стремясь освободиться от душителя, и, проснувшись под общий хохот, долго не мог понять, где он находится.

Еще большее веселье вызывал «велосипед». Тем, кто крепко спал, закладывали меж пальцев ног узкие полоски курительной бумаги и поджигали их. Проснувшийся, увидев огонь, в ужасе сучил ногами так, как делают это при быстрой езде на велосипеде.

Правда, горящая бумага иногда припекала пальцы

до волдырей, но никто не жаловался. Пострадавшие помалкивали и ждали, когда наступит удобный момент ответить озорникам не менее злой шуткой.

Самым неприятным было лететь на «ковре-самолете». Первым это испытал Кирилл. Цакун, затаивший против него злобу, подговорил ребят выждать, когда он уснет, и устроить полет.

Кочеванов не почувствовал, как четверо парней подняли с козел деревянный щит, на котором он спал, осторожно вынесли его в коридор и там по команде одновременно выпустили из рук...

Сон Кирилла прервали грохот и сотрясение. Ему показалось, что рухнул дом. Не понимая происшедшего, Кочеванов ошалело вскочил и заметался по коридору, натываясь на корчившихся от смеха ребят. У него так билось сердце, что он с трудом выговорил:

— Погоди, я... я тебя тоже подловлю!

— Может, сейчас станемся? — выпятив грудь, предложил Цакун.

Они готовы были схватиться, но в это время с лестничной площадки послышалось:

— Ш-ш... Комендант!

Ребята разбежались, а Кочеванов не успел убрать постель.

— Ты зачем ее вынес? — недоумевал комендант, пришедший на шум.

— Клопов искал, кусаются здорово, — соврал Кирилл; но больше он не стал жить с Цакунем и его компанией, а перебрался к своим однолеткам-столярам, которые и ростом мало отличались от него. Этих ребят из шестой комнаты в общежитии звали тихонями. Они никого не задевали, не откликались на прозвища, все вместе ходили на работу, в кино и очень часто по вечерам запирались на ключ, с тем чтобы без помех допоздна читать приключенческие книги. Спокойные и не задиристые «тихони» Кириллу были по душе. Он быстро приноровился к их жизни и также стал зачитываться книгами.

Однажды белобрысый и востроносый модельщик Евдокимов прибежал из библиотеки возбужденным.

— Ребята, в субботу настоящий бокс показывают, — сказал он.

— В кино? — поинтересовался Кочеванов,

— Нет, живой, такой, как у Джека Лондона. На афише написано: «Матч бокса на первенство города среди юношей второго и третьего разрядов».

Собрав деньги на билеты, ребята в субботу всей пятеркой пошли в клуб. Они первыми проникли в большой зал и захватили места поближе к сцене. Здесь все для них было ново: и квадрат ринга, огороженный толстыми канатами, и длинный судейский стол, и медный диск гонга.

Первыми дрались боксеры наилегчайшего веса — сухощавые, очень подвижные и быстроногие подростки. Кириллу прежде думалось, что боксеры обязательно должны быть рослыми, широкоплечими детьми, с выпуклыми бицепсами, с каменными челюстями и бычьей шеей. А тут перед ним кружились голенастые и гибкие мальчишки. Они награждали друг друга тумаками и не злились. Один даже улыбался после крепких ударов.

Следя за мельканием черных перчаток, Кирилл возбужденно ерзал в кресле, а когда прозвучал гонг, извещавший о конце раунда, и боксеры, прекратив тузить друг друга, разошлись по углам, он с восхищением произнес:

— Эх, мне бы так!

— А ты пойдй вон к тому дядьке и попросись, — посоветовал Евдокимов, показывая на лысоватого человека, что-то шептавшего внимательно слушающему боксеру. — Он у них главный.

Но как так пойдешь к незнакомому человеку и скажешь, что ты желаешь научиться боксировать? Еще, чего доброго, прогонит или засмеет. Кирилл, наверное, и думать бросил бы об этом, если бы не увидел боя боксеров в весе «пера».

На ринг вышла какая-то нелепая пара. Один боксер был плотным, скуластым, с выпуклой, хорошо развитой грудью. Он чем-то напоминал Цакуна. А его противник выглядел тщедушным и нескладным пареньком: он был сутул, с покатыми плечами и жилистыми тонкими руками. Казалось, что мускулистый одним мощным ударом вышибет из него дух и свалит на землю.

Но этого не произошло. Худощавый, несмотря на непрестанные атаки противника, не подпускал его к себе близко: он либо уклонялся, либо останавливал скуластого резко выставленной рукой. Здоровяк, наткнувшись

на твердый кулак, недовольно встряхивал головой, отступал на два — три шажка и вновь кидался в атаку с таким видом, словно собирался протаранить худошавого. Но как-то так получалось, что его тяжелые кулаки не находили цели и он, сделав промах, точно разъяренный бык, пронеслся мимо. Это вызывало оживление и смех в зале.

Кириллу страстно хотелось, чтобы произошло чудо и победил худошавый. «Если бы мне так уметь, — думал он. — Я бы вызвал Цакуна на посмешище. Он, конечно, подмигнул бы своим: смотрите, мол, как я двумя оплеухами успокою хвастунишку. И развернувшись, вскинул бы кулак, а я в сторону. Он раз — и мимо. Мордастый хочет ударить сверху, а я — нырк под руку и — хрясть по морде!»

Увлеченный мыслями о своей будущей неуязвимости, Кочеванов не заметил, как кончился первый раунд.

— Кто побеждает? — спросил он у Евдокимова.

— Не понять, — ответил тот. — Тощий здорово увиливает, но попадетсЯ.

Во втором раунде здоровяк беспрестанно нападал, стремясь загнать худошавого в угол. Но это ему не удалось: противник ускользал, да не просто, — всякий раз норовил ударить по раскрытой груди или в голову.

Чувствовалось, что худошавый ведет бой умнее и расчетливее соперника, бьет лишь наверняка, когда уверен, что промаха не будет.

К концу второго раунда тело мускулистого боксера покрылось красными пятнами и стало лосниться от пота. Уйдя на отдых, он полулежал в углу, раскинув руки на канаты, и грудь его высоко вздымалась. А худошавый был сухим и, казалось, мало устал; он даже не полоскал водой рот.

В третьем раунде свершилось чудо, которого ждал Кирилл. Чувствовалось, что мускулистый боксер очень устал: часто промахивался, терял равновесие и не бил, а толкался кулаками. Чтобы хоть немного отдохнуть от учащавшихся назойливых тычков худошавого, перешедшего от обороны к наступлению, он то и дело повисал на нем.

— Брек... Разойдись! — требовал судья и разводил боксеров в стороны.

Лишь несколько минут назад казалось, что этот па-

рень измолотит противника, а теперь он сам едва передвигал ноги и шатался. «Так и Цакуну будет, — думал Кирилл, — когда я научусь боксу. Но возьмут ли меня?»

В перерыве, ничего не сказав ребятам, он пробрался к раздевалке спортсменов. В коридоре Кочеванов увидел худощавого боксера, вышедшего из душевой. Тот был в халате, с полотенцем на шее.

Кирилл не удержался и, подбежав к нему, с жаром сказал:

— Здóрово ты его! Нашим ребятам понравилось.

Видя, какими восхищенными, горящими глазами парнишка глядит на него, боксер спросил:

— За меня болел?

— Еще бы! Нам всем хотелось, чтобы тому досталось. Пусть не фасонит!

— Правильно, с задавалами всегда так поступают. В следующий раз умнее будет. Ну, а сам ты боксируешь?

— Нет, хотел к вам проситься, да боюсь, — не примут... рост у меня неважный и с мускулатурой плохо.

— Мускулатура — дело наживное. И расти еще будешь, — уверил его боксер. — Главное — не струсить! Хочешь, я за тебя похлопочу? Только, чур, не подводить. Как бы трудно ни было, — держись!

— Не подведу, честное ленинское!

— Сегодня говорить с нашим дядей Володей бесполезно; лучше приходи во вторник в клуб водников к семи часам. Спроси в секции бокса Чулина. Это я. Понял?

— Ясно. Приду, — пообещал Кирилл.

После перерыва дрались боксеры среднего и тяжелого веса. Они были менее подвижны, но более грозны: чувствовалось, что увесистые удары сотрясают партнеров, сбивают им дыхание.

В этот вечер ребятам довелось увидеть нокаут, о котором они читали лишь в книгах.

Рослые тяжеловесы, неуклюже передвигаясь по рингу, так били один другого, что гул тяжелых ударов разносился по залу. Вдруг один из боксеров закачался от сильного удара и рухнул на пол. Лежа, он еще продолжал работать руками.

— В шоке, — определил знаток, сидевший впереди. — Чистейший нокаут.

Судья, отослав противника в угол, медленно взмахивая рукой, стал отсчитывать секунды:

— Раз... два... три... четыре...

Боксер заворочался, но подняться до счета десять не сумел.

Этот бой встревожил Кирилла: «Значит, бывают такие удары, что не поднимаешься? Вот почему некоторые не идут заниматься боксом».

— А бывает так, чтоб на ринге убили? — спросил он у сидящего впереди знатока.

— Бывает, — ответил тот. — Особенно за границей, где за деньги дерутся.

«Все равно пойду, — решил Кирилл. — Если струшу, — лучше не жить».

Во вторник он с утра волновался: «Идти, не идти?» На всякий случай он надел новые трусы, полосатую футболку и завернул в газету прорезиненные тапочки.

На работе он так был рассеян, что дважды промазал молотком по зубилу и раскровянил себе палец.

«Ну и ладно, — подумалось ему. — Если там сразу же заставят драться, я им скажу, что палец болит».

После гудка он тщательно вымылся, причесался и не бросился, как его однолетки, бегом через проходную, а вышел степенно, с расправленными плечами и чуть выпяченной по-боксерски грудью.

На трамвайной остановке он не повис вместе с безбилетниками на подножке, а прошел внутрь вагона и заплатил за проезд.

Найдя клуб водников, Кочеванов не знал, у кого спросить о занятиях боксеров. «Засмеют, — думалось ему. — Тоже, скажут, боксер. Хотя бы подрасти немного». Вдруг он увидел парнишку со спортивным чемоданчиком.

— Слушай, ты не знаешь, где здесь секция бокса? — спросил Кирилл.

— Идем, я тоже туда. Опоздали, кажется. Попадет от дяди Володи.

Парнишка привел его в раздевалку, бросил чемоданчик на скамейку и начал торопливо расшнуровывать ботинки.

— А ты что прохлаждаешься? — спросил он у Кирилла.

— Я первый раз.

— Не важно, раздевайся. Одетых в зал не впускают.

Делать было нечего; Кирилл снял ботинки, брюки и, надев тапочки, в трусах прошел вместе с парнишкой в большой спортивный зал. Там уже занималось человек двадцать боксеров. Одни прыгали, как маленькие девочки, со скакалками; другие тузили кулаками огромные кожаные мешки, подвешенные к потолку на канатах; третьи избивали мячи, прикрепленные резиной к планкам; четвертые как-то странно, словно с опаской, скачками передвигались и защищались от кого-то невидимого.

В зале пахло кожей, потом. Среди мотающихся мячей, груш, заложив руки за спину, спокойно расхаживал тронутый сединой жилистый, но почти юношески стройный человек. Его крупное лицо было гладко выбрито. Коричневые тренировочные брюки и клетчатая ковбойка тщательно отглажены. Тренер то и дело останавливался, щурясь вглядывался в занимавшихся своим делом атлетов, иногда одобрительно хлопал рукой по плечу, а иногда тыкал кулаком в живот, в спину, исправляя положение туловища, ног, наклона головы.

— Товарищ Сомов, прошу прощения за опоздание! Был задержан комсоргом в школе, — громко доложил парнишка, приведший Кирилла. — Разрешите в строй?

Тренер недовольно взглянул на него и строго спросил:

— А еще кто там дисциплину нарушает?

— Новичок.

— Ты его привел?

— Нет, сам пришел.

Кирилл растерялся. Хорошо, что разговор привлек внимание Чулина, тузившего мешок. Боксер узнал своего болельщика и поспешил на выручку.

— Я вам уже говорил о нем, — сказал он Сомову. — Это тот, что на соревнованиях подходил. Болельщик.

— Хорошо, пусть постоит в стороне и посмотрит, — разрешил тренер. — А вы по местам!

Он ударил в гонг.

Боксеры поменялись местами, и вновь все закружилось, замелькало. В эту ритмическую пляску включился

и запоздавший парнишка: он загонял кого-то невидимого в угол, прыгал козлом и, втянув голову в плечи, бил кулаками.

Кочеванова увлекли занятия боксеров; ему самому захотелось потузить кожаный мешок, попрыгать со скакалкой и получить одобрителный пинок тренера.

В перерыве Сомов подозвал его к себе и спросил:

— Для улицы заниматься хочешь?

— Для смелости, — негромко ответил Кирилл.

У тренера удивленно приподнялись брови. Редко кто из ребят признавали за собой такую слабость. Сюда они обычно входили надуваясь и выпячивая грудь, чтобы казаться сильными. Сомов знал их повадки и с первой встречи старался угадать, для чего они хотят научиться боксу. К нему чаще всего приходили развязные и опытные драчуны, бахвалящиеся своей отчаянностью. Правда, очень интересно было следить, как из расхлябанного бузотера и наглеца постепенно получался подтянутый и спокойный юноша, умеющий сдерживаться, уступать, готовый на благородный поступок. И все же драчуны его меньше интересовали, чем ребята, вот такие невзрачные, с неопределившимися характерами. Он любил из робких и неуклюжих подростков выращивать не только сильных, стройных и ловких парней, но и крепких, волевых бойцов, смелых и великодушных. Ведь настоящее мужество присуще немногим мужчинам. Поэтому он всякий раз внимательно приглядывался к новичку: что я в нем открою? Чем этому подростку помогу? Какая в нем основа? Испорчен он или еще не тронут плохими воспитателями? Он верил первому впечатлению и редко ошибался.

— Значит, для смелости? — переспросил Сомов.

Кирилл кивнул головой.

— Хитер. Ну что ж, попробуем из тебя боксера сделать. А сумеешь соблюдать наш режим и не пропускать занятий?

— Я еще не знаю, — откровенно сознался новичок. — Но буду стараться; мне для одного дела надо.

— Для какого, если не секрет?

— Цакуну надавать. Он знает, что сильный, поэтому лезет ко всем, задирает.

Дядя Володя недовольно поморщился.

— Нужно заметить — цель мелковатая и попахивает обычным хулиганством, — сказал он. — Хотя в ней, на первый взгляд, как будто и есть проблески благородства. Ладно, потом об этом поговорим. Становись в строй.

* * *

Оказывается, Кирилл пятнадцать лет не так дышал и не так передвигался по земле, как это нужно для ринга.

— Если стремишься вперед, — говорил тренер, — двигай сначала выставленную левую ногу и подтягивай за ней правую. Если в сторону, — начинай с той ноги, которая ближе к движению. Передвигайся на носках, эластично, без суеты...

И быть кулаком в боксе, оказывается, надо было совсем по-иному, чем в обычных потасовках.

— В боксе нет замахов, — учили его. — Удар наносится коротко и неожиданно. Всякий замах настораживает противника, и тот постарается опередить тебя или уклониться. Представь себе, что в перчатку вделано короткое шило, которым тебе надо быстро и точно уколоть. Для укола ты же не станешь размахиваться, — нет ведь? Вот так и в боксе. К тому же лучше до самой цели не сжимать пальцев в кулак. Сжатие их в кулак в последнее мгновение придает удару резкость.

В общем Кочеванову пришлось заново учиться владеть своим телом, руками, движением ног. Тренер понимал, что этот тщедушный подросток не скоро станет бойцом. Он ясно видел его физические недостатки: тонкие руки, слабо развитую грудную клетку, истощенное тело с едва приметной мускулатурой. И в то же время интуиция подсказывала: «Займись, не пожалеешь».

На первых же занятиях внимание Сомова привлекли удивительная легкость ног новичка и умение мгновенно реагировать на любую опасность. Правда, пока это были только судорожные защитные движения, какие делают люди в силу инстинкта самосохранения, но такой быстроты тренеру еще не доводилось наблюдать. Видно, мальчик в своей жизни получил немало тумачков и затрещин. Ну что ж, такому они будут не в новинку. Только бы психика была устойчивее и сердце не подкачало.

Кирилл, по предписанию тренера, по утрам обтирался холодной водой, проделывал десятки упражнений

и на работу шел пешком, стараясь дышать полной грудью. Он так научился рассчитывать время, что на завод ни разу не опаздывал.

Ребята первые дни посмеивались над Кочевановым, видя, как он, словно маленькая девочка, прыгает то на одной, то на другой ноге со скакалкой, тычет кулаками в воздух и движется, точно заводная игрушка. Как-то раз они попробовали, трудны ли эти упражнения, — оказалось, не очень легки; они стали повторять их и так постепенно втянулись в атлетические занятия и стали закаляться: спали при открытой форточке, по утрам поливали один другого в ванной комнате холодной водой и всей пятеркой бегали до завода.

Первые дни от неиспытанных прежде движений Кирилл ощущал легкое недомогание и ломоту во всем теле, словно был кем-то избит. Потом это прошло и наступила приятная легкость, какая бывает, когда ты чувствуешь каждую мышцу, налившуюся силой, и все воспринимаешь ярче, веселее.

Занятия в спортивном зале стали для него необходимостью. Без них он скучал, чувствовал себя сонным и вялым.

Кочеванов научился без усталости тузить тяжелые мешки, вкладывая в удары вес тела, играть с мячом, выстукивать мотающейся грушей марш. Он с нетерпением ждал, когда тренер разрешит надеть боевые перчатки, и с завистью смотрел на старших ребят, которые часто боксировали на ринге.

Он неплохо защищался: делал подставки, разучил уклоны, уходы, а дядя Володя выдерживал его в зале, не подпуская к рингу и говорил:

— Ловкость зависит от того, как ты усвоил боевые приемы и как много у тебя их в запасе.

И Кирилл накапливал. Лишь зимой наступил долгожданный день. После первого часа занятий тренер сам бросил ему перчатки и весело сказал:

— Ну, поглядим тебя в спаринге.

От этих обыденных слов у Кочеванова вдруг так заколотилось сердце, что стало трудно дышать.

Кому довелось переживать волнующее чувство спаринга — первого вольного боя, тот знает, что это такое!

В зале еще не замерло эхо ударов о кожу, качаются на канатах тяжелые мешки, колыхаются груши.. Вот

товарищи начали перебинтовывать кисти рук, и тебе кажется, что заранее перевязывают какие-то переломы.

Бронированные кожей и войлоком перчатки превращают твои кулаки в футбольные мячи. Ты в трусиках, ты в боевой форме, ты боксер.

По углам ринга белеют два таза с водой. Вода колыхнется, в ней плавают губки. Вот легкий приглашительный кивок тренера. Ты, споткнувшись о коврик, пролезаешь под канаты и идешь по натянутому, как барабан, брезенту ринга. Пожатие перчаток — и, с ударом в гонг, ты судорожно вздымаешь кулаки. В твоей голове одна мысль: «Прикрыть подбородок и голову».

Куда делась та невозмутимость, с какой несколько минут назад ты осыпал ударами кожаную грушу, куда делась правильная работа ног и четкость удара? Все улетучилось из головы с первым бурным толчком сердца. Под ударами ты, как никогда, воспринимаешь свою медлительность, свое неумение действовать в сотые доли секунды.

Первый раунд Кирилл провел, как в бреду. Его охватил безотчетный, постыдный страх, который сковал все движения, мешал свободно дышать и двигаться. Дядя Володя прикрикнул:

— Расслабь мускулы!

Но как тут раскроешься, когда тебя поджидает нокаут? Хорошо тому, кто родился отчаянным.

Выставив вперед напряженные руки, Кочеванов только пятился. Лампочки под потолком колыхались. Ринг был в желтом тумане. Перед глазами мелькали два кулака и сосредоточенное угловатое лицо противника. Такой же новичок, он не отставал ни на шаг, бил по корпусу и по рукам, стремясь прорвать неуклюжую оборону Кирилла. Квадрат ринга становился душной клеткой. Дальше отступать было некуда: спина коснулась жестких канатов.

«Больше нельзя закрываться, надо самому действовать. За меня, наверное, стыдно Чулину. Ведь всем видно, какой я трус! Раскроюсь, будь — что будет».

Кирилл опустил кулаки: «Пусть видят, не боюсь!»

Осторожный противник отпрянул. Он принял это за уловку. Спружинивший канат толкнул Кочеванова вперед. Партнер неумело прикрылся перчатками, рука Ки-

рилла легко прорвалась сквозь них. Он успел быстро сжать кулак, и удар получился резким.

Потрясенный партнер, судорожно глотнув воздух, попятился. Теперь он отступал, а Кирилл награждал ударами, преследовал. Оказывается, противник боится не меньше его. Значит, ничего страшного не произойдет, если он будет держать себя в руках. Надо только научиться с открытыми глазами смело встречать удар, предотвращать его, нападать самому. Кочеванов с радостью стал отмечать, что он кое-как владеет своими ощущениями, но в это время прозвенел гонг.

— Ну, как тебе понравилось на ринге? — с усмешкой спросил Сомов.

— Очень стыдно. Я трусом выглядел, — да?

— С другими бывает и похуже. Видишь ли, люди не рождаются мужественными. Храбрец не тот, кто не боится, а тот, кто, страшась, наперекор всему держится, не дает малодушию победить себя.

«Значит, и во мне есть храбрость?» — подумал Кочеванов, но тут же пристыдил себя: «Хороша же она у тебя, когда дышать по-человечески не мог». И вслух он произнес:

— Я ведь не сумел провести ни одного приема.

— Значит, еще не усвоил их. В боксе ничто даром не дается, нужны настойчивость и терпение. Семь потов сгонишь, пока добьешься успеха. А наверное, ругал меня, что не выпускаю на ринг?

— Было.

— Теперь, думаю, не очень будешь рваться?

— Нет, прошу вас... я хочу привыкнуть.

Но и в последующих вольных боях Кирилл не мог отделаться от сковывавшего чувства страха. Помогая ему перебороть себя, Сомов выставял против Кочеванова слабых боксеров или таких, которые дрались в полсилы и подсказывали:

— Расслабляйся... следи лучше! Сейчас буду проводить прием «раз — два» в туловище и в голову. Защищайся подставкой левого локтя и шагом назад. Затем от правой — подставкой плеча и отклоном. Начинаю...

Опасаясь, что Сомову и старшим ребятам надоест с ним возиться, Кирилл придумал для себя дополни-

тельные занятия. «Начну показывать бокс ребятам в комнате, — решил он. — Сам его лучше усвою».

С первой же полочки он купил боксерские перчатки, принес их в общежитие и, заперев дверь на ключ, стал показывать, как двигаются в боксе и бьют. Столяры заинтересовались, каждому из них захотелось побоксировать в «настоящих» перчатках. Кириллу приходилось оставлять себе левую перчатку, а противникам давать правую. На другую руку они надевали простую рукавицу.

Только тут, с ребятами, Кочеванова покинуло утомлявшее его напряжение. Фабзавучники дрались, размахивая кулаками. Не трудно было предугадать, с какой руки и когда они собираются напасть, поэтому Кирилл легко опережал их встречными ударами либо уклонялся и был недосягаем.

Ребят из шестой комнаты поражала его неуязвимость. Он как бы играл с ними. Все их удары уходили в воздух или едва касались Кирилла. Им захотелось научиться драться с такой же ловкостью. Купив в складчину вторую пару перчаток, фабзавучники каждый вечер, закрыв двери на ключ, боксировали до полного изнеможения, стараясь применять приемы, показанные Кочевановым.

Однажды они забыли запереть дверь. В комнату случайно заглянул один из литейщиков. Чужак хотел посмотреть на боксеров, но те вытолкали его за дверь.

Обиженный литейщик пошел по общежитию и распростил слух о «столяришках», которые, купив «боксовские рукавички», фасонят и никого к себе не впускают.

У закрытых дверей шестой комнаты скопились любопытные. До их слуха доносились частые и глухие удары, словно за стеной столяры играли в волейбол. Ребята начали стучать и просить:

— Откройте! Мы только посмотрим. Жалко вам?

Пришлось их впустить. Зрители уселись на койки, отодвинутые к стенам. Бой происходил посреди комнаты. Каждый удар тут же обсуждался вслух.

— Эх, мазло! Ниже надо.

— Не давай под руку уходить!

В шестую комнату заглянул и Цакун. Поглядев на боксирующих, он с насмешкой сказал:

— Таких боксерышек на один кулак двоих возьму.

— Зачем двоих? Ты попробуй с одним Кирюшкой справиться, а потом бахвалься, — подначил Евдокимов.

— С этим хмырем? Да его в миг расчешу. Давай перчатки!

— Только смотри не злись, — предупредил Кирилл.

Надев перчатки, Цакун попробовал их крепость и, подмигнув ребятам, посоветовал:

— Подушку на всякий случай держите. И в «скорую помощь» не мешает позвонить.

Кочеванов, приняв стойку, легко покачивался перед Цакуном, вызывая его легкими финтами¹ на неосмотрительные поступки. Цакун, перед тем как ударить, сжимал зубы и разворачивался. Кириллу не трудно было понять, какой рукой он собирался ударить. Во время замаха он либо приседал, либо, отпрянув назад, отскакивал в сторону и после промаха прогивника награждал его короткими ударами то в лоб, то в скулу.

Это злило Цакуна. Стремясь зацепить Кочеванова увесистым кулаком, он с такой силой размахивался, что, промазав, терял равновесие и чуть ли не падал. Кирилл, как бы поддерживая его, бил снизу и зорко следил за нападающим, чтобы не сделать ошибки.

Цакун часто попадал в смешное положение: то он, нелепо махнув кулаком, пролетал мимо, то растерянно озирался, не зная, куда делся юркий противник.

— Это тебе не скобарей лупить! — восхищались ребята. — Дай, Кирюшка, по ноздрям толстомордому!

И при всякой удаче они хлопали в ладоши.

В конце концов это так разъярило Цакуна, что тот задумал тяжестью тела сбить юркого парнишку на пол, подмять под себя и надавать тумачков.

— Ах, ты обманывать? Ну, держись!

Размахивая кулаками словно мельница, Цакун ринулся на зорко следившего за ним Кочеванова. Кирилл не уклонился, не отскочил в сторону. Приняв устойчивое положение, он вдруг выставил вперед вытянутую руку. Цакун с ходу хрястнулся лицом о жесткий кулак, да так, что не удержался на ногах и рухнул на пол. Чувствуя, как у него темнеет в глазах, Цакун со страхом и злобой выкрикнул:

— Довольно!.. Ну тебя к черту... кровь идет!

¹ Финты — обманные движения.

Ребята были потрясены. Невзрачный на вид Кочеванов победил первого силача общежития! Цакун при всех попросил пощады. Вот это да!

На другой день общежитие охватила боксерская лихорадка: чуть ли не во всех комнатах ребята, раздобыв иглы и войлок, стали переделывать рабочие рукавицы на боксерские перчатки и по вечерам устраивать потасовки. Не зная ни правил, ни приемов бокса, они то и дело спорили и за разъяснениями шли к Кириллу. Многие стали проситься в секцию бокса к Сомову. Но дядя Володя не мог принять столько фабзавучников, не имеющих никакого отношения к водникам.

— И ты ведь у меня незаконный, занимаешься контрабандой, — сказал он Кириллу. — Обратитесь в свой профсоюз или комитет комсомола.

Секретарь комсомольской организации «Юного пролетария», узнав, что Кочеванов увлекается боксом, поручил ему организовать спортивную работу в общежитии.

Наступило время, когда у Кирилла не стало больше свободных вечеров и выходных дней. Он собирал ребят на лыжные вылазки, ходил с ними на каток, играл в волейбол и как-то умудрялся не пропускать занятий у дяди Володи.

После боев с фабзавучниками Кочеванов и в спортивном зале чувствовал себя увереннее. Не напрягаясь, без суеты, он хладнокровно следил за противниками, стремясь разгадать их замыслы. Ученики дяди Володи, конечно, не походили на неопытных ребят из общежития; они готовились к атаке скрытно, сбивали с толку обманными ударами. Все же Кирилл постепенно научился распознавать намерения атакующих не только по глазам и едва приметному сокращению мышц, но и по тому, как боксер готовится напасть — на какую ногу переносит вес тела. Это помогало маневрировать и укрепляло уверенность в своих силах.

Он теперь смело, с открытыми глазами шел на удар, чтобы в последнее мгновение движением головы, корпуса, ног уклониться и самому перейти в атаку. Он стал понимать, что ничего страшного не произойдет, если сумеешь крепко держать себя в руках, будешь бдителен и не поддашься малодушию.

Вольные бои приносили ему почти такое же наслаждение, как быстрый бег на коньках, стремительный спуск на лыжах с горы или освежающий душ после утомительной работы.

Дядя Володя без опасений стал выпускать его на межклубные соревнования. Кириллу на всю жизнь запомнились его наставления перед первым официальным боем:

— Противника на ринге уважай. Он, как и ты, не испугался, а смело вышел на честный мужской бой. Поэтому у тебя не должно быть неприязни и ненависти к нему. Когдажимаешь руку противнику, ты его заверяешь, что будешь драться по всем существующим правилам и злобы против него не таишь.

Если будет трудно в бою, — держись до удара в гонг, не поддавайся отчаянию, желанию прекратить сопротивление и сбросить перчатки. Помни, — ты подведешь не только себя, а всю команду. Тебе потом придется смотреть в глаза товарищам. Выдержишь ли ты их взгляд?

Может случиться, что тебе неправильно присудят поражение. Все равно, будь невозмутим: подойди к противнику и пожми ему руку. Он ни в чем не виноват. Отказать в рукопожатии на ринге — неблагоприятно.

Кочеванов дрался за команду водников в легчайшем весе, потом в полулегчайшем и легком. И, как бы ему трудно ни было, — держался на ринге до последнего удара в гонг.

Наращивая мускулатуру, прибавляясь в росте и раздаваясь в плечах, он быстро переходил из одной весовой категории в другую. Через два года Кирилл стал таким, что, когда приехал на побывку домой, соседи не узнали его и мать была потрясена.

— Господи, да в кого ты такой удался? Не в дедали? Тот один мог вагонный скат на рельсы поставить.

Что может быть радостнее спортивной молодости, когда ты бодр, весел и изо дня в день ощущаешь, как твои мускулы наливаются бодрящей силой, когда от избытка здоровья кажется, что вся жизнь искрится вокруг?

Почувствовав себя хладнокровным и ловким в бою, Кирилл как бы потерял чувство страха, — вернее,

не позволял ему брать верх. Он испытывал себя на других отчаянных видах спорта.

Перед окончанием фабзавуча на заводе подобралась группа ребят, пожелавших по нормам на значок «Готов к труду и обороне» первой степени прыгнуть с самолета на парашюте. Кочеванов сам привез их на аэродром и первым надел на себя зеленый, туго набитый ранец. Горбатым и неповоротливым он взобрался в кабину огромного самолета. Рядом с ним в широкие кресла уселось еще несколько бледных и взволнованных фабзавучников.

Взревев, машина побежала по полю. Она оторвалась от земли и кругами пошла вверх. Впереди лицом ко всем сидел инструктор парашютного спорта и ободряюще улыбался. Он знал, какое волнение охватывает новичков перед первым прыжком.

Кирилл, чтобы унять непрощеную дрожь, попробовал ответить такой же улыбкой, но вышла какая-то стянутая гримаса.

Летевший с ним врач, заметив это, попросил решить задачу:

— Сколько будет, если вычесть из сорока трех семнадцать.

Он засек секундомер и ждал.

Кочеванов не мог сосредоточиться, чтобы сделать простое вычисление, и наобум выпалил:

— Двадцать шесть!

Врач утвердительно кивнул головой и дал знак инструктору выпускать его первым.

Они кружили над аэродромом. Внизу виднелось посадочное «Т». Инструктор кивнул Кочеванову — «выходи». Кирилл, как от удара в гонг, вскочил с места и, стараясь крепче держаться на ногах, остановился у раскрытых дверей.

В лицо била сильная струя воздуха. Пахло горелой касторкой и бензином. Кирилл осторожно просунул руку в страшную резинку вытяжного кольца. Инструктор слегка коснулся плеча: «Пошел!»

Куда-то вверх рванулся самолет. Воздух стал упругим, как жидкость.

Кочеванов просчитал до трех, дернул кольцо и сразу же почувствовал, как вырвавшийся трос обжег подбо-

родок. Показалось, что над головой кто-то громко выстрелил и сильно встряхнул за плечи...

После волнений, оглушающего гула моторов наступила блаженная тишина и покой. Дух больше не захватывало, дышалось легко и свободно.

Помня наставления инструктора, Кирилл взглянул вверх: цел ли парашют, не перехлестнуло ли его стропой?

Над ним парусом вздулось широкое полотнище. Туго натянутый воздухом шелк едва приметно трепетал от напряжения. Солнце пробивалось сквозь тонкую ткань искрящимися золотистыми бликами. От купола, словно спицы зонта, тянулись белые стропы. «Все в порядке, никаких нарушений».

Поправив ножные обхваты, Кирилл не спеша привязал к ним вытяжной трос парашюта и посмотрел вниз. Под куполом парашюта земля показалась иной, чем с самолета, более опрятной, ровно расчерченной и тихой. Стремительное движение самолета мешало разглядеть то, что творится на белесых лентах дорог, на сиреневых и зеленовато-желтых полях, в лесах и в воздухе. А тут все было, как на экране.

Поблескивающее на солнце озеро показалось Кочеванову небольшим ярко начищенным подносом, по которому медленно ползли крылатые мухи-парусники. По дорогам мчались крошечные автомобили, тащившие за собой клубящиеся шлейфы пыли. Дома стояли коробочками, а пасущиеся коровы походили на разноцветных мошек.

Прямо перед Кириллом, распластав в воздухе крылья, парил ястреб. Он что-то высматривал на земле и не обращал внимания на парашютиста. Хищник был увлечен охотой.

Кочеванов медленно спускался на землю. Дуновение ветра донесло со скошенных полей тонкий запах увядающих трав. От этого вдруг стало необыкновенно весело и хорошо. «Я лечу, как птица», — подумал он и громко засвистел.

Кирилл попросил разрешения прыгнуть с парашютом и в другой группе. Ему позволили. И вот во второй раз, когда шелковый купол с треском развернулся и медленно поплыл над огромной и покатою землей, Кочеванов

понял, что после фабзавуча ему надо идти учиться на летчика.

Но ему не удалось поступить в школу пилотов. Перед самым выпуском «Юный пролетарий» вдруг получил за успехи в физкультуре переходящее знамя Горкома. И Кочеванова, как одного из организаторов, неожиданно выдвинули на военно-физкультурную работу в райком комсомола.

Началась новая, очень интересная, но суматошная жизнь: выезды за город, соревнования, слеты, конференции. Кирилл все время куда-нибудь спешил и, конечно, не мог, как прежде, аккуратно посещать клуб водников. Дядя Володя хмуро наблюдал за ним, а однажды, когда Кочеванов явился с большим опозданием, он не выдержал и сказал:

— Я очень рад, что ты вышел в вожаки молодежи. В этом, видно, есть доля и моего труда. Но я не могу позволить тебе разрушать дисциплину. Не возражай, понимаю: райкомовец не располагает своим временем. Я и не упрекаю тебя. Мне надо сохранять порядок. Если тебе будет позволено нарушать дисциплину, и с других я не смогу взыскивать. Очень не хочется терять тебя, но, если ты еще раз опоздаешь или не явишься, — отчислю. Это вовсе не значит, что мы с тобой поссоримся и расстанемся навсегда. Просто на несколько месяцев, до более спокойных времен, ты прервешь занятия.

Кирилл дал слово не подводить дядю Володю, но не сумел сдержать его: сперва пленум райкома, а затем — совещание в городском Совете физкультуры помешали ему попасть на занятия боксом. Новая работа, как стремительный горный поток, увлекла его и закружила в водовороте. Он и сейчас не видел конца этому бурному плаванию.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

После отбоя ко сну Кочеванов нашел в своей комнате записку Гарибана.

«Дорогой Кирилл Андреевич, — писал Евгений Рудольфович. — Отдых кончается, пора за дело. Надо согнать лишний жирок, наладить дыхание и вновь приучить сердце к большим физическим нагрузкам.

Папиросы ликвидируем. Те, что были в пачке, я забрал. Если существует запас, — уничтожьте. С курением надо покончить раз и навсегда.

Ваш режим: подъем в семь. Зарядка, завтрак, прогулка. На прогулке погрейте мышцы, закончите ее кроссом вокруг озера. Вернувшись, поработайте на снарядах. Больше внимания уделяйте скакалке: носите ее всюду и прыгайте в разном темпе.

Рацион я вам уже назначил. Занятия под наблюдением тренера начнутся, когда втянетесь в повседневный режим. Расписание повешено над постелью. Надеюсь, что Вы будете исполнительны и точны.

Желаю успехов. *Е. Гарибан*».

Над постелью действительно висело приколотое булавками расписание занятий на всю неделю.

— Крепко дело поставлено! — вслух произнес Кирилл. — С завтрашнего дня впрягайся. Ну что ж, пора подтянуться. Но на большее, Евгений Рудольфович, не рассчитывайте. Я не перебежчик и на приманку не клюну. Просто использую путевку так, как полагается.

Утром ровно в семь часов послышался стук в дверь.

— Подъем! — сообщила дежурная.

Кочеванов вскочил с постели и распахнул окно. В комнату хлынула прохлада. На пестрых кустах и серой, пожухшей от заморозков траве серебрилась обильная роса. В паутине, протянутой меж высоких былинки, застряли мельчайшие росинки. Казалось, что пауки всюду вывесили сотканые из блесток гамачки.

«Эх, пройтись бы по росе!» Недолго раздумывая, Кирилл взобрался на подоконник, в одних трусах выскочил в парк и, подбежав к молодому деревцу, встряхнул его. Обдавший его дождь был столь холодным, что юноша невольно вскрикнул и начал растирать ладонями покрывшуюся пупырышками кожу.

Проделав зарядку, Кирилл босиком пробежал по мокрой, обжигающей ступни траве и поспешил в душевую. Под теплыми струями онемевшие от росы ноги согрелись.

Насухо вытеревшись, Кочеванов надел тренировочный костюм и заглянул в столовую. Там еще никого из спортсменов не было. Он быстро позавтракал, взял скакалку и отправился к озеру.

Если бы на этой прогулке его увидел кто-нибудь из посторонних, то решил бы, что в лес попал ненормальный, странно помешанный человек. Кирилл шел вприпрыжку, скакал то на одной ноге, то на другой через веревочку или вдруг начинал пинать кулаками воздух, загоня невидимого противника в кусты. Иногда он подпрыгивал, хватался за толстый сук дерева и начинал подтягиваться. У канав он обязательно разбежался и прыгал.

Так Кирилл добрался до озера и, найдя тропу, побежал вокруг него. По пути мелькали рубиновые ягоды боярышника. Иногда вдруг вспархивали дрозды, собирающиеся в стаи, и живыми комками облепляли ветви деревьев.

Дыхание стало стесненным, когда Кирилл одолевал подъем в гору, но это состояние длилось недолго: на спуске он почувствовал облегчение и постепенно стал дышать полной грудью.

В парке Кочеванов несколько замедлил бег и вскоре перешел на шаг. На дорожке для прыжков в длину он заметил Ирину Большинцову. Девушка была в синем лёгном комбинезоне и пилотке. Зажмурив глаза, она медленно двигалась, вслух отсчитывая мелкие — длиной в ступню — шажки, чтобы определить, с какого места брать разбег для точного прыжка. Ирина так была занята счетом, что шла покачиваясь, как лунатик.

— Ира! — окликнул он ее.

Она открыла глаза и с досадой сказала:

— Опять сбилась. Не мог хоть минутку подождать.

— Ты бы рулеткой промерила.

— Нет, так лучше.

— Наверяд ли. Ты что — в прыжках решила специализироваться?

— Приходится, хотя у меня лучше идет бег. Гарибан секундомером проверил и предложил отрабатывать прыжки. Я понимаю, в чем дело: он боится, что опять обставлю его любимицу Кальварскую.

— Разве когда-нибудь так было? — не поверил Кирилл.

— Было. Правда, давнее дело, я еще в девятом классе училась. В «Науке» почему-то не пришла на соревнование студентка, а тут я подвернулась. Ребята знали, что классного места не возьму, но им важно было выставить любую, лишь бы не сняли очков. Кальварская и тогда была задавалой...

Ирина вспомнила, как Зося, увидев ее на старте, пренебрежительно спросила у тренера:

— А этот заморыш откуда?

Гарибан, еще не такой массивный и благодушный, взглянул на нее, словно на червяка, и ответил:

— «Наука» дикую выставляет. Сегодня тебе опасна только Заварыкина. Следи за ней, не дай обойти.

Ирина по неопытности после выстрела вырвалась вперед. Она мчалась во весь дух, чтобы никто не мог догнать ее.

Первую треть пути Большинцова была впереди, но, увидев в вялых складках губ Гарибана, вышедшего к бровке, презрительно жалостливую ухмылку, как бы говорившую: «Ну, куда ты вынеслась, дурочка, уступи другим», — она оглянулась, запнулась и сбила себе дыхание.

Вскоре Ирина почувствовала, как ноги ее стали деревянуть. В боку закололо. Легкие словно сдавила какая-то тяжесть. Она не позволяла свободно дышать. Казалось, еще секунда-другая — и в груди что-то оборвется.

Ирина убавила шаг; она не бежала, а почти брела, спотыкаясь. Но тяжелое состояние не проходило. Вот ее обогнала одна спортсменка, другая... Настигавшая Кальварская не хотела обходить слева. С презрением и злостью она выкрикнула:

— Сойди с бровки, заморыш!

У Ирины перед глазами все туманилось; она невольно уступила место обидчице. Ей хотелось упасть на землю и дальше не двигаться. Так плохо ей еще никогда не было. На вираже Большинцова не заметила бровки, носком резиновых тапочек она колнула дерен и больно ушибла палец. Боль заставила вздохнуть полной грудью. И от этого бегунья почувствовала облегчение, синеватый туман перед нею рассеялся. Сделав еще два — три глубоких вдоха, она увидела впереди спортсменов, ушедших от нее метров на сорок.

«Догнать... Пусть хоть лопнет сердце!»

И зрители на стадионе увидели, как ожила обессиленная и только что спотыкавшаяся девочка. Ноги ее опять замелькали с прежней быстротой. Эта узкоплечая и тоненькая школьница обгоняла рослых легкоатлетов и

стремительно неслась дальше, словно у нее прибавлялись все новые и новые силы.

Перед глазами Ирины возникали то скамейки со зрителями, то желтый квадрат баскетбольной площадки, то зеленое поле и сетка футбольных ворот. Неведомая сила и злость толкали ее вперед.

Вдруг она увидела перед собой развевающиеся волосы Кальварской, вырвавшейся вперед, ее гладкую шею, покатые плечи и... промокшую от пота меж лопатками белую майку.

«Ага, ты устала! Тебе не легче, чем мне», — подумала Ирина и потребовала:

— Бровку! Дорогу, дылда!

Она обогнала Кальварскую на вираже и, стиснув зубы, напрягая последние силы, понеслась по прямой к судьям, стоявшим с секундомерами.

Она впервые в жизни сорвала финишную ленточку и пронесла ее на груди шагов десять.

Зрители вскочили с мест; они шумно приветствовали неожиданную победительницу.

Футбольное поле было ослепительно зеленым, Большинцова упала на него и, ткнувшись лицом в прохладную траву, от неимоверной усталости, перенапряжения и радости заплакала.

Ее подхватили какие-то парни.

— Нельзя лежать... походи, успокойся, — советовали они.

Ирине не хотелось показывать своих слез; она вырвалась от парней и убежала в сторожку.

* * *

— Значит, у вас с Кальварской старые счеты. А кто она, откуда? — спросил Кочеванов.

— Говорят, учится в институте иностранных языков... На последнем курсе. А почему ты ею интересуешься?

— Да так просто, из любопытства.

— Смотри, Кирилл, не попадись; она мастерица вскружить голову.

Чувствуя дружеское расположение Ирины, Кирилл решил с ней посоветоваться.

— Слушай, Ира, я кажется, попал в дурацкую историю...

Он рассказал ей о дяде Володе, о заигрываниях Гарибана, о его последнем письме и спросил:

— Могу ли я здесь тренироваться, — не будет ли это походить на предательство по отношению к Сомову?

— Ты же не переходишь к Гарибану? Я тоже не собираюсь с ним связываться, но, по секрету скажу, втихомолочку тренируюсь, бегаю в лесу по четыре — пять километров. Хочешь, вместе будем?

— С удовольствием, а то одному скучно.

— Значит, заговор. Выбегай сразу после завтрака на эту тропу. Встретимся за ручьем.

* * *

Ирина оказалась покладистым спутником. Кирилл чувствовал себя с ней почти так же свободно, как с парнем. За Ириной не надо было ухаживать, быть осторожным в выражениях, остерегаться рвов, широких канав. Она преодолевала препятствия с такой же легкостью, как и он, напевала на ходу и казалась неумолимой.

Ее завидная самостоятельность, спокойствие, умение не докучать, веселый и легкий нрав располагали к себе. Без Ирины было бы скучновато. «Чем же она привлекает? — не мог понять он. — Фигура мальчишеская, лицо, когда зарумянится, бывает красивым, но чаще всего неприметным. Правда, глаза у нее особенные: не карие, а скорее пестрые, с золотинкой».

Внимательный наблюдатель, конечно, установил бы, что за последние дни Ирина изменилась: ее волосы стали волнистыми, облупленный носик припудривался, вместо комбинезона надевались тонкие блузки и хорошо отутюженные тренировочные брюки. Лицо девушки при встрече с Кириллом вспыхивало румянцем, а глаза темнели. Даже походка у нее словно стала легче, грациознее. Но Кочеванов этого не замечал. Ему нужен был товарищ для кроссов, и Ирина вполне заменяла его. Ему даже и в голову не приходило, что она, как все другие девушки, способна на какую-нибудь нежность, сентиментальность и любовь. «Ирина летчица, и по духу, по повадкам своим ближе к мальчишке-сорванцу», — уверял он себя.

Все же и летчица иногда по-детски была беспомощна: то Ирине нужно было вытащить мошку, попавшую на бегу в глаз, то растереть ногу, ушибленную о корневище,

то поймать жука, пробравшегося за ворот. Пока Кирилл выполнял ее просьбу, Ирина сидела присмирившей и жмурилась не от боли, а от смущения, испытывая удовольствие от прикосновения его рук.

В тренировках быстро проходили дни. Появился тренер-массажист — губатый и плосконосый детина, лет тридцати восьми. Он говорил как-то путано и имел дурную привычку через каждые два слова вставлять ненужную фразу «знаешь-понимаешь». Тренер надевал «лапу» и учил бить по ней с разных положений. Все занятия он сводил к силовым упражнениям и подготовке крепкого «коронного» удара, а к кроссам, прыжкам и общей физической подготовке относился скептически:

— То будет, знаешь-понимаешь, для балерин, не рядка боксеру, — говорил он. — У кухни — да. Часик-другой порубишь дрова, знаешь-понимаешь, чтоб сук был крепкий. Тогда тебя всякий бойся.

Часто на тренировках неожиданно появлялся Гарибан. Подбоченясь, он наблюдал за работой боксера и тренера. Затем, как тонкий ценитель, сам надевал «лапу» и проверял быстроту реакции Кирилла и запас его приемов. На последнем занятии он сказал:

— Вам не мешало бы провести несколько спарингов с Яном Ширвисом. Вы одного веса. Пора определиться, кому нужно сбросить лишние килограммы и перейти в другую весовую категорию.

— А зачем? — спросил Кирилл.

— Это вы поймете после спарингов, — уклончиво ответил Гарибан.

После обеда Кочеванов получил письмо и посылку от райкомовских товарищей. В посылку, видимо, каждый вносил свой вклад, потому, что рядом с папиросами «Северная Пальмира» лежала пачка печенья «Пти-Бер», с банкой килек — бутылка виноградного вина. Ребята даже не забыли прислать бритву, носки, мыльный порошок и несколько старых газет.

В шутилом письме, написанном на большом листе разными почерками, Балаев сделал примечание:

«Кирилл, а ты, как мы замечаем по газетам, зря времени не теряешь: снимаешься с весьма симпатичными девицами. Чего доброго, знаменитостью станешь. В случае чего — не забывай. Кто бы мог подумать, что у нас

под боком скрывается такой талант! Давай «откройся», только помни, что и другие еще не отдохали. Обнимаем в двадцать рук.

Глеб».

Кирилл развернул газету и увидел на третьей полосе большое фото: картинно вскидывая ноги, бежит Кальварская с развевающимися волосами, а на втором плане стоят они с Гарибаном. Подпись под фото сообщала: «Главный врач и тренер спортивно-оздоровительного лагеря Е. Р. Гарибан наблюдает за тренировкой мастера спорта З. Кальварской».

Справа была напечатана заметка с броским заголовком: «Смелость, чуткость, индивидуальный подход».

«Цель спортивно-оздоровительного лагеря, созданного профсоюзами по инициативе Обкома комсомола, — в кратчайшие сроки выявить и подготовить талантливую молодежь, способную защищать спортивную честь нашего города, — писалось в ней. — Судя по первому составу, мы скоро услышим не мало новых имен, которые заставят потесниться прославленных мастеров.

Выявлением и подготовкой молодежи занят известный педагог и врач — Евгений Рудольфович Гарибан. В беседе с нашим корреспондентом он сообщил, что лагерь существует всего несколько месяцев, но и за это короткое время многие юноши и девушки сумели обрести хорошую спортивную форму. Мастер спорта З. Кальварская в беге показывает время, близкое к рекордному. А. Северов, прыгающий с шестом, берет высоту, превышающую четыре метра. Выявились новые метатели, прыгуны в длину, тяжелоатлеты, боксеры.

Неправильное, а порой бездушное отношение к физкультурникам мешает проявиться ярким талантам. Например, боксеру Кочеванову пришлось бросить занятия только потому, что к нему не было индивидуального подхода, педагогическое воздействие подменялось мелочными придираньями. Если бы не вмешательство товарища Гарибана, не был бы открыт своеобразный талант. Почти то же самое случилось и с очень темпераментным, резким боксером Ширвисом, которого почему-то стали переучивать, хотя он легко побеждал перворазрядников. Сейчас юноши занимаются под наблюдением опытного тренера.

«Мы стараемся избегать подобных ошибок, — сказал в заключение Е. Р. Гарибан. — Вся работа в нашем лагере проводится на строгой научной основе, индивидуальном и чутком подходе к спортсменам».

Прочитав заметку, Кочеванов вслух возмутился:

— Чистейшее вранье! Как мог он наплести такое корреспонденту?

Представив себе дядю Володю и ребят, прочитавших газету, Кирилл сжал кулаки и стиснул зубы от негодования.

В комнате не сиделось; он выбрался в парк и пошел к озеру.

«Ребята, конечно, поносят меня. Для них я перебежчик и предатель, — думал он. — По-иному, впрочем, и не назовешь. Ирина не зря предупреждала. Вот тебе и простодушный добряк!»

Кочеванов шагал по лесу, не разбирая тропы. Ветки кустов цеплялись за его одежду. С деревьев, кружась, падали листья. В некоторых местах они покрывали землю толстым слоем и шуршали под ногами.

Озеро было хмурым. От порывов ветра оно то и дело покрывалось рябью.

«Что же предпринять? Поругаться с Гарибаном? — размышлял Кирилл. — Но что это даст? Надо бы начистоту поговорить с Сомовым. Он поймет. Дело не только в боксе, а во всей моей жизни. Проходит еще одна осень. Приблизился ли я хоть на шаг к летной школе? Нет. Надо что-то ломать, действовать решительно, но... Эх, если бы сегодня можно было вскочить в какую-нибудь попутную машину и уехать!»

Подул резкий ветер с дождем. Он гнал мелкие листья березы, походившие на мечущихся желтых бабочек. Озеро точно осело, сделалось фиолетовым и у тростников покрылось пеной.

Райкомовец тряхнул головой, вытер мокрое лицо рукавом и побежал к дому.

Колокол звал к чаю. Кирилл миновал столовую и направился к главному врачу.

Евгений Рудольфович любил беспокойную осеннюю погоду. Посвистывая, он аккуратно укладывал на полки шкафа сверкающие стеклом и никелем приборы. Гарибан готовился к городу, к театру. Он умел жить в свое удовольствие и поэтому удивился неожиданному при-

ходу райкомовца. Внимательно взглядевшись в взволнованное лицо Кочеванова, он как можно спокойнее и с улыбкой спросил:

— Что нас привело сюда? Почему такое сверкание в глазах?

В голосе его чувствовалась снисходительная ирония и благожелательность. Кочеванову хотелось сбить этот тон, и он сухо спросил:

— Никто сегодня не едет в город?

— А что стряслось?

— Надеюсь, вы читали статью в газете?

— Какую статью? О чем?

— Ту, в которой написано, что меня якобы кто-то угнетал и кто-то вызволил из небытия.

— А разве это не так? Корреспондент что-то напутал? — спрашивал Гарибан, разыгрывая добродушное удивление.

— Я не собираюсь уходить от Сомова, — ответил Кирилл.

— А этого и не нужно делать, — он сам вас вычеркнул из списков. От него уходит только Ян Ширвис. Если вас тревожит, как ко всему отнесутся в райкоме, то можете не тревожиться, разговоры беру на себя.

— Я сегодня хотел бы попасть в город, — настаивал Кочеванов.

Гарибан, видя, что райкомовца не разубедишь, с показным равнодушием сообщил:

— Минут через двадцать со мной едет Валин. Место в машине найдется. Н-да, не умеете вы, молодой человек, скрывать своих чувств.

Кирилл не стал слушать Гарибана; он круто повернулся и помчался в свой корпус собираться в путь.

Когда Кочеванов переодетым вернулся к кабинету главного врача, он встретил там готового к отъезду Валина.

— Прощайте; я прибавился на два кило, — мрачно сообщил толстяк. — Надо удирать из этого проклятого места.

Узнав, что и Кирилл едет в город, Валин обрадовался.

— Я же говорил, — в нашей судьбе есть что-то общее, видимо родство душ.

Через несколько минут вышел Гарибан со строгим лицом, на котором холодно сверкали квадратные стекла пенсне, и, не сказав ни слова, жестом пригласил беглецов в легковую машину.

Парни уселись на заднее сиденье. «Эмка» рывком тронулась с места и покатила.

Промелькнули березовая рощица, кусты, и вскоре шины мягко зашуршали по асфальту шоссе.

Надвигался сумрак.

Гарибан сидел рядом с шофером и делал вид, что возмущен решением парней, но сам чутко прислушивался к разговору.

Навстречу бежали пустые поля, темные деревья, столбы высоковольтной линии. Вдали сиял разноцветными роящимися огнями огромный город. Над ним нависло бледное зарево.

Толстяк сперва что-то говорил о разных пустяках, а потом вдруг вполголоса сознался, что не прибавление в весе погнало его в город, а потянула к себе работа, на которую он потратил уйму времени.

— Мне еще студентом довелось под наблюдением профессора заниматься аэродинамическим сопротивлением различных тканей, — стал рассказывать Валин. — Дело оказалось увлекательным. Года через три удалось установить, что ткани с большой воздухопроводимостью при раскрытии полотнища в воздухе не так резко встряхивают падающего человека, как это происходит теперь, когда парашюты изготавливаются из плотного шелка. Кроме того, опыты показали — воздухопроницаемость ткани лишь незначительно изменяет скорость снижения парашюта с грузом. Тут у меня, конечно, возникла мысль: а нельзя ли, кроме ткани, найти еще наиболее выгодную форму полотнища. Почему она должна быть круглой, а не квадратной или какой-нибудь другой? Кем установлен этот закон? В общем, одно стало цепляться за другое... ну и пошло, поехало. Из текстильщиков меня занесло в авиаконструкторы — и начались муки изобретательства. Правда, пока я не очень далеко ушел от конструкции Котельникова и француза Жокмеса, но кое-чего добился. А вчера пришла новая мысль. И вот я и лечу к своим чертежам и расчетам. Авось в этот раз не будет осечки.

— Если вам понадобится самый стоворчивый испытатель, рассчитывайте на меня, — не то всерьез, но то в шутку предложил Кочеванов. — Имею в своем активе восемь прыжков: Готов прыгнуть на квадратном парашюте.

— Ловлю на слове, — в тон ему, с угрозой подхватил толстяк. — При первой же надобности — вызываю к самолету.

— Идет, честное слово, не струшу.

За разговорами они не заметили, как автомобиль, миновав окраинные улицы, подкатил к райкому. Гарибан буркнул:

— Приехали, молодые люди!

Борис Валин, поблагодарив Евгения Рудольфовича, выбрался из машины. Кирилл Гарибан задержал.

— Вы зря дуетесь, — сказал он. — Мало ли что пишут в газетах. Позже поймете, — Гарибан ваш искренний друг и доброжелатель. Помните: жду в любое время. Я выше всяких обид. Желаю успехов. Если понадобится, — звоните по этим телефонам.

Евгений Рудольфович сунул в руку Кочеванова небольшой листок и, подождав, когда он выйдет, сказал шоферу:

— На Моховую.

* * *

Кирилл попрощался с Валиным у трамвайной остановки и поехал на Бородинскую к дяде Володе.

Поднявшись на четвертый этаж, он позвонил. Вышла полнощекая женщина. Недовольными рысьими глазами она вопросительно уставилась на Кирилла.

— Скажите, пожалуйста, — Сомов у себя? — как можно вежливее спросил он.

— Ему надо звонить три раза, а не один, — назидательным голосом сказала женщина и громко позвала: — Владимир Николаевич, к вам пришли!

Из кухни выбежал дядя Володя. Он в рукавице нес фыркающий чайник, с прыгавшей, дребезжавшей крышкой.

— Скорей открой дверь, а то все залью, — попросил он.

Поставив чайник на стол, дядя Володя снял рукавицу и приветственно протянул руку.

— Здравствуй, перебежчик, садись, будем чай пить.

Он достал из буфета два стакана с блюдцами, сахарницу, лимон и стал на тарелке резать чайную колбасу.

Кирилл почти два года не бывал в этой комнате, и в ней ничто не изменилось. На железной койке, по-солдатски аккуратно застланной, лежал тощий тюфячок, покрытый ворсистым одеялом тигровой раскраски. На тумбочке стояли крошечная лампа, с колпачком, похожим на большую болотную кувшинку, будильник и бронзовая фигура боксера, подаренная ребятами ко дню рождения Владимира Николаевича.

Над постелью висел коврик, а выше его — две фотографии: на одной молодой Сомов в красноармейском шлеме; на другой — строгая девушка, с гордо повернутой головой. По одежде и облику она походила на курсистку с картины Репина «Какой простор». Ребята не раз, восторженно разглядывая ее, спрашивали: «Кто такая?» — а дядя Володя хмурился и неохотно отвечал: «Одна старая знакомая».

В другом углу комнаты болталась на подставке «груша», лежали гантели и висели на крючке старенькие боксерские перчатки. Здесь дядя Володя по утрам разминался и делал зарядку.

— Ну, рассказывай, — зачем явился? — разлив чай по стаканам, спросил он.

— Вы читали статью и, думаю, верите, что я ни сном, ни духом... Какое-то дурацкое стечение обстоятельств...

Кирилл рассказал все, как было.

— Да я на тебя и не подумал, — успокоил его Сомов. — Нюхом чую гарибановские затеи. Этот боров давно по клубам разбойничает. Среди бела дня людей ворует. И его ведь не подцепишь, не выявишь: все делается под солидной вывеской спортивно-оздоровительного лагеря. Когда-нибудь возьмусь — всю шайку-лейку раскрою. И покровители не помогут. Впрочем, ну его к черту, этого Гарибана! Лучше скажи, — что ты намерен делать дальше?

— Пока отпуск не кончился, попробую устроиться в вечернюю школу или на рабфак. В летчики собираюсь. Да и так учиться надо, знаний не хватает. Особенно это чувствуется в райкоме.

— А тебя отпустят?

— Скандалить придется.

— А не попробовать ли мне в этом деле помочь? Мы с секретарем райкома партии вместе колчаковцев били. Приду и скажу: «Надо помочь парню определиться в жизни. Рано ему в жоках ходить, пусть прочней на ноги станет». Он человек толковый, поймет. Ну, а с боксом как?

— Бросить, видно, придется. Живут же без него другие?

— А вот это ни к чему! — нахмурясь сказал Сомов. Он не любил, когда о боксе отзывались пренебрежительно. — Будь ты инженером, летчиком, ученым — умение хладнокровно соображать, не поддаваться малодушию всегда пригодится. Бокс не забава, он закаляет волю и делает мужчину мужчиной. Я уже не говорю о состоянии здоровья и духа.

— У меня же не хватит времени, дядя Володя, — возразил Кирилл.

— Хватит, если захочешь. Как ты его сейчас расходует?

Кочеванов показал тренировочное расписание. Сомов с подозрением повертел листок и, надев очки, стал изучать его. По мере чтения он все чаще и чаще хмыкал, наконец с возмущением сказал:

— Прямо на ходу подметки режут! Еще недавно высмеивали, травили: кустарщиной-де, Сомов занимается, чепуха его общая физическая подготовка! — А сегодня, без всякого зазрения совести, слизывают, тянут все, что могут, и скоро, наверное, заорут: «Это наш метод. Сомов к нему пристраивается». А мне и шуметь нельзя: раз считаю такую подготовку наиболее целесообразной, то не должен возражать, если ее в других клубах применяют. Ну и ловкачи!

Возмущаясь, дядя Володя карандашом сделал пометки в расписании.

— Вот тут и тут у тебя пустоватые часы, — сказал он. — Можешь читать и готовиться. Сколько тебе осталось до конца отпуска?

— Недели две. Но я ведь решил не возвращаться; мне нечего делать у Гарибана.

— А ты не у него, — возразил Сомов, — на профсоюзные деньги отдыхаешь и тренируешься. У меня скоро будет к тебе просьба: Ян ушел, хорошей замены нет, — выступишь ли от нас на общегородских соревнованиях?

Кирилла развеселила сомовская способность припираться к стене, и он, смеясь, ответил:

— Вы так запугали, что невольно согласишься.

— Прекрасно! А насчет школы не беспокойся, было бы желание — добьемся.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В это утро Ирина Большинцова одна вышла на беговую дорожку. Размахивая шиповками, как школьница сумкой, она задумчиво попрыгала на одной ноге, подавая камушек, и, доскакав до скамейки, плюхнулась на нее.

Настроение у Ирины испортилось. Кирилл, не предупредив ее, бросил все и уехал, словно не было у него тут близкого товарища. «Значит, я ему ничто, — думала она. — Со мной можно и не считаться. Почему я такая невезучая?»

Ирина в раннем детстве потеряла отца — минного машиниста Балтийского флота, а воспоминание о матери вызывало у девушки горькое чувство обиды: мать бросила ее грудным ребенком. Даже маленькой фотокарточки не осталось.

Перед отправкой на фронт отцу пришлось отвезти Ирину к бабке Маше — матери флотского товарища Торопыги, жившей в Петрограде на Крестовском острове. Старуха нанялась в сторожихи спортивного клуба, в котором после революции никто не занимался. Жила она не в главном здании, а в маленькой сторожке, обогреваемой печкой-буржуйкой. Ирина любила зимними вечерами смотреть, как разгорается пламя, как стреляют красными угольками сухие дрова. Волны тепла, идущие от буржуйки, делали сторожку уютной.

Бабка Маша была доброй и незлобивой женщиной. Она добросовестно ухаживала за девочкой: несколько раз в неделю намывала ее в корыте, надевала самой сшитые рубашечки, платьица, кормила, награждала шлепками за провинности, но не умела приласкать и приголубить, так как сама выросла в уютном доме и всю жизнь скиталась по чужим людям.

Первым ласковым и преданным другом Ирины был сторожевой пес Буян. Вначале девочка боялась его.

Лохматый пес пугал ее своим свирепым видом. При виде его она вскрикивала: «Баба, боюсь!» — и плача пыталась убежать, но игривый Буян не отпускал ее: он хватал зубами за подол платья и, рыча, тряс головой.

Если девочка останавливалась, пес отпускал ее и начинал лизаться, но стоило ей сделать шаг, как он опять принимался за старое. Это продолжалось до тех пор, пока бабка Маша не прогоняла его палкой.

Однажды Буян отнял у Ирины ее любимую тряпочную куклу и тут же, при ней, начал терзать. Девочка от горя забыла про страх, плача набросилась на собаку и, выдрав клок шерсти, прикрикнула:

— Буян, фу!

И пес послушно бросил куклу. С тех пор он стал подчиняться Ирине. Буян всюду бегал за нею, носил игрушки и никому не давал девочку в обиду. Даже если бабка Маша нарочно замахивалась на нее, он угрожающе рычал и гавкал.

Отца Ирина запомнила в последний приезд. Он пришел вместе с Торопыгой и принес большой мешок. От них обоих пахло табаком и еще чем-то незнакомым, казарменным. Отец подбросил Ирину так высоко, что у нее дух захватило, потом посадил себе на колени, дал большой кусок колотого сахару и спросил:

— Ну, как живешь, девочка-маломерочка? Кто тебя обижает?

— Никто, — ответила она, — за меня Буян заступает. Ты нам привези маму.

— Будет у нас и мама, — пообещал он. — Пусть только война кончится.

В сторожке два дня был праздник. Моряки привезли муки, масла, консервов, чечевицы и половину вещевого мешка подсолнухов. Бабка напекла пирогов и сделала вкусный обед.

Уезжая, отец и Торопыга оставили в сторожке свои шинели, ненюшеные форменки, запасную обувь и наказали бабке:

— В случае чего — меняйте на продукты: мы, видно, не скоро будем в этих краях.

С гражданской войны вернулся домой только Торопыга, худой, бледный, без левой ноги.

— Вот что от нас двоих осталось, — пожаловался он Ирине. — Одна душа на костылях ходит. Батьку твоего

в степи похоронили. Залп из главного калибра дали, как герою. Вот тебе его нож, часы и боевой орден «Красного знамени».

Передавая девочке вещи отца, Торопыга вытер рукавом фланельки слезы и сказал:

— Не тужи, девочка-маломерочка, проживем.

Матрос недолго отдыхал с дороги. Он был человеком непоседливым и деятельным. Осмотрев эллинги водных клубов, спортивные площадки, кладовые, матрос возмутился:

— Сколько добра портится! Кого тут ждут? Белобрючников, что ли? Почему народу не дают?

Бабка не знала, что ответить. Торопыга уехал в Смоленый и вернулся оттуда довольным.

— Комендантом всего Крестовского острова назначен, — похвастался он. — Телефон ставят. Переселимся в каменный флигель. К лету тут людно будет.

Вскоре на Крестовском острове стали собираться комсомольцы. Парни приносили ломы, топоры, лопаты, а девушки — грабли и метлы. Торопыга разводил их по местам и назначал начальников. Одни комсомольцы очищали от мусора и гнилья спортивные площадки, другие заменяли столбы и балки гимнастического городка, навешивали трапеции, канаты, шесты и лестницы, третьи — выносили с эллингов лодки, осматривали их, соскабливали смазку, отставшую краску, конопатили, шпаклевали...

Раскрасневшийся Торопыга, нацепив на рукав комендантскую повязку, на костылях вприпрыжку сновал среди работающих, сыпал прибаутками и распоряжался. Чувствовалось, что он доволен своей должностью.

Летом на Крестовском острове стало шумно. Сюда съезжались парни из Всеобуча, спортсмены и спортсменки из разных концов города. Они переодевались тут же на скамейках под деревьями, начинали бегать, прыгать, поднимать тяжести, метать диски, гранаты, толкать ядра, заниматься гимнастикой, играть в футбол и баскетбол.

Молодые голоса, свистки судей, удары по мячу слышались допоздна.

По утрам на острове было тихо. Сюда забредали лишь бабушки, няни и молодые матери с ребятишками. Они устраивались на скамейках поближе к разрыхленному песку или на траве,

Ирина, оставив Буяна на цепи, бегала поиграть к ровесницам. Часто она с завистью смотрела, как матери и бабушки ласкают своих детей.

Особенно она завидовала маленькой девочке в желтых туфельках и белых носочках, у которой была молодая и румяная мама с очень добрыми и сияющими глазами. Эта женщина не могла сидеть на месте, как бабушки и няни; она бегала со своей малышкой, играла в прятки и пятнашки, а потом вдруг хватала ее, раскачивала на руках, словно собираясь бросить, и принималась тискать и целовать. А девочка дрыгала ногами и визжала от удовольствия.

Ирине очень хотелось поиграть с этой женщиной и попасть к ней на руки. Однажды она подошла к ней и попросила:

— Тетенька, миленькая, поиграйте немножко со мной... Ну, хоть понарошку, будто я ваша доченька.

Глаза у женщины стали большими и сияние в них вдруг померкло. Она спросила:

— А у тебя разве нет своей мамы?

— Нет... и папы нету. Я с бабкой Машей и Торопыгой живу.

От этих слов у женщины в глазах блеснули слезы. Она, видно, представила себе, как ее доченька будет просить у чужих людей хоть немного ласки. Неужели ей откажут?

— Маленькая ты моя! — горячо воскликнула она. — Зачем же понарошку? Ты ведь тоже моя доченька!

Она схватила Ирину сильными ласковыми руками, порывисто притянула к груди. Губы у нее были мягкие; от их прикосновения учащенно билось сердце.

Такого счастья Ирина еще не испытывала. Она трепетно прижалась к женщине и замерла на ее груди, боясь шелохнуться.

И вдруг девочка на своих губах ощутила теплые соленые слезы. Они быстро-быстро выкатились из плотно сомкнутых глаз женщины.

В груди у Ирины словно что-то оборвалось, затем горячей волной хлынуло к горлу и так стиснуло его, что она разрыдалась.

Все лето эта чуткая и милая женщина непринужденно играла с ней, а осенью куда-то уехала, оставив светлое и радостное воспоминание о себе.

Когда Ирина стала ходить в школу, Торопыга женился на рыжеволосой женщине, стучавшей в канцелярии на машинке. Звали ее Калерией Венедиктовной. Она носила шуршащие платья, говорила томным голосом и мнила себя особой редкого ума и изысканности.

Калерия Венедиктовна постоянно поучала смущавшегося Торопыгу и звала его Михаэлем. С Ириной она либо сюсюкала: «Ирюсенька, ты моя дитюсенька», либо вытирала невидимые слезы и трагическим шепотом говорила:

— Бедная моя сиротка! Если бы не я, кто бы тебя ласкал и лелеял? Я не знаю, как бы ты жила без своей мамы Кали. Из золушки я тебя сделаю принцессой; ты будешь отличаться манерами и нарядами.

Она шила Ирине старомодные пелеринки и нацепляла на макушку огромные банты из старых лент, которые поминутно соскальзывали с волос, мешали бегать и чувствовать себя свободной.

Ласки ее были неприятны и назойливы. Своей влажной ладонью она обычно гладила одно и то же место, точно втирая в кожу какую-то мазь, и требовала:

— Не забывай моей доброты; даже матери не относятся к своим детям так, как я. Я всегда буду тебе доброй феей.

Рядом с плаксивой чувствительностью у Калерии Венедиктовны уживались лицемерие и жестокость. Она заставляла Ирину зашнуровывать свои модные высокие ботинки, нагревать щипцы для завивки волос и выносить тазы с мыльной водой, и, если девочка делала что-нибудь не так, наказывала ее: больно щипала, да не просто, а с вывертом.

Все в этой женщине было фальшивым. Она повторяла чужие мысли, выдавая за свои, жеманничала, даже чай пила манерно: оттопырив мизинец, что в ее понимании означало наивысшую изысканность. Чтобы делать пышные прически, она к своим жидким волосам добавляла покупные, под платьями носила жесткие корсеты, делающие ее талию высокой и тонкой. Зубы у нее сияли золотом коронок, а покрашенные губы неприятно пахли помадой.

Невзлюбив эту женщину, Ирина вела себя, как озорной мальчишка. Она научилась свистеть и так тонко.

пронзительно визжать, что Калерия затыкала уши и, в испуге отскочив от нее, шипела:

— Чш-ш! Замолчи, противная девчонка! Люди бог знает что подумают!

В школе Ирина завела себе «памятку пионера» для тайных записей. На первой странице она мельчайшим почерком написала:

«Кого я должна ненавидеть: белогвардейцев и буржуев, убивших папу; фашистов.

Кого презирать: маму, которая бросила меня маленькой; Калерию за то, что она противная.

Кого любить: папу — героя; бабушку Машу и Торопыгу; Буяна; Рисование; Васю Конкина».

Вася Конкин — черноволосый и большеротый комсомолец — был вожатым третьего отряда в пионерском лагере. Ирине нравились его озорные глаза, вьющиеся волосы, петушиный басок и отчаянная игра в футбол. Но Конкин этого не замечал. В отряде он одинаково крикивал на всех ребят, а вечерами, когда освобождался, вместе с комсомолками катался на озере и пел песни.

Ночами, когда в парке светила луна, Ирина любила грезить: то она становилась узницей злой мачехи и томилась в мрачной башне замка, то становилась знаменитой и гордой художницей. Пусть Вася не любит ее, пусть считает маленькой девчонкой. Он не знает, что она собирается писать такие картины, которыми все станут восхищаться. Ирина будет много учиться и путешествовать. И на Конкина больше не взглянет, даже если он упадет на колени, она будет горда и холодна...

От этих мыслей глаза у нее влажнели. В полутьме Ирина смотрелась в зеркало, подпоясывала узкой ленточкой сорочку, ходила на цыпочках, похожая на римлянку древних времен, и сочиняла сказки про великую художницу.

Вася Конкин, посмотрев на ее рисунки, говорил:

— Ничего, не вредно рисуешь, для стенгазеты пригодится. Только не надо этой чепухи с мотыльками и цветочками. Ты лучше паровозы или заводы какие.

Ирина рисовала паровозы, но они тоже Конкину не нравились.

— Тут крантика нет. Э-э, а к чему у тебя кулиса прикреплена? Ты бы лучше черчению училась.

После этого разговора Ирина невзлюбила Конкина. Она вычеркнула его из памятки, перестала рисовать и записалась в кружок авиамоделистов. Конструкторская работа ее увлекла. Вместе с мальчишками она смастерила планер, который на лагерных соревнованиях получил приз за дальность полета.

Всех участников соревнования повезли на аэродром к летчикам. Там в этот день был праздник. На учебных самолетах летчики поднимали в воздух гостей. Ирина расхрабрилась и села в кабину.

Десятиминутный полет над аэродромом так понравился ей, что она дала себе слово сделаться летчицей.

Забыв о рисовании, об играх, Ирина всю зиму прилежно занималась математикой, физикой, механикой и, запасшись справками о здоровье, весной пошла сдавать бумаги в военно-теоретическую летную школу. Но ее даже до экзаменов не допустили. Строгий председатель комиссии сказал:

— Мы не имеем права принять. Вам ведь еще нет пятнадцати лет, подрастите.

В девятом классе Большинцова записалась в авиатехнический кружок. Она изучила авиационные моторы, знала на память все типы самолетов и имена знаменитых изобретателей и летчиков.

Осенью девушка вновь пошла сдавать экзамены, но уже в осоавиахимовскую летную школу. И опять годы стали помехой: шестнадцатилетних не принимали. Ирина стремилась к самостоятельной жизни. Она не желала зависеть от Калерии Венедиктовны. Идти на курсы стенографии или остаться в школе и окончить университет? Нет, она добьется своего!

Ирина пошла к начальнику аэродрома и стала настойчиво требовать принять ее в мотористы.

Начальник аэродрома, старый летчик Лавров, удивленно приподняв свои, выгоревшие на солнце, лохматые брови, с недоумением выслушал ее. Потом хмуро взглянув на худенькую, еще не развившуюся фигуру девушки, сердито спросил:

— А мотор ты видела? Ориентируешься?

— Да, мотор знаю на память; хотите, сейчас все расскажу...

Она уже приготовилась выпалить залпом все, что знала, но Лавров замахал руками.

— Стоп! Трещать о моторе — это одно, а работать — другое. Молода ты, вот что. Подрости немного.

Ирина, решив, что теперь не только летчицей, но и даже мотористом ей не быть, от горя разревелась. Старый воздушный волк не знал, что делать. Он кричал на нее, уговаривал, давал пить холодную воду — ничто не помогало. Девушка, уткнув голову в колени, безутешно рыдала.

Лавров взмолился:

— Да перестань ты! Вот несчастье на мою голову!..

Когда Ирина немного успокоилась, он уже дружелюбно спросил:

— Где твой отец?

— Белогвардейцы убили. Он на бронепоезде воевал за революцию.

— Так, так... Михаил Большинцов, значит? А он, случайно, не с Балтики?

— Минным машинистом на корабле был, — ответила Ирина.

— Вроде знавал такого. Храбрый, красивый человек был.

Начальник аэродрома озабоченно потер свою бурую от загара щеку.

— Ну что ж, придется, видно, мне над тобой шефство брать. Но смотри, чтоб ни одной слезинки. Не перебарываю сырости. Будешь реветь — выгоню.

Ирина, под присмотром Лаврова, стала работать мотористом аэроклуба. Ей доверили жизнь капризного механизма, который нужно было внимательно выслушивать, перетирать, смазывать, любить. Она столько времени уделяла мотору и так ухаживала за ним, что, когда машина уходила в воздух, ей было тоскливо. Почему не она, отдающая столько любви и заботы, летает на этом самолете, а кто-то другой?

Лавров заметил, как девушка с завистью и обидой смотрит вслед улетающим самолетам. Однажды, после полетов школы, он подошел к ней и сердито сказал:

— Чего надулась? Небось, подлетнуть хочешь? Садись в самолет — прокачу.

С этого дня Ирина часто бывала в воздухе. Лавров по-своему обучал ее. Он не признавал ни программ, ни педагогических ухищрений. Он учил ее так же, как учили его двадцать лет назад. Если Ирина делала не

то, что нужно было свирепому учителю, то переговорная трубка доносила невероятную брань. Лавров хриплым голосом выкрикивал в рупор ругательства и клялся, что больше никогда не возьмет с собой. Но стоило Ирине удачно выровнять машину, как переговорная трубка начинала уже довольно рокотать:

— Пр-равильно! Теперь левый вираж... Ай да Большинцова! Не девка, а всем парням парень.

И вот наступило четвертое июля. Ирина почти бежит по росистой траве, боясь отстать от широко шагнувшего озабоченного Лаврова. Запах ромашек перемешивается с запахом бензина. Небо голубое и недвижимое.

Закусив губу, девушка садится в переднюю кабину, чтобы самой вести машину в воздух. Сегодня с ней ничего не будет. Лавров грозно машет кургузым пальцем перед самым носом.

— Ну-у смотри, если чего нарушишь, лучше на землю не спускайся! Ориентируйся, говорю.

Завертелся пропеллер. От бурной радости Ирина дала такой сильный газ, что мотор залило. Самолет, пробежав несколько метров, вдруг заглох.

Ирина виновато оглянулась. Увидев бегущего к ней Лаврова, она от испуга дала самый невероятный газ... Машина, взревев, почти без разбега ринулась вверх.

Уже с воздуха Ирина увидела своего учителя с поднятыми кулаками и мотористов, радостно махавших ей шапками.

* * *

Самоуверенные летчики не раз пытались ухаживать за ней, но Ирина держалась с ними строго. Она ждала не пошловатых заигрываний и приставаний, а большой, неизведанной любви.

Порой девушку охватывала смутная тоска и тревога оттого, что у нее не было близкого друга. «Надо жить полной настоящей жизнью, — записала она в памятке. — Мыслить, бороться, ненавидеть и обязательно кого-нибудь любить». Но у нее все складывалось не так, как хотелось. Она не встречала ни парней, ни девчат, которым бы могла полностью довериться и раскрыть душу. Жизнь с Калерией Венедиктовой и нечуткость Васи Конкина приучили ее к недоверчивости и скрытности.

Кочеванова Ирина первый раз увидела в райкоме. От него исходила такая захватывающая и привлекаю-

щая к себе энергия, что ей невольно захотелось побыть подольше с ним. Особо поразили Ирину его голубовато-серые, искрящиеся смешинками глаза и удивительно белые зубы, такие ровные, что на них без конца хотелось смотреть.

Кирилл не замечал ее взглядов; он относился к ней почти так же, как к парням, разве только с меньшей серьезностью. Выслушивая ее стремительную скороговорку о делах на аэродроме, Кочеванов неожиданно останавливал:

— Стоп, пулемет! Отпустить гашетку. Ирочка, нельзя ли короткими очередями? — просил он ее.

А когда она заканчивала докладывать, он качал головой и, сверкнув зубами, говорил:

— Ну и болтушка!

Он не знал, что девушка умышленно затягивает разговоры.

Став самостоятельной, Ирина рассталась с бабкой Машей и Торопыгой и переехала жить во вновь построенный дом. Ей дали комнату на мансарде, в окно которой виднелись лишь крыши да фабричные трубы.

Дом походил на букву «П» — два длинных корпуса были соединены в одном конце коротким. От себя Ирина могла рассмотреть, что делается в окнах другой части дома, так как дворик был узким.

Однажды в таком же окне, как у нее, выходящем на крышу, Ирина увидела ноги, колыхавшиеся в воздухе. Кто-то там, в мансарде, ходил на руках и занимался гимнастикой. Лица ей не удалось разглядеть.

«Акробат, видно, живет», — решила она.

И только в нынешнем году летом Ирина разглядела парня из окна напротив. В воскресенье он разостлал на крыше тюфячок, улегся на него и стал загорать. Это был Кирилл Кочеванов. Ирина обрадовалась; ей хотелось крикнуть ему: «Ты тут от труб закоптишься, поедем лучше на взморье». Но она не решилась. «Еще подумает, что я навязываюсь. Пусть лучше не знает, что я соседка, так интересней».

* * *

И вот теперь в спортивном лагере ей было тоскливо без него и ничего не хотелось делать.

«Неужели я всерьез? — размышляла она. — Нет, чепуха, просто привыкла. А он, противный, не мог сказать; поехали бы вместе. Ну что мне тут одной? Друзей особых не предвидится. Ян? Какой он друг?..»

Ирине не нравились такие развязные и самоуверенные парни, как Ширвис. Он стремился только оригинальничать: удивлять неожиданными словами и поступками, ни с кем при этом не считаясь.

«Нет, — мотнула девушка головой, — не подойдет».

Ирине вдруг почудилось, что за ней кто-то наблюдает. Повинуясь безотчетному чувству, летчица обернулась и увидела за кустами у берез стоявшего с чемоданом Кирилла.

«Не убежал, вернулся!» — обрадовалась она и крикнула.

— Кирилл, что же ты? Скорей переодевайся; я жду!

— Меня ли? — спросил он.

— Тебя, и очень. Только не воображай, пожалуйста. Просто мне скучно одной бегать к озеру.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утром, когда Кирилл с Ириной готовились к кроссу, к ним неожиданно подошла Зоя Кальварская и спросила:

— Вы ничего не имеете против, если я побегу рядом? Только по лесу...

— А вы не оправдываетесь, нам не мешаете, — сказала Ирина. — Мы не та пара, в которой третий лишний.

— Вы так уверены в себе? — не могла не съязвить Кальварская.

— Зачем? Просто я не привыкла, как некоторые. всюду заводить поклонников; меня больше устраивают товарищи.

Зосе хотелось заметить, что для поклонников надо обладать несколько иными данными, но сдержалась. Не в ее интересах было ссориться с Ириной.

Вчера вечером Гарибан позвал Зосю к себе в кабинет, закрыл дверь и сказал:

— Ты знаешь мое отношение... В течение нескольких

лет я старался вывести тебя в первый десяток. Добивался этого не только твоими талантами, но и разными тактическими ухищрениями. Иногда не очень благовидными. Пока мне удавалось обезвреживать опасных конкурентов в черте нашего города и создать тебе славу непобедимой. Но вот вновь всплыла Большинцова. На прикидке она показала лучшее время сезона. Может произойти то же, что было три года назад.

— Зачем же вы ее вызвали и сами тренируете?

— Видишь ли, Зося, лучше ею руководить самому, чем отдавать в чужие руки. Я, конечно, сделал вид, что ее время посредственное, и посоветовал попробовать себя в прыжках в длину и в спринте, но...

Видя, что Зося хочет его перебить, Евгений Рудольфович предупреждаяще поднял палец, многозначительно помолчал и более жестким тоном добавил:

— Но, если я увижу, что ты проигрываешь на соревнованиях, то выпущу ее — никому не известную. Иначе буду глупцом, не использующим резервов для потрясения противников. Так что советую тебе от враждебных отношений перейти к приятельским.

— Значит, вы считаете, что я не гожусь, не сумею удержаться на первом месте? — обиделась девушка.

— Нет, этого я не говорю. Беда наша в том, что появляются новые конкуренты, и они, как ни прискорбно, показывают опасное время. Наша задача — сделать их союзниками. Понимаешь? Ведь эту Большинцову я еще приметил тогда, но не смог найти ее. Паршивая девчонка куда-то убежала. Совершенно неожиданно я ее встретил этой весной, когда судил соревнования осоавиахимовцев. Четыреста метров она прошла чуть ли не с рекордным временем! Мне пришлось скинуть более секунды, чтобы отвлечь от летчицы внимание других тренеров.

— Выходит, что для вас я должна поступиться гордостью и сделать эту нахалку своей приятельницей?

— Не для меня, а для себя, — поправил Зосю Гарибан. — Пойми: мне гораздо выгодней на последние осенние соревнования выпустить ее. Все газеты затрубят: «Известный педагог и тренер вырастил новую чемпионку». А я этого не делаю. Сознательно иду по более трудному пути, полагая, что ты поймешь и отблагодаришь... Мне хотелось бы удержать у себя Кочеванова. У этого

райкомовца большое будущее. Он, кажется, на тебя поглядывает. Присоедини, пожалуйста, и его к своим поклонникам. Тебе ведь по душе водить ухажеров за нос? — Попробую, — согласилась Зося. Ей нравился этот крепыш с белозубой улыбкой. Любопытно было узнать его поближе.

«Но как начать? — задумалась она. — Впрочем, чего голову ломать? Присоединюсь к ним на утренней тренировке — сразу всех зайцев убью. Надо только войти в доверие».

Ирина, увидя на Кальварской полупрозрачную кокетливую блузочку, легкие тренировочные брюки, эффектно выделяющие линию бедер, и почти детскую шапочку, неизвестно чем прикрепленную к пышно взбитой прическе, поняла, что все это надето не для тренировки.

«Умеет показывать свои прелести, — с неприязнью подумала летчица. — Не Кирилла ли хочет поразить? Не выйдет! Его кокетством не проймешь».

Сохраняя равнодушный и беспечный вид, она все же поглядывала за Кальварской. А та вела себя, как беспомощная и капризная девочка: то ей надо было затянуть по-мужски ослабевшую шнуровку на шиповках, то просила подать руку, чтобы перепрыгнуть через канаву, то помочь сорвать гроздь рябины. А когда Кирилл подхватывал ее за талию или под локти и вскидывал вверх, она как-то неестественно выгибалась, и смех ее делался таким, что Ирине становилось неловко за Зосю.

«Кривляка противная, — хотелось сказать летчице, — неужели на тренировке не можешь вести себя естественно?»

Кирилл чувствовал себя перед Зосей беззащитным. В ней было что-то такое, что смущало, тревожило и заставляло безропотно подчиняться.

Нехитрое притворство Кальварской и ее кокетливую беспомощность не трудно было разгадать, но Кочеванов охотно поддерживал придуманную Зосей игру. Он не прочь был схватить ее на руки и перенести через лужицу, подсадить на обрыв у реки, подставить руки для страховки при прыжке на песчаную осыпь.

Порой они вели себя так, что Ирина злилась: «Он такой же, как все, — думала она. — Может, отстать и покинуть их? Нет, почему я должна уступать?»

На прогулке летчица ничего не сказала Кириллу. Она боялась, что в ее голосе прозвучит либо слишком подчеркнутая беззаботность, либо плохо скрытая обида, и он разгадает ее состояние. Только когда Кальварская ушла от них, Ирина решила спросить:

— Она тебе очень нравится?

— Ничего, может соответствовать, — ответил он с нарочитой беспечностью, словно подражая Яну.

— Тогда бегай с ней, я не буду вам мешать.

Кирилл удивленно вскинул брови.

— Ирка, ты никак ревнуешь? — изумился он. — Мы же друзья с тобой! Что может быть выше?

— Мне противно смотреть на то, как ты готов подчиняться любому ее капризу. Это даже неприлично.

— Но не будем же мы по пустякам ссориться? — старался обратить он все в шутку. — Мы же понимающие парни! Девчонки в нашей дружбе не помеха.

— Хорошо, я тоже позову кого-нибудь и посмотрю, как тебе это понравится.

— Даю тебе слово, — не пикну, — пообещал он.

Вечером, войдя с Яном Ширвисом в круг танцующих, Ирина спросила у него:

— Почему вас по утрам не видно? В одиночку тренируетесь?

— Не хочу, чтобы другие видели мой пот, — ответил он. — Это не очень интересное зрелище.

— Но в компании веселей. Выходите завтра на пробежку.

— Только ради вас, Ириночка, — словно делая услугу, согласился он.

На другое утро Ян нагнал их в лесу.

— Разрешите пристроиться? — спросил он у Ирины.

— Пожалуйста, левый фланг свободен, — ответила она.

— А вас не интересует разрешение других? — не без ехидства напомнила Яну о себе Кальварская.

— Простите, я думал, что вы сами пристроились, — насмешливо ответил Ширвис. — В этой компании вижу вас впервые.

— Вы примитивны, Ян, — заметила она. — Вместо мыслей и эмоций — одни рефлексy.

— Зосенька, может, я действительно похож на павловскую собаку, но вам-то огрызаться не следует. Вы же из иной породы хвостатых.

— Из какой? Не стесняйтесь...

— Замнем, не будем ссориться. Нам же с вами в одной упряжке ходить.

Заметив, что Ирина вырвалась вперед, Ян прибавил шагу. Летчица была покладистой, она ему больше нравилась.

— Что вы дразните Кальварскую? — спросила Большинцова, когда он нагнал ее.

— Не люблю, когда люди воображают больше, чем имеют на то оснований.

— Но ведь она хорошенькая? Таким все прощается.

— Не хорошенькая, а смазливая. Это не одно и то же.

Зося слышала ответ Яна.

— Какой противный ваш Ширвис, — сказала она Кириллу. — Слишком много воображает, хотя сам еще ничто. Славой отца живет.

Зося никому не прощала обид. Весь путь она выискивала поводы уязвить Яна.

— Хорошо воспитанный человек подал бы руку, когда девушка переходит ручей, — наставительно замечала она.

А Ширвис отвечал:

— Хорошо воспитанные девицы не делают замечаний другим. Запомните, Зосенька.

Он не любил оставаться в долгу. Словесная перепалка грозила превратиться в ссору. Кирилл, решив примирить их, шутливо объявил:

— Ноль — ноль в нашу пользу. Мир, товарищи! Переходим со словесных состязаний на мышечные. Здесь старт кросса вокруг озера. Полный вперед!

Первой на дорожку вышла Зося, за ней Ирина. Парни побежали вместе. На ходу Ян спросил:

— Ну как, Кирилл, остаешься у Гарибана?

— Нет. Я верен дяде Володе.

— Смотри, пожалеешь.

* * *

Днем парни занялись боксом, а девушки вышли с секундомером на беговую дорожку. Зосе захотелось проверить: действительно ли так опасна Большинцова, как кажется Гарибану.

— Пройди два круга в полную силу, — предложила она.

— Хорошо. А ты посмотри, какие у меня будут ошибки.

— Ладно, давай на старт. Внимание!.. Пошла!

Произнося последнее слово, Кальварская включила секундомер.

Первый круг Ирина пробежала ровным размашистым шагом и показала время почти такое, какое было у Зоси на недавней прикидке. Во втором круге она не сбавила скорости хода. Правда, ее бег был не таким эффектным, как у Зоси, но удивительно легким и спорным. Порой казалось, что летчица почти не касается земли.

«Руками слабо работает, — заметила Кальварская и тут же с опасением подумала: — Но если потренировать, то она кого угодно обгонит. Гарибан прав; я должна остерегаться».

Когда Большинцова пересекла линию финиша, Кальварская не остановила секундомера: она дала стрелке пройти еще некоторое расстояние по кругу, затем нажала кнопку и, не взглянув на циферблат, отдала секундомер Ирине. Смотри, мол, сама.

Увидев, сколько времени затрачено на пробег, летчица огорчилась:

— Брошу, — сказала она. — Нет смысла тренироваться. На второй разряд не вытяну.

— А ты попробуй себя на других дистанциях, — посоветовала Зося. — Я помогу.

— Зачем? Ведь можно прожить и без этого. У меня есть специальность, я не стремлюсь в чемпионки.

— Мне было бы приятно с тобой выступать, — как бы сочувствуя, продолжала Зося. — Я ведь очень хорошо отношусь к тебе. Ты не сердись на меня за Яна?

— Нет, можешь осаживать его сколько угодно. Яну это полезно.

* * *

В воскресенье в «Солоп» неожиданно приехал Сомов.

— Ну, Кирилл, танцуй! — сказал он. — Ваши райкомовцы не только согласились отпустить тебя, но и сами взялись устроить на дневной рабфак.

— Как же вам удалось?

— Видно, еще не потерял огня. Агитатор старой закваски. Так что кончай санаторную жизнь, недельки две — три я с тобой поработаю.

Узнав, что Кирилл собирается уезжать с Сомовым, Ирина подбежала к ним и попросилась:

— Захватите и меня в город. Делать мне тут больше нечего.

А Зося явно огорчилась. Отозвав Кирилла в сторону, она по-детски надула губы и обиженно сказала:

— Как вам не стыдно так скоропалительно уезжать? Оставайтесь хотя бы на несколько дней.

— С удовольствием, но за мной приехали, ждут дела.

— Дела всегда будут ждать. Ну, ради меня! — потупясь, попросила Зося. Она знала, что такая стыдливая просьба действует неотразимо. — Что вам стоит?

Кирилл растерялся. Ее игру он принимал за девичью откровенность.

— Мы встретимся в городе, — предложил он. — Хотите, я приеду за вами?

— Нет, я загадала... Вы не должны уезжать, — настаивала она. — Неужели здесь вас ничто не удерживает?

— Видите ли, в моей жизни должны произойти перемены. Вы уже кончаете институт, а я только начну. Все решается завтра и послезавтра. Я не могу пропустить еще год.

— Хорошо, тогда дайте слово: как только закончите дела, вернетесь к нам.

— Но у меня путевка кончится.

— Пустяки. Будете жить в охотничьем домике. Неужели вас не прельстит шелест камышей, тишь озера, романтика леса?

— Боюсь, что переселят обязанности.

— У-у, какой скучный! Так сухарем можно стать. А я почему-то представляла себе Кочеванова волевым, смелым и решительным.

«Эх, теряю такую девушку», — подумал Кирилл и, после некоторых раздумий, пообещал:

— Попытаюсь; может, удастся удрать хотя бы на день — два.

На прощание Зося задержала его руку.

— Смотрите, я жду. Каждый день буду бегать к озеру.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В городе у Кирилла опять начались суматошные дни: надо было сдавать дела в райкоме, готовиться к занятиям на рабфаке и каждый вечер бывать в боксерском клубе. Сомов требовал отработать боевые приемы так, чтобы они выполнялись произвольно, автоматически.

— Мозг освободи для разгадывания противника и тактических находок, — говорил он.

Дядя Володя придирчиво проверял его умение быстро уклоняться, превращать удары противника в скользящие и переходить в наступление.

— Главное — не теряй самообладания, — учил он. — Нам с тобой надо побеждать выдержкой и ловкостью. Никакой горячности!

Глебу Балаеву не нравилось, что Кирилл столько времени отдает тренировкам.

— Смотри, из-за бокса завалишь учебу, — пощадь не будет, — предупредил он. — У меня уже заготовлена речь. Потребую гнать, как легкомысленного субъекта и дезертира.

Несмотря на воркотню и внешнюю суровость, Балаев был настоящим, заботливым товарищем. Он не только раздобыл путевку на дневное отделение рабфака, но и выхлопотал повышенную стипендию.

— Ты не думай, что совсем расстаешься с нами, — сказал он. — Остаешься членом бюро и штатным организатором. Я с тебя еще семь потов сгону.

Нахлынувшие дела, хлопоты и тренировки не вытеснили мыслей о Зосе. «Ждет меня, — думал Кирилл. — Надо бы хоть часа на три съездить».

В субботу ему удалось освободиться от вечерних занятий. Не заходя домой, Кочеванов сел на загородный автобус и доехал до развилки дорог на тридцать втором километре. Отсюда до спортивного лагеря было не более часа ходьбы. «К ужину успею», — посмотрев на часы, определил он.

Над скошенными овсами, над полянами с полеглими травами разливалась вечерняя тишина, овеванная грустью гаснущего дня. У поворота на проселочную дорогу стыла большая прозрачная лужа, в которой плавали

желтые листики березы. Обойдя ее, Кирилл завернул штаны и побежал ровным тренировочным шагом.

Сумерки надвигались быстро. Скоро стало так темно, что Кочеванов едва различал тусклый блеск луж. Перейдя на шаг, Кирилл подумал: «А что, если она меня не ждет? Дураком буду выглядеть». Он решил не заходить в столовую, а дожидаться Зою в кустах.

К ужину он опоздал. Столовая уже светилась всеми огнями. В большие окна видно было, как официантки на металлических подносах разносили чай.

«Скоро кончат, — определил Кирилл. — Куда же мне спрятаться? Стану ближе к веранде, — наверное, танцы будут».

Забравшись в кусты, он принялся ощупывать карманы. От волнения ему захотелось курить. Но папирос он, конечно, не нашел. Кирилл почти месяц не покупал их, по настоянию тренеров. «Чем же заняться? Не нарвать ли цветов? — вдруг мелькнула мысль. — Все равно они скоро померзнут».

Недолго раздумывая, он прошелся вдоль клумб и, не разбирая в темноте, какие цветы ему попадают, нарвал их столько, что получился хороший, большой букет. Обрезав перочинным ножом длинные концы и корешки, Кирилл направился к коттеджу девушек.

Форточка в окне комнаты, в которой жила Кальварская, оказалась открытой, Кочеванов подтащил садовую скамейку, вскарабкался на ее спинку и в форточку бросил цветы на Зосину постель.

Вымыв руки в бочке у водосточной трубы, он вытер их носовым платком и поспешил к месту засады, но опоздал: спортсмены уже выходили из столовой и разбредались.

Зоя шла в окружении парней по главной дорожке. Кирилл различал ее голос. Зосе было весело; она смеялась и совсем не думала о нем.

«А я-то, идиот, рвался сюда, — обругал себя Кочеванов. — Нужно быть таким дураком! — Но тут же он начал сомневаться: — Ее всегда окружали парни. В этом нет ничего нового. Убиваться и плакать должна, что ли? Не лучше ли догнать ее и присоединиться к ним? А что я скажу! Совру, будто шиповки забыл и приехал за ними. Глупо. Все догадаются, зачем примчался. Изде-

ваться начнут. Лучше выждать; может, она одна в парке останется».

Зосина компания прошла на веранду красного уголка. Там вспыхнул яркий свет и минуты через три заиграла радиола, начались танцы.

Кирилл подошел ближе и притаился в кустах, куда не достигал свет, падавший на дорожку.

Танцевали две пары: дискоболка с незнакомым парнем в летной форме и Кальварская с гимнастом, о котором говорили, что он легко танцует. Зося была в тонком свитере, туго облежавшем ее фигуру.

«Обязательно надо поговорить. Дождусь, — решил Кочеванов. — Неужели ей ничто не подсказывает, что я здесь? Говорят, если человек тянется к другому, то он его чувствует на расстоянии».

Но Зося даже не смотрела в его сторону. Танцую, она чему-то улыбалась. Кирилл многое бы отдал, чтобы узнать, какие мысли таятся в ее голове. Он напряженно смотрел на Зося из своей засады. «Ну обернись, обернись хоть на секунду!»

Один раз Зося взглянула в темноту парка, но взгляд ее не остановился на нем.

В перерыве на веранде вдруг появился Ян Ширвис. Он был в белом пуловере и хорошо отглаженных серых брюках. Как только заиграла музыка, Ширвис, опередив гимнаста, подхватил Зося и повел в быстром темпе.

«Обязательно научусь танцевать, — решил Кочеванов, завидуя Яну. — Довольно со стороны смотреть».

Он злился, когда Ширвис, чуть ли не касаясь губами уха, что-то нашептывал ей, а Зося, отстраняясь от него, смеялась.

После танца раскрасневшаяся девушка вышла на открытую площадку крыльца. Здесь обвевало ветерком. Кириллу показалось, что Зося сейчас спустится вниз на дорожку и он сможет окликнуть ее. Но появившийся Ян помешал.

— Говорите, — что вы заметили в моих глазах? — потребовал он.

— Они глупеют с каждой секундой, — ответила она и, повернув лицо Яна к свету, всплеснула руками. — Даже зрачки круглые! Ну, конечно, уже влюблен в меня.

— Возможно, — согласился Ширвис, — вы сегодня вызывающе красивы.

Произнося эту пошловатую фразу, он умышленно сделал нажим на слове «вызывающе».

— А разве толщу боксерской кожи проймет красота?

— В этом вы убедились: я сразу же пригласил вас на танец.

— Но в прежние вечера у вас была весьма невзрачная партнерша.

— Зосенька, не стоит злословить. У нее много достоинств, которых не любят замечать соперницы. Не будем подсчитывать плюсы и минусы. Если я не ошибаюсь, то вы, кажется, пытались отбить от нее некоего Кочеванова?

— Я ведь для вас старалась, Ян. Мне подсказали, что лучше будет, если он останется здесь и выступит в другом весе, иначе Ширвису плохо будет.

— Что? Кирюшка меня побьет? Да вы с ума сошли! — возмутился Ян. — Я его так разделаю... мама родная не узнает.

— Выходит, я зря старалась?

— Совершенно напрасно. И тот, кто вам подсказывал, в боксе профан и младенец.

— Его зовут Евгением Рудольфовичем, — не без ехидства сообщила Зося и, церемонно поклонившись, убежала в глубь веранды.

— И Гарибан ваш ни черта не понимает, — оставшись один, вслух заключил Ширвис. Сплюнув в кусты, он повернулся и стал смотреть на танцующих.

Кирилл слышал весь разговор. От возмущения у него горели щеки и уши. «Какой же я доверчивый олух! — обругал он себя. — Уходить, скорей вон отсюда! Довольно глупостей!»

Боясь попасться кому-либо на глаза, он осторожно выбрался на аллею и, не разбирая луж, побежал к шоссе, чтобы уехать на первой попутной машине.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Общегородские соревнования по боксу вызвали необычный интерес у болельщиков. В Дом культуры публика вливалась беспрестанным потоком. Сомов, разглядывая ее, заметил Кочеванова, проталкивающегося в раздевалку.

— Как самочувствие? — спросил он у него.

— Волнуюсь. Давно на больших соревнованиях не выступал.

— А ты не обращай внимания на публику, особенно — на хлопки и выкрики. Обычно шум поднимают люди, ничего не понимающие в боксе. Твоя манера может не понравиться профанам. Ну и пусть! Будь невозмутимым. А сейчас иди раздеваться и — на взвешивание.

У весов Кирилл встретил Ширвиса. Ян был в хорошо сшитых черных трусах и в невероятно пестром мохнатом халате.

— В каком весе выступаешь? — поинтересовался он.

— В среднем.

— Необдуманно, Кирилл. Я сейчас в такой форме, что буду опасен.

— Это что: бахвальство или запугивание? Ты ведь понимаешь, — за несколько минут я веса не изменю.

— Зря, зря, — как бы сожалел, сказал Ян. — Мое дело — предупредить.

Больше они не разговаривали. По жеребьевке в первом бою Кочеванов должен был встретиться с поджарым и смуглолицым зенитовцем, впервые выступающим на больших соревнованиях.

Еще до начала боя, когда бинтуются руки и надеваются перчатки, в сущности уже начинается борьба. Боксеры, сохраняя невозмутимость, исподтишка приглядываются друг к другу: изучают мускулатуру, стараются угадать настроение противника, изъяны его подготовки.

Зенитовец был высок, длиннорук и угловат. Он растирал подошвами ботинок крошки канифоли и хмурился. Его густые брови то соединялись у переносицы, то расходились.

«Драться на длинной дистанции мне не выгодно, — решил Кочеванов. — Придется сближаться».

Пока секунданты завязывали перчатки, Кирилл еще успел заметить, что зенитовец, несмотря на свой рост, все же с опаской косится в его сторону. Его, видимо, предупредили, что Сомов не подготовленных бойцов не выпускает. «Эге, я, кажется, начинаю побеждать, ни разу не стукнув», — отметил про себя Кочеванов.

За судейским столом ударили в гонг. Начался бой. Зенитовец держал себя напряженно. «Бойтся», — опре-

делил Кирилл, но не нападал с первых секунд, а вел осторожную разведку, выискивая слабые места в его защите.

Партнер, почувствовав, что с ним считаются как с серьезным противником, постепенно осмелел и первым перешел в наступление. Он не принимал ближнего боя. Длинные руки помогали ему держать Кочеванова на почтительном расстоянии и время от времени наносить довольно сильные, но скользкие удары.

Кириллу не удавалось прорваться на ближнюю дистанцию. Только к концу раунда он прижал зенитовца в угол и меткими ударами в лоб и подбородок сравнял счет.

— Ох, и руки же длиннющие! — во время минутного перерыва посочувствовал Сомов, стоявший секундантом.

— Ничего, прорвусь, — пообещал Кирилл.

Сев на табурет и раскинув руки на канаты, он приглядывался к уже лоснившемуся от пота противнику. А тот, видимо, был доволен результатами первого раунда. Он отмахивался от своего секунданта, что-то нашептывающего на ухо, и раза три полоскал водой рот.

Во втором раунде Кирилл так же дрался не в полную силу. «Пусть Ян думает, что я не в форме». Он лишь постепенно наращивал темп атак, усложняя комбинации и сохраняя глухую защиту.

Зенитовец осмелел; он то и дело вызывал аплодисменты у зрителей, а Кочеванов понимал, что увлекшийся боксер нерасчетливо тратит силы, что он скоро выдохнется, сдерживал себя: «Только не сорвись, не обращай внимания на публику. Больше спокойствия!»

В последнем раунде он усилил нажим. Пора было наверстывать упущенное. Кирилл дважды прорывал защиту длиннорукого боксера и, столкнувшись с ним почти грудь в грудь, провел серию коротких и точных ударов, принесших ему перевес по очкам.

Ян Ширвис, напряженно следивший за ходом боя, недоумевал: «Почему так вяло и неинтересно проходят раунд за раундом? Видно, Кириушка хитрит — бережет себя. Одной техникой хочет взять. А дерется не важнецки: связано и настороженно, точно боится».

Сам он выступал в последней паре. Ян дрался темпераментно, почти не прикрываясь. Его бой с белокрылым летчиком чем-то напоминал бурный каскадный та-

нец с быстро сменяющимися положениями. За мельканием рук и ног трудно было уследить.

«Ну и темп взяли, — поразился Кочеванов, — надолго ли их хватит? Дерутся слишком отчаянно и безрассудно. Тактика Ширвиса понятна: стремительным натиском ошеломить противника, подавить его психику кажущейся неутомимостью, при этом стараться показать, что сильные удары никак не действуют на тебя. Потом — захват инициативы и бурный финиш под аплодисменты. Но это расчет на растерянность, слабость и малоопытность противника. Так не всякий бой выиграешь».

Боксеры казались неистощимыми. Они оба стремились к победе и все три минуты награждали друг друга частыми и сильными ударами. В пылу они даже не услышали гонга.

Отойдя в свой угол, Ширвис не садился на табурет, точно боялся утратить темп боя. Он держался руками за канаты, и, как горячий степной скакун, нетерпеливо перебирал ногами. Скуластое лицо Яна пылало, глаза то и дело косились на часы и судейский стол: «Скоро ли там дадут сигнал?»

«Выдержки не хватает», — отметил про себя Кирилл.

Во втором раунде Ширвис прямо с места ринулся в атаку. Он неистовствовал, не давал противнику опомниться. Публика видела, как летчик побледнел и обмяк. В его движениях уже не было легкости и эластичности. Ян обрадовался. По собственному опыту он знал, что от предельного напряжения в бою наступает такой момент, когда трудно вздохнуть, когда в глазах все мутнеет, а ноги теряют гибкость и наливаются тяжестью. Боксеру кажется, что он сейчас упадет. Появляется желание сдаться, сойти с помоста. Только опытные и стойкие бойцы умеют перебороть в себе это настроение и, перейдя в оборону, дожидаться второго дыхания. Ширвис усилил натиск. Он был тренирован лучше летчика.

«Расчетливость или безрассудство зазнайки? — пытался определить Кочеванов, старавшийся не упустить ни одной детали боя. — А что, если противник выстоит и в третьем раунде, сам пойдет в наступление? Будет ли Ян способен наносить ощутимые удары?»

Но Ширвис не дал противнику оправиться, двумя прямыми ударами в туловище и крюком в челюсть он

сбил его на колени. Летчик мог бы воспользоваться передышкой: подняться хотя бы на счете «восемь», но он почему-то вскочил на третьей секунде и опять нарвался на сильный удар в висок...

Ян окончил бой нокаутом и казался свежим, способным драться еще несколько раундов.

«Достанется мне от него, — подумал Кирилл. — Дерется он в бешеном темпе».

На другой день Кочеванов выиграл очередную встречу довольно легко, но не с таким преимуществом, как Ширвис. Тот, измотав противника невероятным темпом и резкими ударами, опять закончил бой нокаутом.

Сомова это не встревожило. Усмехаясь, он сказал:

— Бои Ширвиса мне напоминают рискованную работу минеров: одна ошибка — и будешь нокаутирован. Зря Гарибан его на это толкает.

В финал, как все и полагали, в среднем весе вышли Ширвис и Кочеванов; они оба не имели поражений. Правда, один выиграл бои нокаутами, а другой — незаметно, получая преимущество лишь по очкам за точные удары и неуязвимость. Публика поэтому ждала победы Ширвиса. Весь зал притих, когда бойцы вышли на ринг и после гонга пожали друг другу руки.

Боксеры какую-то долю секунды стояли неподвижно: они вглядывались один в другого. Затем Ян отпрянул назад, вызывая Кочеванова на активность. Но тот остался на месте. Он лишь перебрал ногами, прикрываясь, слегка закачался в каком-то своем ритме.

«Затягивает время, — решил Ширвис. — Нет, меня это не устраивает». Он любил бои резкие и рискованные, с постоянной угрозой нокаута. У него не хватало терпения плести замысловатую сеть ложных нападений и хитрых уходов. Тщательная разведка и осторожность не входили в его тактику. Он полагался на свою выносливость, быстроту и силу натиска.

Чтобы сбить противника с занятой позиции, Ширвис разрядил свое нетерпение в серии полновесных ударов.

Кочеванов довольно легко парировал их раскрытыми перчатками и по-прежнему оставался посредине ринга. Он не желал принимать навязываемого темпа и, настроенно следя за движениями Яна, заставлял его двигаться по кругу.

Ширвис сделал один за другим два ложных выпада, опять ринулся в атаку, но ему и на этот раз не удалось разбить защиту противника. Кочеванов, плотно закрывшись, выждал, когда ослабнет яростный натиск, и неожиданно нанес такой крюк справа, что Ширвис отлетел к канатам. Удар был сильным и точным. Опасаясь новых крюков справа, Ян тоже стал прикрываться, но он не убавлял напора, а, кружась по рингу, продолжал безостановочно нападать. И все же ему не удалось заставить Кирилла изменить тактику. Тот невозмутимо действовал по какому-то своему плану, который трудно было разгадать.

Обороняясь, Кочеванов старался не терять очков: внимательно наблюдая за Яном, он по едва приметному сокращению мышц угадывал, с какой стороны последует удар, вовремя блокировал его или быстрым движением ног, корпуса, головы ускользал от прямых попаданий, успевая при этом наносить точные ответные удары.

«Что предпринять? — досадуя, думал Ширвис. — Я измотаюсь, а Кирюшка останется свежим. Пусть судьи видят, что он не желает нападать».

Перестав двигаться, Ян нарочно опустил руки, чтобы смутить Кирилла, а тот, словно ожидал этого, мгновенно переменял тактику, пошел в стремительное наступление. Невероятным напором он загнал его в угол, начал наносить удары слева и справа, почти не прикрывая грудь.

«Ну, наконец-то!» — обрадовался Ширвис.

В горячке боя он нанес Кочеванову несколько ответных ударов по корпусу, заставивших того отпрянуть с поднятыми перчатками и прижатыми к груди локтями.

Кирилл на мгновение замер, вслушиваясь в бурную работу сердца. Не чувствуя стеснения в груди, он опять раскрылся, чтобы действовать свободнее. Теперь уже он наступал, не давая противнику передышки...

Когда прозвенел гонг, извещавший о конце раунда, оба боксера с неохотой разошлись по своим углам. И трудно было понять, кто из них выиграл первый раунд.

Расслабив мускулы и дав себе полнейший отдых, Кирилл с удовлетворением отметил, что он совсем не устал и может драться больше трех раундов. «Не предложить ли ему свой темп? Рывки измотают. Он, конечно,

еще больше обозлится. А злость плохой союзник. Только бы мне самому не потерять самообладания».

Во втором раунде, сойдясь посредине ринга, боксеры разрядили свою силу в таком потоке ударов, что судья вынужден был отпрянуть к канатам.

Темп боя резко повысился. Теперь его уже навязывал не Ширвис, а Кочеванов, сменяя одну атаку другой. Он смело шел на сближение, но не ослаблял бдительности, а был наблюдательным и — главное — спокойным в мгновения промахов и неудач. Вот что и обескураживало Ширвиса. В таком бурном бою боксерам нелегко прикрывать уязвимые места. Тут уж не зевай — обрушайся и добивай противника. Но с Кириллом почему-то не получалось того, что с другими. Удары Яна чаще всего шли вскользь, не достигали цели. Слово предвидя их, Кочеванов опережал: то подставляя раскрытую ладонь, то предплечие или мгновенным поворотом головы, корпуса уклонялся и тут же нападал сам. Кирилл явно переигрывал его, набирал очки, оставаясь неуязвимым.

«Ну и хитрец, — со злостью думал Ян. — Я тебя сейчас подловлю».

Желая наверстать упущенное, Ширвис полностью раскрылся, чтобы получить возможность больше нанести ударов и вызвать противника на такие же действия. А Кочеванов словно этого и ждал: он мгновенно нанес такой силы удар, что у Яна потемнело в глазах и ноги, словно одеревенев, стали грузными...

В последние секунды раунда Ширвис вынужден был уйти в глухую защиту, так как с трудом переводил дыхание. В боку у него тупо покалывало. Тело покрылось пятнами. Он лоснился от пота.

«Такого еще со мной не бывало, — недоумевал Ян, уйдя после гонга в свой угол. — Неужели я так выдохся? Нет, это оттого, что он работал по корпусу и сбил дыхание. Ну, погоди, я тебе покажу!»

Секундант, освежавший его мокрой губкой, говорил: — Ты зарываешься. Нельзя так раскрываться. Он ловит каждый промах: даст, даст — и прикроется!

«Не в этом дело, — досадуя, думал Ширвис. — Кирюшка раздражает идиотским упрямством, нежеланием вести так бой, как предлагают ему. Они с Сомовым видели, как я дрался, и придумали хитрую тактику. Мне

обязательно надо было припасти какую-нибудь новинку против них, а я понадеялся на свою силу и неутомимость. В последнем раунде отдам все, что могу. Нужно кончить бой нокаутом, иначе проиграю».

В начале третьего раунда боксеры как бы заново начали бой; они вели разведку, нанося лишь легкие удары.

Сейчас Ширвис накопит взрывную силу и обрушится на Кочеванова. Он, конечно, сомнет его и не даст передышки до нокаута. В боксе побеждают не осторожность и техника, а сила и крепкий удар. Так думали неискушенные зрители, видевшие, как Ян расправлялся с прежними противниками.

— Начиная по-мужски драться, довольно танцевать! — кричали они из зала.

А Кирилл словно не слышал их, он был невозмутим. Попав в вихрь ударов Ширвиса, Кочеванов выскальзывал невредимым и способным к контратакам: то он обрушивал короткую серию неприятных по резкости тычков, то кружил по рингу, то вдруг ошеломлял резкими встречными ударами и завязывал ближний бой.

Обескураженный этой неуязвимостью, Ширвис терял уверенность в своей тактике. Злясь, он решил пустить в ход «крюки» слева, перед которыми редко кто выставлял.

Но два промаха подряд окончательно сбили ему дыхание. Ширвису не хватало воздуха. Боксер расплачивался за свое безрассудство, за нежелание считаться с умением другого. Ему казалось, что если он перейдет к обороне и даст себе короткую передышку, то все изменится, но тут же отверг эту мысль: «Остались считанные секунды. К черту защиту! Кирилл устал не меньше моего. Победа только в наступлении».

Собрав остатки сил, Ян пошел в атаку, применяя комбинированные серии ударов. Но как-то так случилось, что, заканчивая комбинацию, он не нашел устойчивого положения. Сильный ответный удар сбил его на колени...

Ширвис мгновенно вскочил и почувствовал, как попросту закачался под ногами. Все стало зыбким. Глаза боксера застлал туман. Тяжесть подкатывалась под ребра. Он уже не наносил полновесных ударов, а лишь толкался кулаками...

Кочеванов мог бы закончить бой нокаутом, но он пощадил Яна — дал ему выстоять до конца раунда.

Ширвис словно издалека услышал медный звон гонга и устало опустил кулаки.

Судьи совещались недолго. Победа за явным преимуществом присуждалась Кочеванову.

Потрясенные зрители замерли. Им казалось, что Кочеванов выиграл каким-то незаконным путем, что его поведение на ринге было похоже на расчетливость шахматиста. Лишь тонкие ценители бокса поняли — родился новый талантливый боксер со своеобразным стилем боя, рассчитанным не на грубую физическую силу, а на мастерство, гибкую тактику и неимоверную быстроту реакции. И они горячо захлопали Кочеванову.

Но в огромном зале эти аплодисменты затерялись, как случайные. Публика не желала приветствовать победителя. В те времена больше ценился грубый, силовой бокс.

* * *

Почти одновременно на стадионе «Динамо» проходили легкоатлетические соревнования.

Погода была неустойчивой. Ветер с Финского залива то нагонял дождевые тучи, то расчищал небо до синевы.

Кальварскую беспокоила только гаревая дорожка. От частых дождей она размякла. Попробуй показать на такой хорошее время! Постоянные конкурентки — динамовка Дятлова и студентка института физкультуры Тулова — Зосе были не опасны: в этом сезоне они показали худшее время, чем она на последней прикидке.

За соревнованиями по другим видам легкой атлетики Кальварская не следила. Зачем утомлять себя лишними волнениями?

Перед днем забегов она плохо спала. Ее вдруг начало лихорадить от тревожной мысли: что же дадут ей последние соревнования? Кому выпадет счастье подняться на пьедестал почета, а кому опять до весны останутся одни лишь нудные тренировки?

Еще когда Зося училась в школе, она любила перед соревнованиями пройти вдоль трибун, чтобы ее заметили и с любопытством спрашивали: «А кто вон та, с хорошей фигуркой?» И очень воодушевлялась, если слышала лестные для себя объяснения: «Восходящая звезда, будущая чемпионка».

Каждое соревнование Зосю трясла предстартовая лихорадка. И она в такие дни ничего не могла поделаться с собой, верила в приметы и, уходя на стадион, укладывала в чемодан «амулеты» — старенькую майку, в которой первый раз победила, утащенный с вешалки металлический номер и маленького костяного слоненка, подаренного бабушкой.

В этот раз на стадион «Динамо» Зося приехала за два часа до забегов. Решив переодеться для разминки, она повернула к раздевалкам и вдруг услышала, как из радиорупоров разнеслось:

— Вторая попытка. Прыгает Щекина — «Наука», готовится Большинцовой — «Осоавиахим».

«Ирина здесь? — встревожилась Кальварская. — Неужели и восемьсот побежит? Надо с ней поговорить».

Она поспешила ко второму футбольному полю, где обычно проходили соревнования по прыжкам в длину.

Большинцову Зося разглядела издали: летчица сидела на скамейке и вытряхивала из шиповок песок. Волосы у нее были по-прежнему короткими, но их уже коснулась рука искусного парикмахера: они были уложены крупными волнами. Прическа делала ее лицо не похожим на мальчишеское.

Приблизясь к летчице, Кальварская притворно удивилась:

— Ирочка?.. Вот неожиданность!

Она поцеловала ее и принялась выпытывать, в каких же еще видах Ирина собирается выступать. А узнав, что та намерена бежать и восемьсот метров, стала отговаривать:

— После прыжков пойти на такую дистанцию?.. Ты с ума сошла! Это заранее обречь себя на позорище. Будешь плестись позади всех... ведь любое утомление сказывается. Мы же не прекращали тренировок и то дрожим...

Зося умела говорить с жаром и убедительно. Ирина, хотя и догадывалась, почему Кальварская так старается, все же заколебалась:

— А может, действительно отказаться? Почему я должна выступать по нескольким видам? Правда, прыжки для меня — только разминка, — сказала она. — Но все равно, поговорю с инструктором, пусть заменит.

Ведь собирался же он выставить на восьмисотку телефонистку. Та и тренировалась на длинных дистанциях.

Иринино обещание несколько успокоило Кальварскую. Зося ушла в раздевалку, надела тренировочный костюм, минут тридцать потратила на разминку и, когда по радио объявили о начале забегов, вышла на старт.

У судейского стола ее нагнала Большинцова.

— Ничего не вышло, — весело сообщила она. — Инструктор и слушать не захотел. Побегу с вами, постараюсь не отстать.

— Неужто у тебя не могла нога на прыжках повернуться? Вот недогадливая! — Как бы в шутку укорила ее Зося, но летчица почувствовала досаду в ее голосе.

«Ах, вот оно что — ты побаиваешься», — усмехнулась Ирина.

Как только раздался выстрел стартового пистолета, она вырвалась вперед и, заняв бровку, побежала легко и спокойно впереди всех.

«Не слишком ли резво, милая!» — хотелось крикнуть Кальварской. Она по опыту знала, что в таком темпе долго не пройдешь, и бежала своим обычным шагом, расслабляя мышцы и плавно выбрасывая ноги.

Увидев, что за Большинцовой увязались еще три нерасчетливых спортсменки, Зося обрадовалась: «Правильно, выматывай и этих. Они вместе с тобой сойдут с половины дистанции либо скиснут к концу».

Кальварская не зря сегодня выходила на разминку: она выверила, на каких участках дистанции ветер будет лобовым, и вместе с Гарибаном составила план бега: когда ветер попутный, — убыстряй шаг, но ни в коем случае не обгоняй ведущего, на виражах — подтягиваться вплотную к головному, против ветра — двигаться только под прикрытием спины лидера.

Головная группа, увлекаемая Большинцовой, очень быстро оторвалась от других и ушла вперед метров на тридцать. Зося тоже покинула отстающих, так как пора было воспользоваться попутным ветром. С его помощью Кальварская развила небывалую для себя скорость и на крутом повороте, когда вырвавшуюся вперед Ирину уже встретили удары лобового ветра, она настигла концевую спортсменку и, прикрытая ею, побежала шаг в шаг.

Борьба с ветром утомила ведущую. Большинцова заметно снизила темп бега. На втором вираже летчицу одна за другой стали обходить спортсменки лидирующей группки. И тут Ирина поняла, какую совершила ошибку: «Нельзя было вырваться, легче бежать за другими».

Она собрала все силы, чтобы не отстать. Попутный ветер словно подхватил ее и понес. Ирина пристроилась к Зосе, обходившей молодых спортсменов. Им удалось обогнать только двух. Приближалась опасная прямая.

Кальварская опять сместилась к бровке и, почти наступая на пятки ведущей, побежала под ее прикрытием.

Ирина не отставала. Теперь, идя нога в ногу, она лишь повторяла движения передних, давая себе отдых.

Новая лидерша вскоре выдохлась: она вдруг стала спотыкаться, замедлила ход и сошла с дорожки.

Зося, уступая бровку, предложила Большинцовой выйти вперед, но та не согласилась и пропустила третью. За третьей неожиданно прорвалась динамовка и побежала с такой резвостью, что ее невозможно было настичь, потому что ветер вдруг стих.

Цепочка бегущих впереди растянулась. На последней прямой Кальварской удалось лишь обойти лесгафтовку Тулову. Но ей на пятки «наседала» Большинцова. Зося по дыханию чувствовала, что у летчицы еще большой запас сил, что она сейчас начнет обгонять ее.

«Что же делать? Хоть на втором месте удержаться», — выкладывая все свои силы, в тревоге думала Кальварская.

Ирина уже поравнялась с ней; она бежала плечо в плечо...

Впереди мелькнула финишная лента, сорванная динамовкой. Показались нацелившиеся объективами фоторепортеры...

И в это мгновение Кальварской в голову пришла счастливая мысль. Она, как бы в благородном дружеском порыве, протянула Ирине руку. И та, имея возможность обогнать ее, простодушно схватила запястье подруги, и они вместе пересекли белую линию финиша.

На другой день вечерняя газета поместила очень удачный снимок о спортивном товариществе. На снимке,

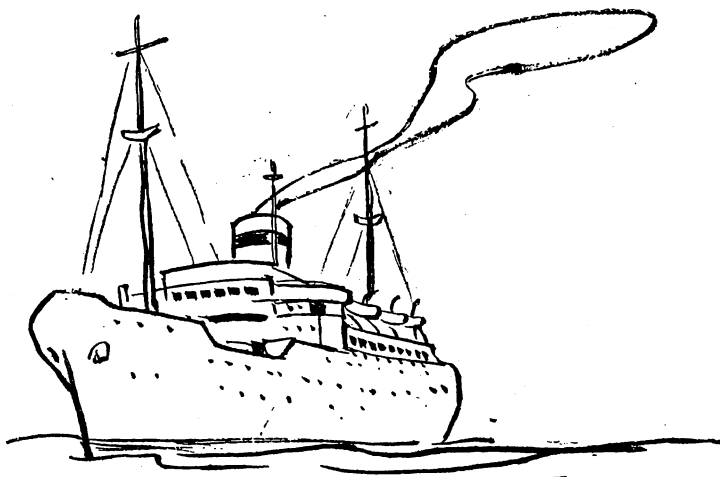
взявшись за руки, отдавая последние силы, бежали две девушки. И подпись под ним стояла такая: «Мастер спорта З. Кальварская дружески делит славу с молодой спортсменкой И. Большинцовой».

Увидев газету, Ян покрутил головой, ухмыльнулся и сказал:

— Ловко, Зосенька! Первого места не добились, а славу захватили бóльшую, чем динамовка.

Часть ВТОРАЯ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Учебный самолет «ПО-2», подпрыгивая и слегка кренясь, бежал по широкому полю, оставляя в росистой траве темно-зеленый след.

Над рощицей показалось солнце, по-утреннему лучистое и теплое, словно умытое росой. С желтевшего луга донесся едва уловимый запах цветов.

Самолет оторвался от земли и начал набирать высоту. Грачиная стая, летевшая к распаханному полю, испуганно шарахнулась от него в сторону.

«ПО-2» большими кругами уходил в синее, безоблачное небо, а люди, оставшиеся на аэродроме, следили за ним. Кирилл видел их запрокинутые лица. Придерживая парашютный ранец, он перегнулся через борт и, зная, что его никто не услышит, с озорством выкрикнул:

— Борис, брось задирать голову! Еще рано, шею свернешь!

Ирина, сидевшая за штурвалом, неодобрительно поглядела на него через плечо. Ей не нравилось поведение Кочеванова. Человеку разрешили совершить опасней-

ший экспериментальный прыжок, а он бравирует, кричит какие-то глупости. Ведь там внизу товарищи с беспокойством следят за ними. Правда, ей хочется верить, что оригинальный парашют Бориса Валина превзойдет все существовавшие до сих пор. Но сегодня прыгает Кирилл. Каков-то будет исход?

Пятнадцать раз Большинцова взлетала к облакам на этом же самолете. Пятнадцать раз сбрасывали новый парашют с балластом, и только одиннадцать раз он плавно спустился. Какая-то неуловимая погрешность в конструкции мешала безотказно раскрываться шелковому куполу.

Валин извелся, ища причину неудач своей двухлетней работы. Да и сама Ирина не раз изучала скрученные жгутом, полураскрытые полотнища парашютов. И все безрезультатно. Нужно было кому-то дерзнуть, чтобы в воздухе, в полете разгадать ошибку конструктора. И вот вызвался, на ее беду, Кирилл, который даже на самолете упрямо не хочет понять грозящей опасности.

Кочеванова смутил недовольный взгляд Ирины.

«Чего она волнуется? — недоумевал он. — Все предусмотрено». Он же летит не с одним валинским парашютом, захвачен еще запасной, с которым проделано более десятка тренировочных прыжков. Кирилл теперь так все усвоил, что может механически, с закрытыми глазами совершить прыжок.

Валинский парашют им изучен — лучше невозможно. Он его видел во всех стадиях: начиная от чертежа и кончая контрольным экземпляром. Вместе с Валиным Кирилл рассчитывал динамику раскрытия парашюта, собственными руками проверял прочность швов, лямок и прощупывал чуть ли не каждый сантиметр полотнища. Чего же еще надо?

Кочеванов вытащил из кармана сунутый Валиным «на всякий случай» охотничий нож, взвесил его на руке, посмотрел, достаточно ли остро лезвие, и спрятал в ранец запасного парашюта.

Самолет, казалось, недвижно повис на крыльях в воздухе, а сиреневая земля, кружась, убегала вниз.

В зеркальце передней кабины Кочеванов разглядел, как покраснелось лицо летчицы.

«Вот, дурная, тревожится, — подумал он. — Надо бы

ей сказать, чтоб не беспокоилась. Толкнуть в плечо, что ли? Нет, еще хуже будет».

Ирина решила больше не оборачиваться, — она боялась выдать свое волнение.

Самолет, натужно гудя, кругами поднимался вверх. Альтиметр показывал тысячу метров.

«Скоро будет тысяча пятьсот, а затем... — Девушке стало не по себе. — Зачем я так с ним? Может, последний раз видимся. Надо поласковой». И она оглянулась.

Кирилл, по-мальчишески выпятив губы, задумчиво смотрел перед собой и, казалось, ничего не видел.

«Обиделся, — подумала Ирина и попробовала улыбнуться, но Кочеванов не заметил улыбки; он по-прежнему глядел в пространство. — Ага, закрустил! Так зачем же ты соглашался?..»

Ей вспомнились встречи прошедшей зимой. Виделись они редко — лишь на пленумах райкома и вечерах актива. Всегда радовались друг другу, садились вместе и находили много тем для интересных разговоров, но, по молчаливому уговору, вели себя так, чтобы все видели, — они не влюблены, а только дружат.

Ирина даже говорила: «У нас с Кочевановым иммунитет — мы уже не влюбимся один в другого. Прошло. То ли дело — дружба, бескорыстная, крепкая!»

Правда, у Большинцовой было немало друзей в аэроклубе, но таких, кому она могла бы полностью довериться, как Кириллу, не находилось. С ним она могла без особого смущения говорить о том, чем обычно делаются лишь девушка с девушкой или парень с парнем. Ирина знала: все останется в тайне. И в этом была прелесть их отношений.

«Как хорошо, когда у тебя есть настоящий товарищ, — написала она в дневнике. — Он мне, как брат. Мы с ним одной крови».

Потом все же призналась:

«Меня одолевает неясное чувство: то ли радости, то ли тревоги — не пойму. Это чувство бессознательно. Неужели любовь?»

Ирина боялась, что наступит день и с ней произойдет нечто такое, чего она уже не в силах будет предотвратить.

«Какое счастье, что Кирюшка не помышляет о любви! — Через месяц записала она в дневнике. — Иначе он

бы почувствовал, заметил мое лукавство и обман. Впрочем, почему бы ему не полюбить меня? Ну, хоть немножко? — Но тут же она спохватилась: — Нет, нет, тогда все пойдет, как у других. Дружба лучше!»

Узнав о согласии Кирилла испытать валинский парашют, Ирина переполошилась. Никогда прежде она с такой настойчивостью никого не отговаривала. Но Кочеванов, как всегда, был упрям и убеждал ее, что от всех неожиданностей есть надежная страховка — запасный парашют.

Видя, что никакие просьбы не подействуют, Большинцова решила сама пойти с ним в воздух, но взяла слово, что Кирилл полетит только после тренировок и серьезной подготовки. И Кочеванов честно выполнил уговор: он хорошо владел собой в воздухе.

В последнюю ночь Ирине плохо спалось. Она вспомнила бледное лицо и лихорадочные глаза Валина. Он пришел вечером без обычных шуток, положил на стол огромный букет сирени, схватил Ирину за руку, порывисто прижался губами к ее пальцам и, ни слова не говоря, вышел.

Альтиметр уже показывал тысячу триста метров. Большинцова оглянулась. Кирилл, встретившись глазами, смутился и стал смотреть с левого борта на землю.

Земля, исчерченная дорогами, полями, реками, садами, побелевшими от цветов, уходила все дальше и дальше. Там в глубине на расплывчатом аэродроме двигались неясные букашки — это товарищи. Вот что-то сверкнуло, — по-видимому, бинокль. У друзей, наверное, затекли шеи от непрерывного наблюдения. И Кочеванов, точно ощутив тревожное биение сердец оставшихся на земле, облизал свои пересохшие губы.

Последний виток спирали, Ирина убавила газ. Гул мотора сменился мягким рокотом.

Кирилл решительно встал, подтянул ремни, молча занес ногу за борт, выбрался на крыло...

«Только бы не соскользнула нога! Впрочем, все равно прыгать... Но лучше сам. Как громко стучит сердце!»

Цепко держась за кромку борта, он повернулся к Ирине, виновато улыбнулся и кивнул.

Девушка вдруг почувствовала отчаянную тоску; ей захотелось сказать что-то нужное и главное, но секунды бежали... И она с трудом произнесла самое короткое:

— Пора!

Кочеванов, точно очнувшись, нащупал вытяжное кольцо.

Ирина видела его побелевшую от напряжения руку, крепко вцепившуюся в кромку борта. Вот нерешительно вздрогнул мизинец... и вдруг разом смело выпрямились все пальцы и скользнули за крыло...

Крыло ушло из-под ног Кирилла, где-то у виска тоненько свистнул ветер и горячей струей покатылся по телу. Глаза застлала влага.

Широко распахнувшаяся земля жадно потянула к себе. Кочеванов с расстановкой просчитал до семи, дернул кольцо... За спиной, как живой, заворочался и зашуршал шелк, вырывающийся из ранца. От этого стало веселее, захотелось громко, с озорством крикнуть:

— Держите, лечу!

А Ирина в этот момент заметила, как подрезало контролирующие нити, как стало скручивать жгутом парашют и завихрило едва вздувшуюся верхушку. Она вскрикнула, но ее голос заглушил шум мотора.

Кирилл, раскинув в свистящем воздухе напряженные руки, с нетерпением ждал, когда же, наконец, с треском развернется полотнище и встряхнет его за плечи. Огромная земля летела прямо в глаза.

«Почему же медлит шелк? Как неприятно смотреть на эту мчащуюся на тебя землю!» Кочеванов взглянул вверх — и разом понял все.

«Конец! — точно иглой пронизало мозг. — Смерть. Не может быть! Немедленно срезать стропы».

Но инстинкт опередил мысль и заставил раньше времени рвануть кольцо запасного парашюта.

Охотничий нож вывалился и, обгоняя парашютиста, полетел вниз.

Ирина, увидев вырвавшееся белое пламя второго парашюта, хотела крикнуть — «Молодец, Кирюшка!» — но не успела. В следующее же мгновение воздушная воронка втянула в себя чуть вздувшуюся верхушку купола. Нераспустившийся шелк обвился и прилип к первому парашюту.

«Теперь все, все!» — твердила Большинцова и повела самолет на парашютиста. У нее явилась безумная мысль срезать крылом этот страшный гриб, выросший над парашютистом.

У Валина, стоявшего на земле, в кругу товарищей, похолодела спина, из рук вывалился бинокль.

— Катастрофа! — заорал он, но из горла вырвался только хриплый шепот.

Люди торопливо заводили машины, укладывали носилки. От ангара, путаясь в халате, бежал длинноногий врач.

А там, вверху, распластавшейся птицей беспомощно висел над падающим самолет.

«Конец! — И, осознав это, Кирилл расслабил мускулы. — Нужно немедленно действовать. Почему раньше не взглянул вверх? Утеряно время. Земля уже близко. К черту землю! Если конец, так сразу».

Собрав всю волю, он напряжился, вскинул над собой руки и, поймав тугие нити строп, скрипя зубами, начал тянуть к себе запасной парашют.

Липкий шелк, визжа, сопротивлялся, хлестал в лицо, забивал дыхание, прирастал к груди.

— Не уйдешь!

Вот уже зажат коленями живой, вырывающийся край парашюта. Опять руки вверх и, вцепившись ногтями, Кочеванов с еще большей озлобленностью комкает и тянет скользкий стреляющий шелк. Скоро земля, надо использовать каждую долю секунды...

По ногам все же проходит противный ток от предчувствия удара.

Наконец взбесившаяся материя судорожно зажата коленями, руки раздергивают стропы. Парашют с треском распаивается...

Ирина, забыв обо всем, стремительно, как на салазках, спускалась за парашютистом. Она видела перед собой только разрастающийся купол и готова была от радости разреветься. «Но что это? Парашют исчез. Уже земля, деревья... — Это как грохот собственной катастрофы врывается в мозг. — Сейчас машина вдребезги, Выравниять. Во что бы то ни стало!»

Девушка рывком тянет на себя руль, дает полный газ...

Хлопок, мотор, захлебнувшись, как будто глохнет... Но в следующее же мгновение, взревев, помогает вырваться в воздух.

* * *

Ян Ширвис, высоко подняв коротко стриженную голову, слегка работая локтями, пробегал по исполосо-

ванной солнцем дорожке парка. Сзади катил на велосипеде взмокший Гарибан.

Парк был безлюден. Косые лучи солнца, пробиваясь сквозь влажную листву, обдавали мягким теплом. Ян свернул с широкой укатанной дорожки и побежал тропой к озеру. Озеро едва колыхалось среди камышей. В искрящейся желтоватой воде плескались дикие нырки. Ширвису тоже захотелось выкупаться. Сбросив на ходу тапочки, он босиком взошел на шаткие мостки.

Гарибан, отдуваясь, слез с велосипеда, вытер с лица обильно струившийся пот и, присев под сосну, начал наблюдать за боксером.

Ян стоял над водой, коричневый, мускулистый.

Вот он набрал полную грудь воздуха, приподнялся на носках и, раскинув руки, полетел вниз головой...

Вынырнул он далеко в стороне, фыркнул и саженками поплыл за нырками. Дикие утки пугливо кинулись в стороны и исчезли под водой.

Гарибан усиленно тренировал Ширвиса к большим отборочным соревнованиям. Проигрыш Яна на осенних общегородских соревнованиях не обескуражил Евгения Рудольфовича. Мало ли бывает случайностей, когда недостаточно натренировано сердце? Сейчас он готовил боксера к большим и длительным физическим нагрузкам. На соревнованиях Ян выдержит одинаково высокий темп во всех раундах. В городе нет средневеса, равного ему. Победа обеспечена.

В кочевановской манере вести бой Евгений Рудольфович не видел ничего нового. Он еще тогда, осенью сказал журналистам: «Холодный и скучный техник. В нем нет ни капли боксерской злости, а без нее на ринге многого не добьешься». И тут же, как бы между прочим, он намекнул, что имел некое отношение к тренировкам Кочеванова.

Некоторые спортивные обозреватели, неделями жившие бесплатно в «Солопе» у Евгения Рудольфовича, поспешили сообщить читателям, что победа Кочеванова не случайна: молодого боксера больше месяца обучал такой опытный знаток бокса, как Гарибан. А о Сомове они даже забыли упомянуть.

«Я его еще в чудачки, в городские сумасшедшие произведу, — рассуждал про себя Евгений Рудольфович. —

Для многих Сомов будет глуповатым и староватым дядей Вадей, которого надо гнать с тренерской работы».

Ян, наконец, отстал от нырков, выбрался на берег, ладонью смахнул с тела прозрачные капли и начал прыгать на одной ноге, вытряхивая из уха воду.

Гарибан подошел к нему, проверил пульс, потрогал мышцы ног и, шутиливо дав пинка, велел одному продолжать прогулку. Главному врачу нужно было спешить в лагерь. Под его опекой, кроме Ширвиса, были еще три десятка спортсменов.

Ян выжал трусы, накрепко зашнуровал туфли и, помахав рукой удаляющемуся Гарибану, побежал дальше.

Третью неделю Ян живет по расписанию. Подъем в семь утра. Гимнастика. стакан молока. Дальняя прогулка. Второй завтрак. Отдых. Два часа тренировки на снарядах. Передышка. Обед. Тихий час. Бег в полную силу на три тысячи метров. Снова отдых. Товарищеский бой. Потом массаж, теплый душ, вечерняя прогулка и сон.

Ширвис строго придерживался режима и ни разу не побывал в городе. За это на него сердилась Зося. Она сдавала выпускные экзамены и не могла приехать в лагерь. Пришло от нее два капризных письма, усыпанных вопросительными знаками. Письма остались без ответа. Зося, наверное, с кем-нибудь другим теперь коротает вечера. Пусть, не жалко, Яну больше по вкусу покладистые, а не такие расчетливые и строптивые девицы, как Кальварская, которые закидывают сети в разных местах.

Как бы Зося ни злилась, он до соревнований будет спартанцем. Ян привык к лишениям. Он родился в Риге, когда отец был в ссылке. Впервые Ян увидел его только в 1919 году, забинтованного, в серой шинели. Отец привез сыну толстую елочную конфету и шапку с длинными ушами, а потом опять куда-то исчез. Мать одна выкормила Яна, они не мало хлебнули горя. Потом отец разыскал их и выписал сюда, в Советский Союз.

Чудак старик, он все еще надеется свергнуть буржуазию в Латвии и вернуться в родную Ригу. К чему? Не все ли равно, где жить? Вот Ян, если выйдет в чемпионы, побывает во многих странах. А Латвия? Стоит ли, отец, печалиться о таком крошечном клочке земли?

Ян усмехнулся, вспомнив, как встревожился отец, когда он ушел от Сомова. Зря волнуется старик, Ян нашел более современного учителя. Разве Сомова можно сравнить с Гарибаном? Кто лучше врача знает строение человека? Гарибан, а не кто иной, показал Яну, как сбивать дыхание у противника, как вызывать тошноту и головокружение короткими тычками в области сердца, печени, как оглушать ударами по виску, по сонной артерии и вызывать удушье резким прямым ударом в солнечное сплетение. Ян скоро добьется славы самого техничного бойца. Его уже теперь выставляют на серьезные матчи. О нем пишут в газетах, с ним считаются как с мастером нокаутов.

Ширвис выбежал из парка на шоссе.

Впереди, над рощей вился самолет, уходя ввысь. Ян прибавил шаг. Он щел широким махом, ослабив мышцы и сохраняя ровное дыхание.

Роща встретила Ширвиса прохладой и неистовым щебетанием птиц.

Боксер стал пробиваться сквозь перепутанную чашу кустов. Ему представилось, что он на ринге, что за канатами рокот жадной до зрелищ толпы... Вот затихает зал. Люди судорожно сжимают ручки кресел. Ян спиной ощущает затаенное их дыхание... Сейчас он сделает неожиданный выпад в сторону, за выпадом — удар, и зал разразится овацией...

Но наступившая в этот момент тишина вселила в него беспокойство. С каким-то заглушенным стоном прервалось гудение летавшего над ним самолета. Умолкли птицы. И в этой тревожной тишине Ян услышал нарастающий свист.

Инстинктивно, почти одновременно с птицами, вспорхнувшими с ветвей березы, он отскочил в сторону...

Вверху что-то хлопнуло, зашуршало, а затем громко взревел мотор. Ширококрылый самолет пронесся над Яном, создав вихрь, и улетел.

В полсотне метров от Ширвиса затрещала раздираемая на сучьях материя. Над ручьем повис человек, запутавшийся в стропах. Человек раскачивался, сляясь ногами достать ствол дерева. Наконец он ухватился за него, уселся на сук и начал освобождаться от лямок. Потом парашютист прямо скатился на землю. Ян поспешил на помощь.

Человек в синем комбинезоне лежал на траве и жадно пил воду из ручья.

— Что вы делаете? — крикнул Ширвис.

Человек повернул к нему свое мокрое, исцарапанное лицо.

— Кирилл? — изумился Ян.

— А что, на себя не похож? — спросил Кочеванов.

Он утер рукавом лицо, озабоченно ощупал свои ноги и, радостно ухмыльнувшись, попросил покурить.

Папирос у Ширвиса, конечно, не оказалось. Кирилл досадливо выпятил губу и начал обдумывать, как стащить с берез изодранные полотнища парашютов. Вскоре на поляне у рощи появились три автомобиля и послышались голоса людей.

Запыхавшийся от быстрого бега Борис Валин, увидев, что Кирилл невредим, принялся его обнимать.

— Погоди, дай закурить.

Курево у Бориса нашлось, но Кочеванов не мог выловить из портсигара тонкой папиросы: пальцы не слушались и дрожали.

Валин помог ему достать папиросу и сам зажег спичку. Кочеванов с наслаждением затянулся и выпустил изо рта клуб дыма. Дым почему-то был красноватого цвета. Кирилл испуганно вытащил изо рта папиросу и недоумевающе взглянул на присутствующих. Но ни Валин с Ширвисом, ни другие не замечали странной окраски дыма, для них дым был обычным.

«Чудится», — решил Кирилл, и никому не сказал о странном явлении.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Сомов спешил в судейскую коллегияю. В трамвае, чтобы не терять времени, он развернул утреннюю газету и поразился, натолкнувшись на портрет Кирилла. Газета сообщала о смелом прыжке парашютиста. Не дочитав до конца заметку, Сомов скомкал еще пахнувшие типографской краской листы газеты и стал проталкиваться к выходу. На остановке он пересел в автобус и поехал к Кочеванову.

Кирилл сидел на кровати в одних трусиках и курил. Увидев Сомова, он, по-мальчишески, спрятал папиросу за спину.

— Дымишь? — косясь на гору окурков, с укором спросил Сомов.

— Докуриваю, — с напусковой беспечностью, чтобы не выдать смущения, ответил Кочеванов.

— Значит, отпуск, режим, тренировка — все в дым?

Сомов в волнении вынул из пачки папиросу, повертел ее, понюхал и взял в зубы.

— Наоборот, — оправдывался Кирилл, чиркая спички, но те не зажигались, ломались. — Тренировка очень понадобилась...

— Знаю, читал! — грозно перебил его Сомов.

Он взял из рук Кочеванова коробок и, держа в руке зажженную спичку, продолжал:

— И главное — за два дня до соревнований. Подождать не мог, что ли? — Пламя коснулось пальцев. Сомов чертыхнулся и в злобе выплюнул папиросу. — Сниму: такого на ринг выпускать нельзя!

«Заметил», — подумал Кирилл. С ним после прыжка действительно что-то случилось. Утром, когда он мылся, из умывальника текла какая-то неощутимая и очень пресная вода. Табачный дым по-прежнему был красноватым, а земляника, купленная вечером, казалась горькой, как хина. Голоса людей были глухими, невнятными. Кирилл по-иному ощущал вещи, звуки, цвета, но рассказывать об этом Сомову не хотелось. Он начал уверять тренера, что после прыжка чувствует себя более уверенным, что ничего не случилось, он в той же форме. А папиросы — это рецидив, неожиданная прихоть. В доказательство Кочеванов скомкал всю пачку и выбросил в окно.

— Ну смотри, герой! — погрозил Сомов кулаком.

Он заставил Кочеванова при себе поработать со скакалкой и придирчиво наблюдал за ним.

Кирилл, чуть склонив голову набок, прыгал на одной и на двух ногах, через посвистывающий цветной шнурок. Потом такими же привычными движениями осыпал дробью ударов мечущуюся грушу. Сомов успокоился. Он лишь по тренерскому обычаю ворчливо пожурил ученика за легкомысленное поведение.

Днем Кирилл бегал на три километра, купался в реке, занимался на снарядах. Все это делал механически, по привычке, не ощущая возбуждения.

Вечером к нему зашел Валин. Толстяк был обижен на Большинцову.

— Скажи, Кирилл, — просил он, — имеет ли она право на презрение? Виноват ли я в том, что не прыгал сам и моя туша осталась целой?

— Она действительно была какая-то суровая, — усмехнулся Кочеванов, вспомнив Ирину, сидящую за штурвалом. — Не обращай внимания. Парашют оправдывает все. Я готов еще раз рискнуть. Только переставь, пожалуйста, контролирующие нити.

— Контролирующие? — почти шепотом переспросил Валин, но тотчас же спохватился, боясь выказать главную цель прихода. «Значит, эта пустяковая деталь была виной всех мучений». Борису хотелось сейчас же бежать домой и заняться проверкой, но он сдерживал себя, сидел со скорбным лицом и говорил о другом.

— Я был идиотом, тешась мыслями, что вот настанет время и девушкам начнут нравиться парни моего вида. Сегодня все обнаружилось, — она видит во мне только благодушный жир и идиотскую нерешительность...

Кириллу не хотелось разубеждать друга. К чему? Он еще найдет любительниц плотных малых, а для Ирины Борис действительно не подходит.

Друзья, поговорив еще немного, распрощались.

Оставшись один, Кирилл силился вспомнить, как вела себя Ирина в воздухе; но, кроме развевающейся прядки волос и последнего слова «пора!», память ничего не сохранила.

Он надел тренировочный костюм и отправился пешком на острова. В парке, несмотря на белые ночи, почему-то меж деревьев горели фонари.

Кочеванов в полную силу прошел шесть кругов по дальним дорожкам и, замедляя ход, выбежал к фонтанам.

У фонтанов играла музыка. На тихой воде продолговатого пруда плескались весла лодок и приглушенно смеялись девушки.

Кирилл прошелся по темной аллее, вглядываясь в смутные лица девушек и ни на одном не остановившись, в каком-то непонятном для себя смятении вернулся домой.

Ирина, вскочив с постели, распахнула окно. Было еще очень рано, — солнце едва поднялось над крышами.

Девушка, не одеваясь, убрала постель и, схватив полотенце, побежала мыться.

Из медного крана била необыкновенно шумная струя воды. Ирине захотелось, как в детстве, закрыть ладонью кран и пустить тонкую струю воды на себя. Холодные брызги, вырвавшиеся из-под ладони, обдали ее всю. Она взвизгнула и расхохоталась. Девушка плескалась так, что залила весь пол.

Одеваясь, Ирина взглянула на свои ноги и покраснела.

Сегодня она нравилась самой себе. Парусиновые туфли были легки, белая юбка ловко обхватывала талию, а тонкий шелк блузки скользил на спине и приятно охлаждал тело.

«Не буду надевать берета», — решила Ирина и начала причесываться.

Все-таки что же случилось? Почему так хорошо? Вчера она обидела Валина, но разве это может принести радость? Нужно будет извиниться и провести сегодняшний день вместе. «А может, лучше без него? Нет, позвоню».

Телефон настойчиво будил Валина. Борису хотелось спать, и он, чтобы избавиться от резкого металлического звона, накрыл аппарат подушкой, но телефон не унимался. Валин свирепо схватил трубку.

— Кто?

— Ой, какой хриплый и заспанный!

— А, это вы? — смягчил толстяк голос. — Понимаете, зверски хочу спать. Всю ночь провозился с парашютом.

— Опять?

— Опять! — уже окончательно проснувшись, радостно кричал в трубку Валин. — Теперь он будет, как часы.

Девушку по-видимому это не радовало.

— Так вы, значит, спать хотите? Ну спите, спите. Прошу простить за беспокойство.

Трубка умолкла. Валин сокрушенно почесал грудь и снова улегся в постель. Но спать не пришлось, — опять заверещал звонок.

— Это вы, Борисочка? — заговорила уже Зося Кальварская. — Мне не хочется идти одной на бокс. Заезжайте. Сегодня изумительная погода.

Борис потряс тяжелой головой, взлохматил волосы и начал одеваться.

«Странно, — думал Валин, — что с ними случилось? Первыми звонят. А почему бы им и не позвонить?»

Он подошел к зеркалу и начал разглядывать себя.

«Не урод же я — просто плотный и неглупый малый. Иных только за талант любят. У Кальварской, конечно, больше женственности».

Валин натянул тщательно выутюженные брюки, побрился, надел сверкающий белизной китель и еще раз убедился, взглянув в зеркало, что он не так уж плох.

Когда Борис заехал к Зосе, она обувалась. Толстяк в это утро был смел.

— Разрешите помочь? — спросил он.

— Попробуйте.

Борис чуть не свернул стол, ринувшись зашнуровать ей туфли.

— Готово! — вскоре сказал он.

— Чаю хотите? — предложила Зося.

— Нет, благодарю, я стараюсь поменьше пить.

— Тогда не будем задерживаться, пошли.

Борису вдруг захотелось вместе с Зосей показаться Ирине.

— Заедем за Большинцовой? — спросил он.

— Я не против, — согласилась Зося.

Они сели в такси и покатали на окраину.

Борису казалось, что Ирину огорчит его дружба с Кальварской. Но все вышло иначе: Большинцова обрадовалась, заметив, что он усиленно ухаживает за Зосей. Это несколько омрачило так хорошо начавшееся для Валина утро.

По дороге девушки непринужденно болтали друг с другом, точно были рады встрече, а на стадионе они оставили Валина у киоска с лимонадом и скрылись в женской раздевалке купальни.

Ирина в этом году купалась впервые, поэтому плавала долго и с наслаждением.

Они с Зосей чуть не опоздали к началу матча. Ва-лин, заняв три места в четвертом ряду от ринга, уже минут двадцать вглядывался в толпы людей, заполнявших трибуны. Но вот девушки показались: они шли у крайней трибуны и ели эскимо. Борис принялся энергично махать руками. Ирина и Зося, чтобы позабавиться над толстяком, долго делали вид, что не замечают его. Уселись они, лишь когда смолкли трибуны и на ринг вышел главный судья.

В парах наилегчайшего веса дрались совсем мальчишки. Легкие и верткие, они кружились по рингу, осыпая друг друга тумачами. Ирина так увлеклась зрелищем, что захлопала вместе со всеми, когда один из мальчиков, изловчившись, сбил другого с ног.

Потом начали выходить пары потяжелее. Противники уже не кружились. Пружинистые, нахохлившиеся, как петухи, они покачивались один перед другим, выискивая место, куда бы посильнее клюнуть. Удары посылались уверенными и крепкими руками.

В перерывах между раундами секунданты обмахивали бойцов полотенцами, а те, расслабив мускулы и раскинув руки на канаты, сидели с закрытыми глазами на стульях, желая за шестьдесят секунд набраться новых сил для трехминутного боя.

Наконец появилась ожидаемая девушками пара.

Ян Ширвис вышел первым. Он одним махом взлетел на ринг и, подняв для приветствия перчатку, прошел в свой угол. В углу, повернувшись спиной, он ухватился за канаты и начал растирать ногами крошки канифоли. В нем чувствовалось нетерпение и самоуверенность.

Кочеванов появился скромно. Он только лишь мотнул головой и стал ждать сигнала к бою.

— Бойцы среднего веса! — громко объявил судья на ринге, поочередно поднял боксерам вверх кулаки и назвал их фамилии.

На трибунах захлопали.

Ирина почувствовала, как тревожно забилося у нее сердце. «Сейчас начнется, — в страхе подумала она. — И Ширвис может разбить ему лицо, зубы. Хотя нет, что за глупая фантазия, — они же друзья!»

Противники пожали руки и, словно нехотя, разошлись, но с ударом гонга боксеры разом ошети-

лись кулаками и, наклонив головы, пошли один на другого.

Взрыв первых ударов откинул обоих противников к канатам. Они словно удивленно взглянули друг на друга и медленно начали сходитьсь.

Трибуны притихли. Ирину охватило необыкновенное волнение. Сжав в руке платок, она подалась вперед, боясь пропустить малейшее движение боксеров.

Вот они сошлись — и черные кулаки замелькали, нанося сильные гулкие удары.

Противники казались неутомимыми. То они дрались на расстоянии вытянутой руки, то переходили в ближний бой и в буре тумачков разлетались в стороны, чтобы снова схлестнуться грудь в грудь.

Неожиданно судья прекратил бой. У Кочеванова развязалась перчатка. Пока ее завязывали, Ян настороженно стоял в своем углу, косясь одним глазом на Кириллу. Он перебирал ногами и, казалось, дрожал от избытка энергии. А Кочеванов от этого вынужденного перерыва почувствовал вялость во всем теле. Он скупающе смотрел, как люди возятся с перчаткой, и думал о том, что драться сегодня, да еще с Ширвисом, не имело смысла. Странное ощущение, появившееся после прыжка с самолета, не покидало его.

— В бой! — приказал судья.

Ян немедленно бросился на Кириллу. Но тот, мазнув его по виску, уклонился от схватки. Ширвиса это привело в ярость. Он сделал ложный выпад в сторону и, когда Кочеванов потерял равновесие, налетел на него справа и сбил на колени...

— Победил? — побледнев спросила Ирина у Кальварской.

— Да нет же, нет. Он поднимается.

Еще больше летчицы волновалась Зося. Судья отсчитывал секунды: — два... три...

На счете «пять» Кирилл поднялся и повел бой только левой рукой. Ян знал эту хитрую повадку в боксе: левой рукой боец, как шпагой, производит разведку, вызывая противника на необдуманное нападение, а правую бережет для моментального и сокрушительного удара. Ширвис стал строже охранять свою челюсть.

Но Сомов, стоявший секундантом, понял, что это не

тактика, что с Кириллом что-то случилось, — не его стиль так безрезультатно махать перчаткой.

Гарибан заметил напряженное лицо Владимира Николаевича. «Ага, волноваться начал, — злорадствовал он. — Сейчас ты увидишь, чей метод лучше».

У Кочеванова было сбито дыхание, он плохо защищал подбородок. Гарибану хотелось подсказать Яну: «Действуй крюком справа».

И тот как бы понял его: два раза поймал противника на крюк. Еще один такой удар — и Кочеванов свалится, но в это время некстати прозвучал гонг.

Ширвис уже вне правил ткнул противника в грудь и нехотя отошел в свой угол. Он был зол на себя, что не сумел в первом раунде нокаутировать такого вялого противника.

А Кочеванов, прополоскав рот, как-то чересчур спокойно сидел на своем месте. Он не чувствовал ни влажной губки, которую заботливая рука прикладывала к сердцу, ни шепота Сомова:

— Что с тобой? Действуй двумя...

Дядя Володя нащупал пульс. Пульс был нормальный. Он попробовал ободрить Кирилла.

— Осталось два раунда, ты еще можешь наверстать. Он дерется так же безрассудно... не «финти» больше, пора набирать очки...

От этого горячего шепота у Кочеванова в ушах стоял шум. Во рту было вязко и пресно.

Во втором раунде и публике стало понятно, что Кочеванов сдал. Он редко наступал и вяло защищался. А Ширвис, наступая, бил и бил без устали, как машина.

Ирину охватил страх за Кирилла. Ей казалось, что сейчас он упадет и больше не встанет. «Какой злой и противный этот Ширвис!»

Кочеванов уже шатался. Грудь и лицо его были в красных пятнах, ноги плохо слушались. От ощущения своей слабости Кирилл виновато улыбался.

Яна взбесила его улыбка: «Ты еще смеешься!» Он загнал Кочеванова в угол и начал бить снизу вверх, не давая упасть на землю.

И вот здесь, у каната, ощутив во рту вкус крови, Кирилл вдруг нашел в себе силы вырваться из кулачного смерча. Наконец-то старые ощущения вернулись

к нему! Он почувствовал боль, почувствовал, как горячо бьется кровь в жилах.

Ян, решивший одним сильным ударом добить его, неожиданно встретил тугую стену кулаков.

Ирина не могла больше смотреть на ринг. Она сидела опустив голову и не понимала, почему так неистовствуют на трибунах и хлопают в ладони.

Только в перерыве она подняла голову и, увидев, как Кирилла обрызгивают водой, в ужасе подумала: «Неужели они еще будут драться?»

И боксеры, вопреки ее желанию, дрались. Ирина только слышала одобрителный гул на трибунах, глухие удары и тяжелое дыхание. Потом вдруг все стихло. Оказывается, тренер выбросил на ринг полотенце: он просил прервать бой, так как видел, что Кирилл не выстоит до конца раунда.

Кочеванов, едва держась на ногах, пожал руки победителю. Казалось, что он благодарит за поединок, и это состоялось против него Ирину.

— Молодец Ширвис! — восхищенно бормотал Валин, выбираясь из рядов. — Это класс!

Кальварская молчала, но горящие ее глаза и чуть приподнятая покусанная губа говорили о большом возбуждении. Зося гордилась Яном; их клуб победил.

Когда они втроем спустились вниз и вышли к волейбольным площадкам, Кальварская побежала вперед и села на скамейку против мужской раздевалки. Борис попробовал утащить девушек на лодочную станцию, но те — одна бледная, другая возбужденная — не слушались его и остались сидеть у кустов жасмина.

Жасмин начал цвести. От запаха белых цветов кружилась голова. Ирина сидела притихшая, а Зося буйствовала. Она закинула валинскую фуражку в кусты, натянула толстяку на лоб свой берет и пробовала напудрить Бориса. Валин уморительно мотал головой и от удовольствия не смеялся, а хрюкал.

Ирина отодвинулась от них. Но Борис с Зосей не прекращали возни. Они бегали по газону, гонялись друг за другом вокруг скамейки. Запыхавшиеся и потные, они вернулись к Ирине, наперебой рассказывая о своих победах.

Вдруг лицо у Ирины неожиданно зарумянилось.

— Наши идут! — обрадовалась и Зося Кальварская.

Валин обернулся и увидел шагающих к ним Кирилла и Яна. Недавние противники, обхватив друг друга за плечи, шли и посмеивались.

«Кто же из них нравится Ирине, а кто Зосе?» — не мог понять Валин, и он решил присматриваться.

Ян с обычной развязностью подошел к девушкам, подхватил их под руки и повел на террасу. Валин с Кочевановым пошли сзади. У Кирилла забавно топорщилась разбитая губа.

— Крепко он тебя, — посочувствовал Валин.

— Была баня, — согласился Кирилл и, лихо мотнув головой, добавил. — Зато я теперь дороже двух небитых.

На террасе, сдвинув столики, парни заказали салат «Весна», холодного мяса, лимонаду и мороженого.

Пообедав, они пошли кататься на лодке. Валин с Ириной сели за весла, Кирилл — за руль. Ян с Зосей устроились рядом; они полоскали пальцы в воде, брызгались и вышучивали всех.

Кочеванов видел, как рука Яна прижималась к открытому локтю Зоси и та не отодвигалась от него.

«Еще бы, победитель!» — с горечью подумал Кирилл и начал подруливать к берегу. В этом суденышке он чувствовал себя лишним.

Когда нос лодки врезался в сыпучий песок, Кочеванов выскочил на камень и, сказав, что спешит на свидание, оттолкнул суденышко от берега и чуть ли не бегом направился в парк.

В лодке наступила неловкая тишина. Ирина сидела нахмурившись, Зося перебралась к рулю. И Ян, уже не чувствуя около себя ее круглого локтя, рассердился на Кирилла: «Свинья, не мог для товарища порулить».

Они катались недолго и, выбравшись на сушу, по настоянию Ирины, тоже пошли в парк.

Солнце склонялось к горизонту, В воздухе толклась мошкара. На танцевальной площадке играла музыка. Ян предложил Ирине потанцевать, но девушка, чувствуя себя необыкновенно усталой, отказалась. Тогда Кальварская подхватила Ширвиса и потянула на площадку.

Кружась в вальсе, она не могла удержаться, чтобы не шепнуть:

— Как ты его сегодня разделал! Молодец.

— Еще не так будет, — не без бахвальства ответил Ян и бешено закружил ее.

Валин с завистью смотрел на танцующих. Он еще больше расстроился, видя, как голова Зоси склонилась к плечу боксера.

А Ирина рассеянно рассматривала густую толпу гуляющих. И вот среди кепок, беретов и шляп она заметила коротко стриженную голову. Ну да, это его шея, плечи. Ирина схватила Валина за руку и хотела потащить за собой, но Борис не трогался с места.

— Подождем, неудобно, — просил он, боясь своим уходом обидеть Кальварскую.

— Ну, как хотите, я ухожу.

Ирина выпустила валинскую руку из своей и исчезла в потоке гуляющих.

Кирилл встретил в парке парней из шестой комнаты общежития фабзавуча. «Тихони» уже работали на заводе: один — по пятому разряду, другой — по шестому. У них водились деньги. На острова ребята приехали чуть навеселе, поэтому разговаривали не в меру громко и беспричинно смеялись.

Нагнав эту компанию, Ирина прошла вперед и, останавливаясь в тени тополей на повороте, окликнула Кирилла.

Он узнал ее голос и попрощался с ребятами.

Ирина стояла прижавшись спиной к стволу дерева. Трепещущие тени листвы колыхались на ее лице. Кирилл заглянул ей в глаза и понял: она переживает его поражение.

— Ирка, Ирушка! — с укором сказал он и прижал ее к себе.

Она всхлипнула и, обвив его шею руками, осторожно поцеловала в припухшую разбитую губу.

— Тебе больно?

— Нет, не волнуйся, пустяки. У меня, видно, был шок после этой парашютной истории. Понимаешь, все не так чувствовал, как обычно. А теперь, кажется, опять вхожу в норму.

— Но ты не будешь больше драться?

— Почему же? Жалкое зрелище было, да?

— Нет, мне просто не хочется, чтобы тебя изувечили. Ведь ужасно будет, если тебе выбьют зубы и расплющат нос. После бокса я сама как избитая.

— Ничего, завтра я уже буду прикрываться так, что не прорвется ни один кулак. Надо хоть на второе место выйти.

Они вместе пошли к дому, держась за руки. У ворот Ирина заставила Кирилла присесть и еще раз, нежно, чуть касаясь, поцеловала его распухшую губу.

— Чтобы она скорей зажила и могла улыбаться, — сказала девушка, стыдясь своей нежности.

Кирилл крепко сжал ей руку. И они молча разошлись, сожалея, что не могут постоять у ворот, как влюбленные.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Победу Ширвиса над Кочевановым Сомов переживал, как собственное поражение. Бой был нелепым: непонятное начало и совсем бредовый последний раунд. Он правильно сделал, Кирилл был в шоке, бой следовало прервать. Но когда Кочеванов нарвался на точный удар? Почему так плохо защищался? Нет ли изъянов в тактике и тренировках?

Ширвис победил боксерской злостью и физическим превосходством. Может, все бьет эта грубая сила? Нет, Сомов не раз видел, как боксеров с мощной мускулатурой побеждали средняки, хорошо владевшие собой. Кирилл не трус. Это доказывают его парашютные увлечения. Впрочем, и у Ширвиса не слабей воля к победе. Он привык первенствовать. Видимо, надо сделать поправки в тактике.

Утром Сомов вызвал Кочеванова к себе и, узнав, что Кирилл скрыл свое недомогание после прыжка с парашютом, раскипятился:

— Ты инвалидом, что ли, хочешь стать? Перед серьезным матчем вздумал прыгать! Седых волос мне прибавил. Я всю ночь глаз не сомкнул. Нет, брат, видно, неважно я тебя воспитывал. Ну что ж, на ошибках учимся! Снимаю с соревнований. В таких делах не либеральничают. Пусть Гарибан радуется: в среднем весе не будет опасного соперника. Сами сдались — белый флаг выкинули.

Кирилл не оправдывался. Он был виноват, прыжок следовало отложить.

Не разговаривая больше о боксе, они с Сомовым поехали на стадион. Там дядя Володя ушел на заседание судейской коллегии, а Кирилл отправился к товарищам.

Боксеры в тренировочных костюмах отдыхали в тени деревьев. Они очень удивились тому, что Кочеванов не будет больше драться. Кирилл наскоро выдумал причину своего отказа и хмураясь пошел смотреть, как плотники заново перетягивают канаты и укрепляют стяжки ринга. И вот здесь он по-настоящему ощутил горечь дисквалифицированного.

Через три часа трибуны заполняют зрители, боксеры забинтуют руки и наденут халаты, а он будет сидеть где-то в публике. А из-за чего? Из-за сомовского характера. К чертям! Надо пойти на судейскую коллегию и заявить свое несогласие с тренером. Что за самодурство!

Кочеванов уже направился к выходу, но в это время некстати появился Ян.

— Чего это ты вчера таким чертом из лодки выскочил? Тоже товарищ!

Кирилл недоумевающе смотрел на него, потом, поняв, о чем идет речь, сказал:

— Мне не до гуляний.

— Я тебе говорил: дерись в другом весе. Не послушался, — пеняй на себя.

— Пеняю. Но вес тут ни при чем. Я проиграл потому, что прыгал с парашютом за два дня до соревнований.

— Не придумывай себе оправданий. Бокс есть бокс, — побеждает сильнейший.

* * *

Вечером Ян нокаутировал противника во втором раунде. Зося снова ждала его у раздевалки.

— Где Ирина? Или вы уже поссорились? — как бы невзначай поинтересовался он.

— Не думали. А тебя она очень интересуется?

— Не так, чтобы очень, ну и не очень, чтобы очень, — отшутился Ян одной из своих излюбленных фраз.

Они пошли по саду.

— Сегодня мы только с Зосей будем гулять? — спросила она по-детски, зная, что это у нее хорошо получается.

— Нет, мы пойдем бай-бай, — в лад ей ответил Ян. — У нас лежим, мы в калантинном домике.

— У-у, всегда так! — протянула девушка, обиженно надув губы. — А потом в Москву, да?

— Угу. Мы в чемпионы метим.

— Тогда — ни пуха, ни пера!

Распроставшись с Яном, Зося шла расстроенной: она не привыкла без провожатых возвращаться домой. Еще в детстве из школы и в школу ее сопровождала бабушка либо мать, а когда подросла, — влюбленные мальчишки.

Зосе все доставалось легко. В жизни она не знала настоящего горя и нужды. Отец геолог баловал ее.

На школьных вечерах Зося старалась затмить подруг. Она выступала на сцене — декламировала, пела. На танцы надевала яркие ленты и тонкие блузки. Старшеклассники осыпали ее записками. В провожатые Зося выбирала гордых и недоступных мальчишек, по которым вздыхали ее подруги. В полумраке ворот, жмурясь от страха, она принимала их торопливые поцелуи и, довольная, с бьющимся сердцем, убегала домой.

Зосе нравилось, когда на нее обращали внимание и смотрели восхищенными или завистливыми взглядами. Она тянулась к известности, обожанию и славе.

Она всегда думала, что самоотверженная любовь — это выдумка писателей, на самом же деле нельзя любить никого, кроме самой себя. Жить следует только для удовольствий, день за днем, час за часом, не грустя, не думая ни о чем печальном и неприятном.

Эту несложную премудрость Зося переняла от матери, жившей весело и легкомысленно.

Отец умер внезапно в одной из своих длительных командировок. Мать недолго была вдовой: через полгода она вышла замуж за капитана дальнего плавания и продолжала вести беззаботную жизнь обеспеченной женщины, занятой лишь своей внешностью и шитьем нарядов. На девочку она почти не обращала внимания.

Зосю воспитывала богомольная, но очень безалаберная бабушка, не пропускавшая ни одного нового фильма.

Около нее всегда суетились какие-то заискивающие старухи, с которыми бабушка держала себя высокомерно и придирчиво, так как считала их бестолковыми

дурами, хотя сама повторяла лишь чужие мысли и слова.

Слезливость она называла «переживаниями», умение льстить — «порядочностью», обыкновенную тупость — «солидностью».

Богу старуха молилась только из боязни, что он накажет ее. Зося не раз слышала, как бабушка утаивала свои прегрешения, перечисляя их перед распятием. От старухи она научилась лукавить и всех подчинять своим прихотям.

Из парней Зосе больше всех нравился Ян Ширвис, хотя она и называла его «неумеренно гордым и грубым животным». Ян ни с кем не считался. Он любил появляться и исчезать, когда вздумается, так как не хотел быть скованным какими-либо обязательствами.

«Свобода дороже любви, — говорил Ширвис. — Только не все это понимают». В нем не было постоянства, на такого невозможно положиться в жизни, но в то же время в его поведении, уверенности, смелых суждениях было нечто такое, что подкупало Зося и привлекало на свой лад.

Зосе неважно было, что он с презрением относился к людям, чувствовал себя выше других, обо всем имел безапелляционные суждения; ее занимало другое: часто ли он бывает беззащитен перед ней, можно ли надеть узду и приручить его?

Кочеванов тоже интересен, он как-то сразу располагает к себе. Но с Кириллом что-то случилось: почему-то он перестал с обожанием смотреть на нее, избегает встречаться и разговаривать наедине. «Он мне не верит, — догадывалась Зося. — У него, видимо, слишком преувеличены понятия о верности и долге? С таким будет трудно».

Покладистее всех, конечно, Борис Валин. Он отзывчив, добр и ласков. Он будет обожать ее и подчиняться всем прихотям. Но уж очень он толст, сентиментален и до скуки честен! Зато не вертопрах и основателен.

Впрочем, никого не следует упускать. Мало ли что может случиться. А тут еще Ирина. На кого она нацелилась? Надо бы сходить к ней. Притворяться так притворяться!

На другой день Зося пошла к Большинцовой. Ирина была не одна. Раскрасневшийся, с расстегнутым воро-

том Борис Валин стоял на коленях перед новым полотнищем и объяснял летчице сделанные изменения в конструкции парашюта.

Большинцова упрямылась:

— Ни с балластом, ни с человеком сбрасывать не буду. Хватит!

— Пойми, я сам, — горячился Валин, — сам буду этим человеком.

— Тем хуже для тебя, — упорствовала Ирина.

Борис, как купец, складывал и раскладывал полотнище, но, убедившись, что летчицу ничем не проймешь, уложил парашют в сумку и потребовал, чтобы обе девушки отправились к нему есть черешню, присланную с юга.

Они пошли пешком. С моря дул влажный ветер, Кальварская озябла. Валин отдал ей свою кожаную куртку и, крепко сжав локоть, пошел рядом. Ирина, сняв берет, шла наклонив голову. Волосы рассыпались по лицу, закрывали глаза.

Зосе при летчице не хотелось казаться изнеженной, и она сказала:

— Ветер — моя погода. Люблю, когда дует в лицо.

— Н-н-да, ветреные девушки, — пошутил Валин и крепче прижал Зосину руку к своему теплему боку.

В своей крошечной квартире он повел девушек с видом экскурсовода-ученого.

— Типическое холостяцкое жилье тридцатых годов двадцатого века. — Начал объяснять Борис, показывая на стены. — В таком помещении обычно проживало одинокое существо, довольно робкое по отношению к девушкам. Существо иногда мечтало, иногда вдруг начинало заниматься изобретательством. В некоторых делах было талантливым, в некоторых бездарным. По всем признакам холостяк, живущий здесь, не отличался художием, это доказывает его фотография, относящаяся к концу тридцатых годов. Некоторые авторитеты уверяют, что девушки того времени любили плотных малых, но это было не так. По чертежам развешанным можно догадаться, что холостяк, обитающий здесь, имел слабость к летательным аппаратам и стремился всех знакомых сделать своими сообщниками.

— Борисочка, почему я не включена в их число? — капризно спросила Зося.

Валин с видом ученого, «ушедшего в века», недовольно покосился на нее.

— Однажды одна из девиц того времени сказала ему: «Борисочка, включи и меня», — он сказал: «Есть контакт», — и, кажется, после этого его холостячество претерпело серьезные изменения; впрочем, об этом история умалчивает.

Последних его слов девушки не расслышали, — они добрались до черешни. Борису осталось только разыскать тарелку для косточек.

Позже к Валину забежал Ширвис. Ян, как на ринге, для пожатия протягивал обе руки, резким движением пригибал голову и заглядывал в глаза. Ладони его были сухими и горячими.

— Через две недели едем в Москву, — сказал он, присаживаясь к Ирине. — Закончил без поражений.

— Вы и сегодня дрались? — изумилась она.

— Какое дрался! Нокаутировал на второй минуте. Противник хуже Кирилла.

Ирине не понравилось хвастовство победителя.

— Кирилл, по-моему, вам по дружбе уступил. Он не хотел побеждать.

— Попробовал бы этот друг думать об ином. Сомов снял Кирилла с соревнований. Видите ли, «боец не в форме». И Кирюшке хоть бы что, носится со своими райкомовцами. Им какие-то парашютные школы понадобились. Телят на тигров обучать хотят.

— Вы, конечно, тигр? — спросила Ирина, и смешинки блеснули в ее глазах.

— Нет, я боксер, — не смутился Ширвис. — Мне не зачем прыгать, подвешенным на шелковом зонтике.

— Смелости не хватает? — как можно наивнее поинтересовалась Ирина.

Ян угрожающе привстал:

— Хотите убедиться?

— Хочу!

Он неожиданно схватил ее за плечи и поцеловал в губы.

— Вот!

Это было сделано так быстро, что Ирина не успела отвернуться. Она стояла перед ним, задыхаясь от возмущения, и вдруг ударила наотмашь по его улыбающейся физиономии.

Ян захохотал.

— Ириночка, умоляю, ударьте еще. Замечательный массаж. Честное слово, возьмитесь тренировать мои щеки. От такой руки они будут железными.

Девушке стало стыдно за свою воинственность, но она строго сказала:

— В следующий раз еще не так получите.

— О, значит, я могу рассчитывать и на следующий раз?

Ширвис, довольный своей выходкой, снова уселся рядом с Ириной и начал расхваливать силу ее удара.

Ян вел себя так, словно Зоси не было в комнате. И девушка, чтобы не показать обиды, пересев в дальнее кресло, подозвала к себе Бориса.

Но Валин не смог развеселить ее. Зося не терпела, когда при ней ухаживали за другими.

— Эллада! Вот о чем должны думать настоящие спортсмены, — заговорил Ян. — А у нас без отбора заполняют стадионы немощными физкультурниками в голубых трусиках.

— Вы, конечно, за то, чтобы их швыряли в реку еще в младенчестве? — с иронией спросила Ирина.

— Да, — в запале ответил Ширвис. — Щуплые юноши и девицы у нас начинают судить мастеров. Это они еще не так давно говорили сквозь зубы о чемпионах, как о людях презираемых, потому что сами не могли подняться выше третьего разряда.

— Ириночка, вам не надоели бредни олимпийского полубога? — наконец, не выдержав, поинтересовался Валин.

— Нет, — ответила она. — Они ничем не хуже бредней полу-Дедала.

— Вы, Ириночка, непочтительны к хозяину дома, — заметил Борис. — Попали под дурное влияние.

— Ах, так! Вам гости не нравятся? — прикидываясь обиженной, воскликнула летчица. — Ни минуты не останусь в этом доме. Ширвис, проводите меня.

— Рад служить, — с готовностью отозвался Ян. Он галантно подал Ирине берет, взял ее под руку и повел к дверям.

Борис расшаркался перед ними, думая, что сейчас друзья разразятся хохотом, но те вышли на пло-

шадку лестницы, захлопнули за собой двери и спустились вниз.

Внизу Ширвис сказал:

— Давайте уйдем совсем: надо отучить Валина от дурных шуток. Пусть помучается.

Летчица согласилась. Они вышли на набережную и пошли вдоль канала.

Кочеванов, собравшийся навестить толстяка, неожиданно наткнулся на эту парочку. Он так растерялся, увидев Яна с Ириной вместе, что, поздоровавшись, сразу же стал прощаться.

— Брось, идем с нами, — предложил Ян.

— Рад бы, но очень спешу... Мне обязательно надо повидаться с Борисом.

Ирина подала ему только кончики пальцев и отвернулась. Девушку очень обидело то, что Кирилл с такой готовностью оставляет ее с другим.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ширвис вернулся со всесоюзных соревнований в майке чемпиона. Он стал еще более шумным и ходил с неприступным видом «первой перчатки». Со сверстниками разговаривал снисходительно, с начинающими бойцами — высокомерно, а с девушками — грубовато-насмешливо.

Его, оваянного славой, уже окружала компания почитателей — услужливых болельщиков, из породы тех, что трутся около знаменитостей в надежде перехватить хоть частицу славы.

Лишь с Большинцовой Ян держался по-прежнему. Что-то небывалое чудилось ему в завидной самостоятельности, легкости характера и спокойствии этой девушки. А Ирине претило его шумное бахвальство.

Приходя с аэродрома утомленной и голодной, Ирина первым делом смотрела: горит ли свет в окне напротив? И, если видела, что Кирилл сидит за книгой или пишет, радовалась. И усталости у нее словно не бывало. Девушка проворно готовила ужин, охотно ела и принималась за домашние дела: мыла посуду, стирала или гладила, а потом ложилась на оттоманку читать.

Кочеванов также иногда наблюдал за ней, но встречаться избегал. К чему? Она увлечена Ширвисом. Как же — чемпион! Зачем им мешать? Разве Ян поверит, что у них чисто товарищеские отношения? Впрочем, Кирилл сам в последнее время стал сомневаться в этом. Если честно признаться, ему было неприятно и даже обидно, что Ирина встречается с другим. Он ревновал ее к Яну. «А ревность, — как говорит Глеб Балаев, — чувство, унижающее человека». Зачем же унижаться? У него есть дело, которое надо осилить: скучная математика, не идущая в голову.

Однажды, вот так рассуждая у открытого окна, Кирилл увидел, что у Большинцовой зажегся свет. Девушка, по-видимому, только что пришла из аэроклуба. Она бросила на оттоманку полевую сумку, сняла берет и устало опустила на стул.

Боясь быть замеченным, Кочеванов осторожно погасил у себя свет.

Ирина несколько минут сидела расслабленной, отдыхая от дневной суеты и забот. Потом она поднялась, рассеянно взглянула в окно и подошла к зеркалу.

Девушка долго и придирчиво рассматривала свое отражение. Она проводила пальцами по бровям, трогала родинку на шее ниже левого уха, хмурясь, разглядывала зубы и ничего не находила в себе такого, что могло бы поразить других.

«Все самое обыкновенное, — думала она, — поэтому и Кирилла не привлекает. Но почему он дуется, не смотрит в мою сторону?»

Ирина подошла к окну.

«Темно. Где он пропадает?»

В нижних этажах соседи уже готовились ко сну: умывались, взбивали постели.

Девушка взяла мохнатое полотенце и нехотя отправилась в ванную.

Когда за Ириной закрылась дверь, Кирилл снова зажег свет и уселся работать.

Он легко справился с расчетом по сопротивлению материалов, разобрал чертежи и запутался лишь в аналитической задаче. Кирилл никак не мог привыкнуть мыслить отвлеченно. Ну что такое линия в пространстве?

Не в силах сосредоточиться, он смел со стола листок и откинулся на спинку стула.

— Какой бы изобрести приветственный знак для Ирины? — подумал Кирилл, чтобы хоть немного отвлечься от задачи. Но уравнение не выходило из головы: «Знак! Может, в знаках напутал?»

Он опять взял листок в руки и стал просматривать колонки цифр.

— Так, так... плюс, минус, корень, скобка... — Кирилл на минуту задумался. — Правильно — минус! Выбрались на дорожку.

И он снова погрузился в мир формул и чисел.

Кочеванов не видел, как вернулась из ванной Ирина, как вытирала и сушила волосы, как с грустью смотрела в его сторону. Потом она достала тетрадь, которой доверяла свои сокровенные мысли, и уселась за столик писать:

«Любить — значит верить любимому, несмотря на все его недостатки. А я не верю Яну и порой злорадствую, когда его осаживают остроумные люди. Успехи Яна мне безразличны. Я больше болею за Кирилла. Так почему же я продолжаю встречаться с ним, позволяю брать себя под руку и говорить благоглупости? Неужели в отместку Зосе? Да, наверное. Во мне много слабостей. Мои поступками чаще управляет чувство, нежели разум. Есть старая поговорка: «Сердце человека вершит его судьбу». Какое глупое у меня сердце! Оно раскрыто для друга, который сейчас, видимо, и не думает обо мне. В последние дни Кирилл почему-то сердится? Не из-за Яна ли? Откуда во мне дурацкое желание дразнить его? Неужели Кирюшка не понимает, что его мне никто не заменит?»

Поставив вопросительный знак, Ирина взглянула в окно. Кочеванов сидел на своем постоянном месте за столом. Прядка волос спадала на его бровь. Казалось, что он, нахмурясь, вспоминает что-то очень важное.

Кругом уже было темно. Противоположная стена дома ослепла, погрузилась во мрак. Все соседи спали.

— Не хочешь взглянуть на меня? — вслух спросила девушка. — Занят вычислениями?

И тут же у нее возникла мысль: «А сколько времени он так занимается? Ужинал ли сегодня? Может, с днями плохо? На стипендию ведь не разгуляешься».

Ирина сама почувствовала голод. Она сходилa на кухню, поставила на керосинку чайник и, вернувшись, решила окликнуть Кирилла.

Услышав ее голос, он тряхнул головой, протер рукой глаза и подошел к раскрытому окну.

— Кирилл, хочешь есть? — негромко спросила она.

— Очень, — отозвался он.

— Иди ко мне, поужинаем.

Кочеванов, не раздумывая, вскочил на подоконник, выбрался на крышу и, придерживаясь за решетчатый барьер, пошел по кромке в темноту, чтобы обойти изгиб здания. Кровля под его ногами изредка гроыхала.

«Ой, сумасшедший, упадешь!» — хотелось крикнуть Ирине, но, боясь, что он сделает какое-нибудь неверное движение и соскользнет, она молчала. Только когда Кирилл приблизился, Ирина подала ему руку, втянула в комнату и с укором сказала:

— Какой дурень! Ты же мог упасть!

— Ничего, — беспечно ответил он. — Здесь ближе и оградительная решетка вокруг.

— Она очень низкая.

— Так я ведь не кувыркаться пошел.

Ирина выложила на стол все, что у нее было: сахар, конфеты, булку, печенье, масло, сыр и консервы. Кирилл достал перочинный нож и принялся открывать банку со шпротами.

Сбегав на кухню, Ирина принесла фырчавший чайник. Они уселись друг против друга и принялись есть с таким аппетитом, что первые минуты не могли вымолвить слова. Лишь насытись, Ирина стала рассказывать о последних испытаниях валинского парашюта.

Толстяк, оказывается, сам выбрал балластный мешок, сам наполнил его песком, зашил суровыми нитками и, как ребенка, принес на руках к самолету. Насмешники-мотористы, видя такую отцовскую нежность, называли балласт «Иваном Борисовичем». Озабоченному Валину и в голову не пришло на них обидеться.

Поднимаясь в воздух, толстяк держал «Ивана Борисовича» на коленях и, словно нянчась, то и дело поправлял на нем лямки. На высоте в семьсот метров он его сбросил за борт. И, когда парашют раскрылся, Борис от радости чуть не вывалился из кабины самолета.

Он, как помешанный, хлопал в ладоши, что-то выкрикивал своему «Ивану Борисовичу» и свистел.

— В общем парашют действует безотказно, — заключила Ирина. — Восемь раз сбрасывали и — ни одной осечки.

— Выпьем за успех! — предложил Кирилл.

Он чокнулся с нею чашкой с остывшим чаем и залпом выпил его, вспомнив недавнюю встречу с Глебом Балаевым, который более часа выпытывал, не увлекается ли Кочеванов чем-либо иным, кроме занятий на рабфаке. Секретарь ревностно следил за каждым его шагом.

Кирилл и Ирина с юмором рассказывали о старых друзьях, но почему-то избегали вспоминать о Зосе и Яне. Наконец, как бы невзначай, у него возник вопрос:

— Ты разве больше не встречаешься с Ширвисом?

Она не могла солгать и созналась:

— Вижусь. Но он утомляет меня своим оригинальничанием. А у тебя как с Зосей?

— Избегаю.

— Боишься ее чар?

— Может быть. Я, признаться, чувствую себя перед ней не сильно защищенным. При желании может нокаутировать.

— Большое чувство ты называешь нокаутом?

— В моем положении? Да! Сейчас надо думать только о занятиях, наступили последние дни сдачи зачетов.

— Когда любишь, то, кроме любимого, тебе никого больше не нужно. Он не может помешать.

— Значит, я еще не любил.

Его ответ огорчил Ирину и в то же время вселил какую-то неясную надежду.

«Какое счастье, что он не влюблен в меня, — позже записала она в дневнике. — Иначе не открывал бы свою душу с такой непринужденностью. В этом особенность наших отношений! Кроме его дружбы, мне ничего не нужно».

* * *

Кальварская все эти дни злилась. На республиканских соревнованиях она разделила третье и четвертое места с какой-то неизвестной девчонкой, занимающейся спортом всего лишь два года. Если так пойдет дальше,

то нечего и мечтать о чемпионской майке и поездках за границу. Пора всерьез подумать о своей судьбе.

«Гарибан может найти замену. Я ему нужна была лишь на первых порах, когда он мной козырял. Ян, сделавшись чемпионом, ехидничает и даже позволяет себе грубить. Видите ли, ему теперь надо поддерживать «марку первой перчатки». Строжайший режим. А другим будто можно распускаться? Если бы дорожил мной, то прибежал бы, несмотря ни на что. Ян не постоянен, ему нельзя довериться. Кем же он сейчас увлечен? Не Ириной ли? Эта скромница, кажется, прибрала к рукам всех. Надо побывать у нее и выведать хоть что-нибудь».

Она пошла к Ирине в будний день. Позвонила у двери в такой час, когда легче всего было застать летчицу дома.

Ирина встретила ее в легком домашнем халатике, наброшенном на голые плечи.

— Еще минута, — и я была бы в ванной, — сказала она.

— Ты собралась купаться? Чудесно! — целуя Ирину, восклицала Кальварская. — Я тоже освежусь у тебя. Жарища невозможная!

Не ожидая приглашения хозяйки, она сбросила с ног туфли на высоких каблуках и, усевшись поудобнее на оттоманке, принялась обмахиваться подвернувшимся под руку журналом.

— А ты очень мила в этом халатике, — сказала она, покрывив душой, так как только что с радостью для себя отметила: «У Ирины слишком огрубела от загара шея и лицо простят веснушки. Оно у нее обветрено и нос шелушится. Неужели нельзя привести себя в порядок? Грудь маленькая, бедра не женственные. Мальчишка — да и только!»

Ирина, стараясь быть гостеприимной хозяйкой, открыла гардероб и спросила:

— Хочешь надеть кимоно?

Зося недоверчиво заглянула в шкаф. Там среди платьев висел нежно-розовый, расшитый золотистыми цветами японский халат. Он Зосе приглянулся. Удивляясь великодушию летчицы, она проворно сбросила с себя платье, и, надев кимоно, подбежала к зерка-

лу. Ну, конечно, оно словно сшито на нее. Даже тона подобраны под цвет ее волос и загара. Они оттеняют нежность линии плеч, шеи.

Зося, похожая на розовую гейшу с картинки, вертелась у зеркала, и глаза у нее радостно светились.

— Уступи мне его, — попросила она. — Взамен какое хочешь отдам платье.

— Не могу; это подарок старого летчика — моего учителя.

Ирина вспомнила, как после первого самостоятельного ее вылета это кимоно преподнес Лавров. Старый воздушный волк разыскал его в комиссионном магазине и, стыдясь своего вкуса, багровый от смущения, подарил со словами: «Если носить не станешь, повесть хоть в чулан и вспоминая изредка чудака Лаврова».

— Очень грустно, что такая вещичка у тебя стала реликвией, — надув губы, сказала Зося. — Позволь мне хоть здесь насладиться ею. Можно?

— Пожалуйста, если нравится.

Чувствуя, что когда-нибудь ей удастся выпросить этот халатик у летчицы, Зося бросилась обнимать ее.

— Ириночка, милая, я тебя очень люблю!

Кальварская так привыкла к притворству, что сама верила в искренность своих чувств.

— Зоська, шальная, ну, подожди!.. Ну что ты делаешь! — запротестовала Ирина. — Так же задуть можно!

Летчицу смутил этот поток неожиданных нежностей. Выскользнув из объятий, она стояла растрепанная и раскрасневшаяся.

— Да, я ведь собралась душ принять, — вдруг вспомнила Ирина. — Ты посиди немного... только освежусь.

— Иди, иди, не беспокойся. Мне у тебя не скучно.

Когда Ирина ушла в ванную, Зося стала расхаживать по комнате, разглядывая вещи летчицы. Она потрогала и обнюхала коробочки и флаконы, стоявшие у зеркала. Заглянула в ящики, поковырялась в готовальне, примерила ручные часики...

Зося с невинным видом рылась в Иринином хозяйстве, как в своем, старалась не оставлять ни одного уголка не обследованным. Так она наткнулась на дневник.

«Ого! Она еще и в писательницы метит».

Прислушиваясь к плеску воды в ванной, Кальварская осторожно принялась просматривать тетрадь. Как ей повезло! Сейчас она узнает тайные мысли Большинцовой. Вот это находка!

Листая страницу за страницей, Зося то возмущалась, то злорадствовала: «Воображения, воображения — то сколько! Прямо мыслитель. Не фразы, а перлы мудрости».

Когда она наткнулась на записи о себе, ее тонкие ноздри вдруг задрожали от негодования, и Зося вслух возмутилась:

— Вот паршивка! Кто же я, в ее представлении? Ага — «ломака, мящая себя неотразимой», «Злюка и воображала». Не лестно она обо мне думает. А я ее еще целовала! «Играть, дразнить» — мое постоянное занятие. Ну что ж, возможно. «Умеет выставлять свои прелести и пользоваться незаурядной внешностью». Да, но эту незаурядную внешность надо иметь. А попробуй ты, милая, прельстить кого-нибудь облупленным носом. «Навязчива...»

«Не к тебе ли я навязывалась? — обозлилась Кальварская. — Минуты не останусь и руки никогда не подам».

Но она не могла бросить тетрадку, не дочитав ее до конца. Узнав о новых успешных испытаниях валинского парашюта, об отношениях Ирины к Яну и Кириллу, Зося со злой усмешкой прочла последнюю запись и не без ехидства заметила:

— Да, конечно, величайшее счастье, что он тебя не любит! А на что другое ты могла рассчитывать?

Сбросив с себя кимоно, Кальварская торопливо оделась и, нарочно как можно громче стуча каблуками, пошла к выходу.

Ирина, кончив мыться, выглянула из ванной комнаты.

— Зося, ты куда? — недоумевая спросила она.

— Понимаешь, совсем выскочило из головы, — стала выдумывать Кальварская. — Мне срочно нужно повидаться с одним человеком. Он ужасно нетерпелив и обидчив.

— У тебя свидание с Борисом?

— Напрасно думаешь. Мною увлекаются и не такие, как он.

Глаза Зоси вдруг стали нехорошими, злыми.

— Обиделась? — изумилась Ирина. — Не понимаю, — что с тобой?

— То же самое, что и с тобой; я никому не собираюсь навязываться.

Хлопнув дверью, она ушла.

— Ну и характерец! — недоуменно оглядывая комнату, сказала Ирина. — Чего она взбеленилась?

Взгляд ее остановился на тетради, лежавшей не на своем месте. «Неужели прочла?» Ирина подбежала к столу и начала листать записи. Последние страницы были чуть примяты. Да, имела наглость сунуться и сюда. Неужели прочла и о себе? Ну и пусть! Не будет совать нос куда не следует.

Все же у Ирины испортилось настроение. Когда ей по телефону позвонил Ян, прося пойти с ним в летний театр, она сердито оборвала его:

— Найдите себе более свободных спутниц. Я занята.

— Заняты? Замечательно! Я люблю ходить только с занятыми. — Не обращая внимания на отказ, весело тараторил он. — Приготовьтесь, через двадцать минут я буду у вас. Решение окончательное и обжалованию не подлежит!

Большинцову возмутил его безапелляционный тон. Она собралась было отчитать Яна, но он уже повесил трубку.

Ирине пришлось спешно одеваться. Нагловатый боксер мог в любую минуту ворваться к ней.

* * *

Ян Ширвис попал в команду боксеров, едущих на соревнования за границу.

Это передали по радио, когда отец Яна, сутулясь и прихрамывая, обходил цеха судоремонтного завода. Известия настолько взволновали старика, что он ковылял по цеху, ничего не видя и не понимая объяснений старшего мастера. Потом вдруг Эдуарду Робертовичу захотелось присесть. Мастер, решив, что директору плохо, кинулся за водой. Но вода не понадобилась, —

директор быстро оправился. Виновато улыбаясь, он вытащил пачку папирос и начал угощать сверловщиков.

Директор шутил, путал русские пословицы с латышскими и, забыв о своем больном сердце, шагал по лестнице через две ступеньки. Отдав нужные распоряжения, он вернулся в заводоуправление и закрылся в кабинете.

Его сын, его Ян удостоился чести выступать от всего Советского Союза за рубежом. Экий парень! С такими сыновьями не пропадешь. Вырос заместитель искалеченному войной отцу. Ширвисы еще покажут себя! Как жалко, что он мало уделял времени сыну.

Яну не нужно было уходить из кораблестроительного института. Специальность никогда не повредит. Впрочем, отцу не дано право силой навязывать сыну профессию. Сумел же он добиться мастерства и совершенства в боксе, потому что почувствовал призвание. Много, конечно, сделали старый друг Сомов и добродушный доктор Гарибан, а не он, занятый своим заводом с утра до ночи. Хорошо, что Ширвис доверился Евгению Рудольфовичу; тот воспитал сына так, что теперь его можно послать в любую страну и он не уронит чести советского спорта.

Директор потребовал машину. Он хотел скорее увидеть сына.

Дома Яна не оказалось. Мать слыхала, что он собирался в летний театр. Отец, не ужиная, поехал в сад.

В театре шло второе действие. В сад доносилась музыка и пение. В ожидании сына, Эдуард Робертович прошелся по ярко освещенной аллее, купил в киоске вечернюю газету и сел на скамейку проглядеть ее. В газете уже была заметка, сообщавшая о том, что одним из руководителей команды назначен Владимир Сомов. Это еще больше обрадовало Ширвиса.

Когда умолкла музыка и из театра хлынула в сад публика, старик взобрался на скамейку. Высокий, он стоял над всеми и, чуть сутулясь, зорко вглядывался. Своего широкоплечего Яна он обнаружил сразу. Сын шел под руку с девушкой в белой кофточке. Это была замечательная пара. От обоих веяло такой свежестью

и здоровьем, что мужчины и женщины невольно провозжали их взглядами.

Старший Ширвис замахал газетой, но Ян, увлеченный девушкой, не замечал отца. Пришлось сойти со скамейки и шагать вдогонку. Старик настиг сына у киоска с прохладительными водами и там, сообщив новость, обнял его.

Втроем, уже забыв о спектакле, они уселись в машину и поехали колесить по городу.

Ветер обдувал их разгоряченные лица, трепал волосы, не давал говорить. Эдуард Робертович давно не был в таком веселом и легкомысленном настроении. Он балагурил, как молодой повеса, держал руку Ирины в своей руке и обещал отбить летчицу у сына.

Они проехали всю набережную, потом повернули назад и помчались к огням центральных улиц. У кондитерского магазина машина остановилась. Старый Ширвис купил коробку шоколада и с веселыми ужимками преподнес летчице.

Отец и сын наперебой ухаживали за Ириной, упрасивали поехать к ним ужинать. Но девушке хотелось скорей попасть домой. Сославшись на то, что завтра ей нужно рано вставать, она у своих ворот выбралась из машины и, помахав Ширвисам рукой, скрылась под темной аркой.

Поднимаясь к себе по лестнице, Ирина вдруг вспомнила о Кирилле: «Он, наверное, пока мы веселились, занимался, корпел над книгами».

Она запыхалась, взбежав на последний этаж. Открыв дверь, Ирина не зажгла света, а сразу же подошла к окну.

Кочеванов сидел склонясь над книгой. Словно почувствовав ее взгляд, он устало потянулся и посмотрел в окно.

«Меня ждет», — обрадовалась она и, не удержавшись, крикнула в раскрытое окно:

— Кончай читать, заучись!

— Почему у тебя темно? — высунувшись из своего окна, спросил он.

— Я только что пришла. У меня целая коробка шоколада. Заходи, будем чай пить.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Едва Кирилл успел сдать последний зачет, как его вызвал к телефону дядя Володя.

— Собирайся, шестнадцатого едем, — сказал он.

— Куда? Зачем? — не понял Кочеванов.

— За границу. Беру запасным. С завтрашнего утра перебирайся в нашу базу на Каменный остров и начинай работать, входить в боевую форму. Осталось две недели.

Сомов, как только узнал, что его назначают руководителем Ленинградской группы боксеров, едущих за границу, стал добиваться, чтобы Кочеванова и еще двух легковесов из клуба водников включили в состав запасных.

— Если драться не придется, секундантами поработают, — сказал он. — Пусть понюхают, что такое европейский бокс.

Очень набивался в поездку Гарибан. Он писал письма в Москву и подсылал к Сомову ходатаев.

— Евгений Рудольфович в таком путешествии незаменим, — говорили они. — Он может быть врачом, хорошим тренером и вашим помощником в дипломатических переговорах со спортивными дельцами. Он европейски образованный человек.

— Мне не нужны образованные под Европу, — упрямылся Владимир Николаевич. — Хватит мне мороки и с боксерами.

Из команды больше всего тревожил Сомова Ян Ширвис. Строптивый боксер, попавший под влияние Гарибана, мог выкинуть что угодно.

«Придется сходить к Эдуарду, — решил Владимир Николаевич. — Пусть он серьезно поговорит с сыном, иначе наплачусь».

Он созвонился с Эдуардом Робертовичем и сказал, что хотел бы повидаться с ним перед отъездом.

— Ну, конечно! — воскликнул тот. — Сегодня же заходи. Я тебя сто лет не видел.

В последние дни Эдуард Робертович возился с сыном, как самый заботливый тренер. Он не давал ему переутомляться на тренировках. Следил вместе с Гарибаном за весом, за питанием. Делал втирания в кожу лица, массировал. Старик не забывал даже звонить

Ирине. Он извинялся перед смущавшейся от такого внимания девушкой за сына, который теперь не имеет возможности проводить с ней вечера.

Сомов пришел к Ширвисам после ужина. Яна дома не было. Старые друзья за рюмкой красного вина вспомнили годы ссылки. Молодые, неопытные, живя в глухом селении, они не знали, куда деться от безделья и тоски по родным местам. Жилистый, рослый Эдуард, чтобы не обессилеть в ссылке и не опуститься, каждое утро обливался холодной водой, занимался гимнастикой и, сшив из старых голенищ боксерские перчатки, ежедневно избивал хозяйский мешок, набитый мохом и песком. Он с малых лет плавал на торговых судах и у английских матросов научился боксу.

Соседей сначала забавляли чудачества латыша, потом они попробовали подражать ему и, почувствовав прилив бодрости, втянулись в занятия боксом.

От частых вольных боев они ходили в синяках, с распухшими носами, но чувствовали себя прекрасно. Вчетвером охотились, ловили рыбу и готовились к побегу.

За ссыльными наблюдали два спившихся стражника и становой пристав, славившийся грубостью и бычьей силой на весь округ. Ссылные прозвали его Вислоухим. Пристав невзлюбил слишком дружную четверку, всячески отравлял ссыльным жизнь: без его разрешения они не могли выходить из селения и каждое утро обязаны были являться на поверку.

Из России уже доносились смутные слухи о начавшейся революции, а Вислоухий по-прежнему держал всех ссыльных под строгим надзором.

Однажды ссыльные вместо поверки ушли в лес. Дома за повара остался Сомов. Становой не замедлил явиться. О революции он ничего не хотел слушать и орал так, что дребезжала посуда.

— Нельзя ли повежливей говорить с политическими? — потребовал Сомов.

Становой побагровел.

— Эт-та ты што, — бунтовать? В холодную захотел? — Он схватил Владимира Николаевича за ворот и рванул на себя.

Сомов коротким движением освободился и так двинул кулаком пристава в переносицу, что тот от неожиданности присел.

Увидев хлынувшую из носа кровь, становой взревел и по-медвежьи пошел на Сомова. Вислоухий, видимо, решил одним махом выбить дух из дерзкого ссыльного. Но новый удар в скулу остановил его.

Ослепнув от ярости, становой ринулся на Сомова, сокрушая волосатыми ручищами все на пути. Этот верзила, наверное, убил бы его, если бы Владимир Николаевич хоть на минуту замешкался. Только боксерское умение действовать быстро и точно спасло его. Он ловко уклонялся от пудовых кулаков и бил в ненавистную усатую рожу, вкладывая в удары всю злость, накопившуюся в ссылке.

Пристав, уже опасаясь сомовских кулаков, отпрянул к стене и схватился за шашку, но Владимир Николаевич, не дав ему опомниться, резким ударом в челюсть сбил на землю.

Пока Вислоухий приходил в себя, Сомов успел связать его и обезоружить.

Товарищи, вернувшиеся с охоты, помогли ему стащить связанного станового в чулан. Завладев револьвером и шашкой Вислоухого, они уже вчетвером разоружили оставшихся стражников, заперли их в тот же чулан и с винтовками в руках пошли подымать свою братию...

А после Октября еще сколько пришлось стоптать сапог в походах! Тогда им было не до матчей на рингах. Они колотили белогвардейцев и оккупантов, ели из одного котелка и верили друг другу.

— Кстати, а ты, Эдуард, можешь сейчас поручиться за сына, как за самого себя?

Ширвис насторожился.

— Не понимаю, Володя, — к чему твой вопрос?

— Не кажется ли тебе, что он еще не созрел для такой серьезной поездки за границу?

— Ты думаешь, что Евгений Рудольфович плохо его подготовил?

— Да, приучил к мысли, что ему все дозволено. А там будет немало соблазнов. Устоит ли Ян перед ними?

Эдуард Робертович, исподлобья глядя на Сомова, закурил. Старый Ширвис обиделся за сына, но он умел сдерживать себя: поднявшись, прошелся по комнате, взял с комода фотографию сына, на которой тот был снят в боксерской стойке, и поставил ее на стол.

— Мне думается, Володя, что в таком теле должен быть здоровый дух. Гнилое не притянет к себе. И к Евгению Рудольфовичу ты зря придираешься. Мне кажется, что он хороший учитель.

— Мне тоже поначалу так представлялось, а потом вижу — нет, под солидной личиной хапуга скрывается. Живи он в старое время, обязательно был бы хозяином ипподромов, бассейнов, стадионов и тотализаторов. Торговал бы спортсменами, как скаковыми лошадьми. До чего бы он ни дотронулся, от всего стремится извлечь себе блага. Где Гарибан, — там круговая порука, подтасовка и жульничество. Такие, как он, не воспитывают спортсменов, а портят и разлагают. Ведь для того, чтобы стать мастером спорта, ребята совершают почти подвиг, — сознательно идут на самоограничения, на аскетический образ жизни... Они видят перед собой светлые цели. А у него что? Талантливые себялюбцы, переташенные от других учителей, подхлестываются деньгами, посулами, путевками, подарками. Блесни раз или два, помоги втереть очки начальству, а потом — хоть пропадай. Гарибан найдет себе другого фаворита. До искаленной души ему нет никакого дела.

Но Эдуард Робертович не сдавался.

— Володя, ты всегда был излишне подозрителен, — заметил он. — Ну почему Яна потянет на паразитическую жизнь, когда я и мать всегда работали, а Гарибана он знает всего лишь полтора года?

— На плохое легче толкнуть, — ответил Сомов. — У некой части молодежи есть стремление к иждивенчеству, к беззаботному существованию. Разве тебя не тревожит то, что Ян больше не учится?

— Но ты ведь знаешь, — звание первой перчатки без усиленных тренировок не удержишь, — уже с укоризной напомнил Ширвис. — Ян свое наворачтает. Слишком рано они становятся инженерами.

— Инженерами еще ничего, те сами зарабатывают. Хуже, когда неизвестно за что юноши деньги получают.

— Ты про стипендию? — нахмурясь спросил Эдуард Робертович.

— Про гарибановскую зарплату, — поправил его Сомов, — Спортсмены зачислены на какие-то липовые

должности, о которых понятия не имеют. И получают приличные оклады. Ты поинтересуйся.

— Так чего же вы его не разоблачаете? — вдруг рассердился Ширвис.

— А это, друг мой, не легко сделать. Если тебя, старого большевика, верившего мне во всем, я не могу убедить, так чего же ты хочешь от других? Дельцы гарибановского толка — люди не простые: у них заслуги и почетные должности. Тронь их, так всей сворой накинутся. Они мастера выгораживать друг дружку. Из тебя же дурака и склочника сделают. В общем, я тебе сказал, что думал, а дальше поступай, как знаешь. С Яном все же следовало бы поговорить. Это иногда бывает полезно.

* * *

Гарибановские планы рушились. В ярости он готов был уничтожить Сомова, но обстановка требовала хладнокровия и выдержки.

Гарибан по-прежнему разыгрывал из себя добряка. Там, где нужно было бы орать и стучать кулаком, он умело сохранял маску солидного человека, обремененного делами. Подобные пустяки, как поездка за границу, казалось, не трогали его. Добродушная физиономия и припухшие глаза Гарибана, спрятанные за квадратными стеклами пенсне, не выдавали ни возмущения, ни бешенства. При случае Евгений Рудольфович даже пытался хвалить Сомова и лишь к концу разговора, усмехаясь, говорил:

— Правда, чудаконат старик не в меру, может такое отчебучить, что потом десяток дипломатов не разберутся! Помню, как на одном из парадов он с иностранным корреспондентом беседовал.

И Гарибан начинал рассказывать презабавную историю, в которой дядя Володя выглядел глуповатым чудакон, пытавшимся перевоспитывать иностранца. И эта, выдуманная самим Гарибаном, история не на шутку обеспокоила работников Областного Совета физкультуры. На заседании президиума были собраны руководители секций бокса, тренеры и судьи. Пошли разговоры о том, что не мешало бы послать с командой боксеров и такого спокойного, уравновешенного тренера, как Гарибан.

— Все мы знаем, какой Сомов работник, — гово-

рили гарибановские почитатели, — но нам также известны изъяны его характера. Излишняя прямолинейность и горячность не очень-то пригодны для дипломатических разговоров с боксерской унией. За границей трудно будет обойтись без такта и сдержанности Евгения Рудольфовича. К тому же врач и тренер, объединенные в одном лице, — находка.

Сомова рассердили выступления гарибановцев. Он поднялся с места и, негодуя, спросил у собравшихся:

— С каких это пор, скажите пожалуйста, честность и прямолинейность стали пороками? Не с тех ли времен, как подхалимы и угодники развелись? Вы думаете, лучше будет, если Гарибан потянет в одну сторону, а я в другую? Не навязывайте, пожалуйста, мне помощью зарубежных боксеров. А если вы всерьез намерены нас объединить, то отстраните меня, пока не поздно.

Гарибан, боясь скандальных разговоров, поспешил изменить ход прений.

— Товарищи, мне непонятно, почему здесь возникли такие странные разговоры. Разве мы не доверяем Сомову? Разве мы не знаем, что он не хуже других справится с возложенной миссией? Я бы просил не называть моего имени, когда речь идет о Владимире Николаевиче. Я знаю его организаторские способности, и у меня не вызывала сомнений его кандидатура...

Гарибан знал, какое уважение вызывает вовремя проявленная тактичность. Ему больше, чем поездка, нужна была слава добрейшего человека.

Больше он не навязывался в сборную команду. Только за день до отъезда боксеров Евгений Рудольфович заехал на Каменный остров и, застав Яна в комнате одного, печально сказал:

— По вине Сомова, меня с вами не будет. Пусть это не вызывает особой неприязни к нему, но и не забывай, что он наш враг и будет недружелюбен к тебе. Ни в коем случае не позволяй помыкать собой. Требуй уважения и сохраняй индивидуальность — свой стиль боя. Сомов не должен влиять на тебя. На ринге нет места психологизму, побеждает превосходство в приемах и злость боксера. Слабого добивай без промедления. Эффектный нокаут заставит более сильного уважать и бояться тебя.

Перед отъездом Яну хотелось побывать у Ирины, но в суматохе сборов он вспомнил об этом, когда уже было поздно, — позвонили по телефону из Дома физкультуры и потребовали немедля выехать на место сбора.

— Вот хитрец, этот дядя Володя! Всегда устроит так, чтоб никто не нарушил режима.

К счастью, на Каменный остров заехал на машине отец. Ян попросил его:

— Если не трудно, позвони, пожалуйста, и захвати Ирину на вокзал.

— О, непременно! — пригладив усы, воскликнул старик. — Летчица мне самому нравится.

— Нет, кроме шуток.

— Какие могут быть шутки? Мы заедем к ней вместе с матерью. Пусть старая посмотрит на свою невестку.

За час до отхода поезда Эдуард Робертович позвонил Ирине и вместе с женой подъехал к дому. Летчицу смутило такое внимание стариков. Ведь не их Яна, а Кирилла ей хотелось проводить. Девушка крепко пожала руку Эдуарду Робертовичу и познакомилась с рыхловатой и седой матерью Яна — Бетти Ояровой.

Заботливые старики, боясь, что к вечеру похолодает, заставили Ирину надеть жакет и повязать шею шарфом. Они усадили ее в машину, и Бетти Ояровна весь путь уговаривала почаще заходить к ним.

— Мне будет скучно одной, — говорила она. — Может, на эти дни переберетесь к нам, поживите немного без забот. Я постараюсь ухаживать за вами. Разбужу на работу, напою горячим кофе со сливками. Мне давно хочется иметь такую дочь.

— А я по вечерам буду водить в кино и театры, — весело соблазнял Ирину Эдуард Робертович. — Ну, чего задумались? Летчики должны быстро решать.

Ирине очень хотелось сказать им, что она не может кривить душой, что сын их никогда не будет ее мужем, но боязнь обидеть стариков заставила ее сослаться на ночные полеты, на загруженность общественной работой. Она пообещала лишь изредка, на часок-два забежать к ним,

На вокзале провожающих скопилось столько, что к международному вагону трудно было подступиться. Ирина, помогая старикам в шумной толпе разыскать Яна, неожиданно натолкнулась на Кирилла.

— Почему ты ни разу не позвонил и не зашел? — схватив его за рукав, спросила она. — У тебя все время темно.

— Надо знать нашего дядю Володю. Если карантин, так он не выпустит. И телефоны выключает.

— А ты можешь отказаться? Ведь там...

— Побьют, — хочешь сказать?

— Ну, ты огрубляешь, — смутилась она. — Я хотела...

— Не бойся, еду запасным. Драться мне не придется, — успокоил он ее.

Ирина обрадовалась:

— Вот хорошо! — Но, заметив, что Кочеванов нахмурился, поспешила поправиться: — Ты опять меня не так понял.

— Ладно, не оправдывайся. Вижу, с кем приехала и за кого болеть будешь. Ян вон там стоит.

— Ничего подобного, — запротестовала Ирина. — Я за тебя больше болею.

Но Кирилл не стал слушать. Он взял ее за плечи, повернул в сторону Ширвиса и, подтолкнув, ушел.

Ян стоял в окружении друзей и знакомых. Он метался, не зная, кому больше уделить внимания. Зосе пообещал купить заграничную сумочку, Борису — присылать открытки с видами тех мест, где он победит. Со своими одноклассниками обменялся дружескими пинками.

Старый Ширвис насилу пробился к нему. Старикам нужно было сказать несколько напутственных слов, но Ян плохо слушал его, нетерпеливо оглядывался, кому-то улыбался и торопил:

— Быстрее, папа! Я еще не со всеми попрощался.

— Я думаю, ты там не наделаешь глупостей... будешь помнить, что представляешь великую страну?

— Брось, отец; к чему все эти наставления? Точно маленького провожаешь.

Ян поцеловал старика, обнял прослезившуюся мать и, схватив Ирину за локоть, отвел в сторону.

— Будете за меня болеть? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

— Не только за вас, за всех! Я всегда переживаю, когда наши выступают за границей.

— Чудесно! — не вдумываясь в смысл ее слов, с обычным легкомыслием заключил Ян. — Значит, условились, — все победы в честь вас!

Он еще что-то веселое хотел сказать ей, но Сомов торопил с посадкой. Ирина протянула руку. Но Яну этого было мало, он внезапно обнял ее и поцеловал в сомкнутые губы.

— Ждите, я напишу. Помните, — все победы в вашу честь!

Пробиваясь к вагону, Ширвис, не разбирая, пожимал всем руки. На подножку он вскочил уже на ходу и, сорвав с головы шляпу, замахал ею.

Ян не видел ни плачущей матери, ни взволнованного отца, свирепо вытиравшего пот с лица, ни побледневшей Зоси. Их скрыла веселая толпа шумных друзей,

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Буржуазную Польшу боксеры проезжали в вагонах, построенных на западноевропейский лад: каждое купе имело свой выход.

Селения Речи Посполитой были похожи на прежние «рассейские» деревни. Покосившиеся хибарки с соломенными крышами, чахлые поля картофеля, полоски жита, гречихи, фасоли. Унылые ветряные мельницы. Босые крестьяне в длинных домотканых рубахах. Замурзанные ребятишки и поблекшие женщины, собирающие на откосах щавель. А на опрятных, усаженных цветами станциях — грозные жандармы в конфедератках — форменных фуражках с четырехугольным верхом. Огромные почтовые ящики с серыми орлами, покрытые лаком, и заграничные автоматы, выбрасывающие за монету шоколадку или пачку сигарет.

В Варшаву прибыли поздно вечером. Из автобуса видели только мигающие, пульсирующие и вращающиеся огни реклам, делающие все вокруг каким-то нереальным, призрачным.

Утром накрапывал дождь. Запыленные окна вагонов

покрылись бисерными капельками, через которые трудно было что-либо разглядеть.

В Силезии выглянуло солнце, и боксеры увидели небольшие горы. Замелькали фабричные трубы, прусской постройки дома с черепичными крышами, платформы, груженные коксом и углем.

На границе Чехословакии советских спортсменов встретили бойкие корреспонденты пражских газет. Они сновали с блокнотами, щелкали линейками, совали лоскутки бумаги, упрашивая оставить на память автографы.

Сомову сообщили, что рабочие Праги готовятся к встрече.

Перед столицей Чехословакии дядя Володя собрал боксеров в своем купе.

— Товарищи, в Праге нас ждут. Возможны волнения и провокации. Мы в буржуазной стране. Будьте спаянны и главное — спокойны, невозмутимы. Старайтесь не вмешиваться в дела чешских рабочих, даже если начнется потасовка с полицией.

Через полчаса замелькали городские строения, поезд подкатил под стеклянные своды вокзала. В окнах показались полицейские мундиры, рабочие блузы, потертые пиджаки. Перрон был запружен народом.

Боксеры, взяв чемоданы, один за другим стали выходить. Их сразу заметили. Со всех сторон послышались крики:

— Ать жие советский сваз!

За цепью полицейских встречавшие махали руками и шапками. Полицейские с трудом сдерживали волнующую толпу.

Советские парни, став вплотную друг к другу, с любопытством озирались.

Они не могли поверить, что столько народу пришло встретить их в буржуазной стране!

И вдруг вся толпа, прорвав цепи полицейских, двинулась к вагону. Спортсмены инстинктивно попятились, но уйти было некуда. Десятки рук подхватили их, подняли и понесли...

Боксеров не спускали на землю, им бросали цветы, на ходу жали руки, называли «содругами».

На привокзальной площади новый гул приветствий встретил оглушенных, растерянно улыбающихся совет-

ских парней. Загремел оркестр, в воздух полетели кепки, шляпы, фуражки...

Ошеломленных боксеров донесли до автобуса и посадили среди цветов.

Автобус, окруженный толпой, едва двигался; казалось, что его несут на плечах. Полицейские нервничали, теснили толпу на тротуары, старались как можно скорее препроводить советскую команду в гостиницу, но все их старания ни к чему не приводили.

Группа велосипедистов, медленно едущих впереди, не давала шоферу автобуса развить скорость.

Народ шумно следовал за боксерами до самой гостиницы. И в гостинице советским парням не было покоя, — к ним прорывались журналисты и молодые рабочие.

* * *

Первое выступление состоялось в воскресенье на окраине города. Небольшой стадион рабочего клуба не мог вместить всех желающих попасть на матч. Зрители заполнили трибуны, толпились в проходах, устраивались на деревьях, на заборах.

Когда обе команды выстроились на ринге — сборная рабочих Праги против советских боксеров, — публика поднялась и устроила овацию.

После коротких приветствий и рукопожатий капитанов команд раздался гонг. На ринге остались «мухи» — боксеры наилегчайшего веса.

Это была бурная схватка, изобилующая частыми нападениями, нырками, уходами. Юноши — чех и русский, — действуя быстро и темпераментно, не уступали друг другу в ловкости.

Бой был равным, присудили — ничью.

Потом дрались «петухи» — бойцы легчайшего веса, боксеры азартные и горячие.

На третьем раунде русский «петух» от какого-то неуловимого удара вдруг закачался. Чех захватил инициативу и резкими тычками выиграл схватку по очкам.

Это воодушевило пражскую команду. Новый боксер в весе «пера» с первой же секунды повел сокрушительную атаку. Увлеченный успехом товарища, он не считал своих сил до конца и поэтому проиграл.

Команды имели по три очка. Публика была возбу-

ждена. В выкриках чувствовался нарастающий азарт, желание, чтобы выиграли свои.

Ширвис воспринимал шумное поведение публики и хлопки, как вызов. Его возмущала излишняя корректность товарищей на ринге, которые даже победителям горячо пожимали руки и держали себя так, словно рады были получать затрещины.

«Какой же это бокс? Телячьи нежности. Боец не должен обниматься с противником. Кто бы он ни был. Подождите, я покажу, как надо вести себя на ринге. Крикуны быстро умолкнут».

Ширвис с нетерпением ждал своего выхода. Две, следующие одна за другой, победы товарищей еще больше раззадорили его.

Выйдя на ринг, Ян исподлобья взглянул на своего высокого, сухощавого противника. Чех вежливо улыбнулся. Ширвису показалось, что парень заискивает перед ним. Он смерил его презрительным взглядом и отвернулся.

Когда ударили в гонг, Ян, лишь слегка пожав руки противнику, вскинул кулаки. Не успел чех опомниться, как получил такой удар слева, что потерял равновесие и упал на колени.

Публика притихла. Судья начал отсчитывать секунды. На счете «восемь» ошеломленный чех поднялся и судорожно выставил перед собой перчатки. Он уже боялся Яна Ширвиса и думал только о защите.

Поведение чеха вызвало у зрителей недовольство. Болельщики загудели; их возмущал панический страх соотечественника. Ширвис, приняв этот ропот на свой счет, еще больше распалился. Не давая чеху передышки, он гонял его по рингу, стремясь подцепить на точный, нокаутирующий удар.

На третьей минуте резким тычком в солнечное сплетение Ян вторично сбил его на землю.

От нокаута чеха спас гонг. Публика захлопала; не все еще потеряно, сейчас средневес оправится.

«Не радуйтесь: ваш боксеришка от нокаута не уйдет», — с усмешкой глядя на трибуны, бормотал про себя Ян.

Сомов, обмахивая его полотенцем, шепнул:

— Только прошу, не зверствуй. Жестокость не делает нам чести. У тебя явные преимущества,

— Я же не целоваться с ним вышел!

И Ян, чтобы не слушать советов Владимира Николаевича, прижал ухо к плечу.

Во втором раунде отдохнувший чех наглухо закрылся. Нокаутировать его было трудно; это обозлило Ширвиса. Отвлекая внимание противника, пригибаясь, он начал работать по корпусу, потом неожиданным крюком снизу прорвался сквозь сомнутые кулаки чеха и, не дав прикрыться, нанес несколько сильных ударов в лицо.

Из носа чеха показалась кровь. Он повис на Ширвисе. Ян оттолкнул его и, прижав к канатам, начал бить слева и справа.

Азартные зрители повскакали с мест. Хлопки и гул, несущиеся с трибун, уже не прекращались.

«Ага, проняло, наконец, захлопали!» — злорадствовал Ян.

Он месил противника, как тренировочный мешок, не давая ему передышки. Изнемогающий чех шатался. Усталость и боль исказили его лицо. Стремясь укрыться, спастись от резких, сотрясающих ударов, он прижался спиной в угол, где смыкались канаты, и, скрестив руки, закрыл перчатками голову...

Ян отскочил в сторону, чтобы зрители увидели, какой трус его противник. И когда по стадиону прошел гул возмущения, он сильным ударом снизу вверх разъединил скрещенные руки.

Рефери, видя явное преимущество советского боксера, дал съесток и поднял руку, давая понять, что он прекращает бой, но Ян, слыша только рев толпы, в каком-то иступлении загнал противника в угол и резким ударом в подбородок выбил его за канаты.

Чех грохнулся с помоста на песок и раскинул вялые руки.

* * *

На другой день рано утром Сомов собрал всех боксеров у себя в номере.

— Всем вам, товарищи, известно, — сказал он, — что пражские рабочие встречали нас не как знаменитых боксеров. Они встречали и несли на руках представитель победившего пролетариата. Здесь, в Чехословакии, мы уже не Сомов, Степанов, Михайлов, Ширвис, а Советский Союз — представители страны социализма и

чистого спортивного воздуха. Об этом нужно помнить каждому. А вчера Ян Ширвис запомнил, что он выступает на ринге друзей, что его противник — активный работник братского комсомола. От успеха Ширвис потерял голову и на потребу толпы расправился с другом, как профессионал с конкурентом, пожелавшим отнять у него кусок хлеба. Вчерашний бой Ширвиса вызвал чувство неловкости и стыда за него. Мы должны побеждать, но побеждать выдержкой, мастерством. Мы не имеем права давать материал для белогвардейской газетки, напечатавшей сегодня статью «О беспримерной жестокости большевиков, нарушающих славные традиции бокса». Правда, большие пражские газеты отметили европейский класс наших боксеров, но это никак не оправдывает позорного поступка Ширвиса. Мы должны показывать свою гуманность даже в боксе. Особенно во встречах с братьями по труду...

Ширвис был уверен, что Сомов поднял этот вопрос, желая освободить место Кочеванову. Ян не забыл предупреждений Гарибана; он готов был к сопротивлению и ждал только поддержки ребят. Но все точно сговорилось с Сомовым, — никто не выступил в защиту. Особенно горячился Севров, проигравший бой. Черномазый, небольшой, он сгибал пальцы, считая проступки Ширвиса, и возмущенно поблескивал глазами.

Это взорвало Яна. Сжав кулаки, он поднялся с места и спросил:

— Кто дал право пощипанному «петуху» Севрову читать нотации и болтать о выдержке? Я приехал сюда не антимонии разводиться, а драться — действовать кулаками. В этом ампула я, кажется, был выдержаннее других. Даже с бездарным противником сумел показать класс бокса. Желание подсесть и зависть заставляет вас придирааться. Сегодня все газеты поместили мой портрет. А этой чести удостоены не многие.

Выступление Яна возмутило боксеров. Они стали призывать его к порядку. Поднялся шум.

— Да, зависть, подлая зависть! — выкрикнул Ширвис, с ненавистью глядя на Сомова.

— Слушай, Ян, — подойдя вплотную, сказал Кирилл. — Если хочешь, чтобы мы подавали тебе руку, — немедленно прекрати оскорбления и дикие выходы!

Иначе, несмотря на нашу дружбу, я сам потребую, чтобы тебя вывели из команды.

— Еще бы, — зло усмехнулся Ширвис, — ты ждешь моей дисквалификации, как манны с неба.

— Перестань! — сердито потребовал всегда спокойный и добродушный московский тяжеловес. — Иначе нам придется попросить тебя закрыть дверь с той стороны.

— Меня?

Ширвис отступил на шаг и, с презрением смерив его взглядом, хотел сказать что-то обидное, но, заметив хмурые лица других боксеров, сдержался.

— Я вижу, что здесь, по каким-то соображениям, все против меня. Ну, хорошо, — произнес он с угрозой. — Попробуйте выступить с Кочевановым, пусть Кирюшка выиграет хоть один бой. Его-то я лупил, как хотел.

Ян выпрямился и с гордо поднятой головой демонстративно вышел из комнаты.

Он был уверен, что к нему сейчас же прибегут главный судья с Сомовым и будут извиняться и уговаривать, но ошибся. В его комнату лишь заглянул Севров.

— Едешь на экскурсию? — спросил легковес, весело скаля зубы.

— Катись ко всем чертям!

Ян так хлопнул дверью, что Севров отскочил в сторону и, обиженно сказав: «Ну и сиди балда балдой», — убежал.

Из окна Ян видел, как ребята уселись в открытый автобус и уехали осматривать старую Прагу.

Злым на себя и товарищей он спустился вниз и, выйдя на улицу, решил самостоятельно осмотреть чешскую столицу. Он прошелся по каменным плитам панели, стоял около продавца «парок» — горячих сосисок, свернул к реке. Посмотрел на уморительно серьезных удильщиков рыбы на Влтаве. И, уже скучая, побрел по узкой улице, которая привела в старую часть Праги с ее остроконечными башнями, тесными улочками, похожими на полутемные коридоры.

Ничего любопытного для себя Ян не нашел. Уткнувшись в какой-то тупик, он от досады плюнул и обругал товарищей, уехавших без него.

В гостиницу Ширвис вернулся не в духе, взял у портье ключи и стал подниматься к себе наверх. Вдруг его окликнули. Решив, что Сомов кого-то послал за ним, Ян нехотя обернулся.

В вестибюле, широко расставив ноги, стоял краснолицый человек с приветливо вскинутой шляпой.

— Мое почтение, господин Ширвис! Вы бы могли на минутку спуститься ко мне?

Не понимая, зачем он понадобился этому иностранцу, Ян сошел вниз. Краснолицый подбежал к нему, протянув обе руки.

— Безмерно буду рад пожать руку такому велико-лепному боксеру! Я вчера вас видел на ринге, но не сумел пробиться. Меня зовут Тодор Штоль... будем знакомы. Я имею отношение к боксу и люблю Россию.

— Вы замечательно говорите по-русски.

— Еще бы! Я жил в плену. Потом из эшелона знаменитого чехословацкого корпуса видел Сибирь. Но чехов и словаков презираю, как и вы.

— Я? — удивился Ширвис. — С чего вы взяли?

— Ну, ну! — погрозил ему пальцем Штоль. — Я вчера все заметил. Не смущайтесь, можете довериться судетскому немцу.

Громко хохоча и хлопая Яна по плечу, как старого приятеля, Штоль стал выпытывать:

— Как вы здесь гуляли? Плохо? — Он был возмущен. — Боксер не должен плохо гулять! К госпоже Фридляндровой заходили? Нет? Как же можно!

Не давая Яну опомниться, судетский немец потянул его на улицу и чуть не силой усадил в «фордик».

В своем автомобиле, отдавая Ширвиса запахом крепкой сигары, он обещал показать, как гуляют в Праге.

Штоль привез Яна на Пожичью улицу в восьмизэтажный дом молодой миллионерши-пловчихи Беллы Фридляндровой.

Госпожа Фридляндрова построила дом, в котором спортсмен мог получить все, что ему угодно. Здесь была гостиница на сотню номеров, ресторан с бассейном, гимнастический зал, души, кабинеты, массажистки.

Они уселись за столик над бассейном с зеленоватой водой. В бассейне плавали рекламные шары, переливаясь огнями, отражались столики. Штоль заказал полторы дюжины устриц, вина, пильзенского пива. Ян

было запротестовал против выпивки, ссылаясь на строгий характер Сомова, но Штоль, не слушая его, наполнил бокалы.

— Для такого боксера, как ты, никогда не повредит бокал хорошего вина и кварта пильзенского пива.

Пришлось выпить. После вина прохладные и скользкие устрицы оказались необыкновенно вкусными. Ширвис выпил второй бокал. С непривычки в голове зашумело. Все стало шатким.

Ян, чтобы не показать своего опьянения, старался сидеть прямым и строгим. А Штоль все подливал и подливал пиво. К их столу подсади еще какие-то люди; они уже знали Ширвиса по портретам, напечатанным в пражских газетах, наперебой упрашивали выпить за дружбу атлетов.

Внизу, в зеленой воде бассейна, шумная компания парней и девушек затеяла игру в ватерполо. По вспененной воде нырял гулкий мяч. К столикам летели брызги. Ширвису показалось, что он находится не в ресторане миллионерши Фридляндровой, а в атлетической стране Элладе, и в его честь устроено празднество. Он поднял бокал и сказал, что неплохо бы возродить страну атлетов.

Штоль сначала недоверчиво тарачил на него свои голубовато-серые глаза, а потом полез через стол обниматься.

— Боже мой! Да мы оба думаем одинаково. Я всю жизнь желал делать в дряхлеющей Европе такую страну.

С Яном обнялся и маленький курносый человечек, подсевший к их столику. Этот шупленький пучеглазый гость Фридляндровой был суетливей и восторженнее других. Он чем-то напоминал Ширвису вертлявую комнатную собачонку.

— А вы каким видом спорта занимаетесь? — спросил у него Ян.

— О, это Рэнгольм Лэйн — самый лучший импресарио малых стран, — отрекомендовал Штоль и, вежливо улыбнувшись, что-то вполголоса сказал человеку.

Импресарио немедленно сорвался с места, побежал в другой конец зала и вскоре вернулся с высокой и стройной словачкой.

Девушку звали Боженой. Она умела говорить по-русски и по-украински. Ян пригласил ее танцевать. Пышноволосяя и кареглазая словачка внешне напоминала Зосю Кальварскую. Даже смех ее был каким-то знакомым. Только опущенные уголки рта делали ее лицо утомленным. Танцевала Божена легко, послушно отдаваясь ритму.

Ширвис угостил словачку коктейлем и, не задумываясь, пообещал в ее честь нокаутировать всех противников.

Маленький человечек все время с какой-то подобострастностью смотрел ему в глаза. Казалось, что он сейчас подпрыгнет и по-собачьи лизнет прямо в нос. Яну надоел этот взгляд; он взял импрессарио за плечо и грубо спросил:

— Вы, кажется, чего-то ждете от меня?

Маленький человечек, не поняв его, показал в заискивающей улыбке мелкие желтые зубы и вопросительно взглянул на Божену. Та сказала ему несколько слов по-английски. Он радостно закивал головой и поманил Яна с Боженой в отдельный кабинет.

В узкой комнате их уже ждал столик, накрытый на три персоны. Но Ширвис не стал здесь пить. Ему захотелось как можно скорее избавиться от неприятного человека.

— Спросите, — чего ему от меня надо? — обратился Ян к Божене.

Импрессарио, став серьезным, заговорил на непонятном Яну языке. Божена не торопясь перевела.

— Содруг Лэйн — известный в Европе импрессарио, предлагает вам заключить контракт на один год. Каждое выступление тысяча долларов. Тренер, разъезды и гостиница за счет импрессарио.

— Скажите ему, что Ян Ширвис и без его тысячи постарается уложить всех средников Чехии, Словакии и Скандинавии.

Лэйн был уверен в том, что подвыпивший боксер ломается, набивая себе цену. Решив основательно торговаться, он после некоторого раздумья увеличил сумму:

— Полторы тысячи!

Ян пьяно мотал головой:

— Не выйдет!

— Две тысячи! — застонал импрессарио, и выпуклые глаза его стали влажными.

— Советские боксеры не продаются, — гордо заявил Ширвис. — И если им очень назойливо предлагают доллары, то они, потеряв терпение, могут покалечить неудачных менеджеров.

— Три тысячи долларов! — как будто бросаясь в омут, трагически выкрикнул Лэйн и вытащил из кармана отпечатанный на машинке текст договора.

— Переведите этому пшику, — уже раздраженно сказал Ян Божене, — если он сейчас же не уберется отсюда, то испытает своим задом крепость моей ноги.

Божена, видно, перевела все в точности. Лэйн с опаской взглянул на ноги боксера, вежливо раскланялся и, советуя обдумать предложение, пятясь, вышел из комнаты.

Ян с благодарностью пожал руку Божены и предложил выпить за дружбу. Девушка согласилась. Они медленно осушили бокалы и, взглянув друг другу в глаза, весело засмеялись.

У Яна вдруг появилось желание обнять ее. Он протянул руки, но Божена, покосившись на дверь, уклонилась.

«Бойтся, что кто-нибудь войдет», — догадался Ян. Неверной походкой он подошел к двери и повернул ключ в замке.

Когда он вновь приблизился к девушке, она, лукаво погрозив пальцем, отстранилась.

Ширвису надоела игра словачки; он, как на ринге, сделал ложный выпад в сторону, крепко схватил ее и притянул к себе... И тут произошло непостижимое: Божена вдруг громко закричала, начала отбиваться, царапаться...

Ян сразу выпустил ее. Девушка бросилась к двери и, плача, забарабанила кулаками.

Дверь пришлось открыть. На шум прибежали официанты, Лэйн и еще два каких-то молодца. Они схватили Ширвиса за руки и потребовали вызвать «стражу безопасности». ¹ Какой-то рьяный блюститель порядка уселся писать протокол.

¹ Стража безопасности — полиция Чехословакии.

От полиции и скандала Яна спас неожиданно появившийся в дверях Штоль. Увидев своего гостя в столь бедственном положении, он поспешил успокоить негодующих друзей Божены.

— Умоляю отпустить... Очень неловко. Сдруг Ширвис — мой гость. Он немного выпил, немножко не так вел себя... Я думаю, мы это дело уладим.

Яна освободили, но не выпустили из комнаты; ошеломленный, он стоял у стены и не понимал, почему плачет Божена. Штоль попробовал успокоить ее.

— Прошу простить моего друга. Вы очень нравитесь ему. Он сделает вам самый интересный подарок — и все будет хорошо. Ну зачем плакать и портить такие глазки? Лучше подайте ему руку.

Божена вытерла платком глаза. Штоль подвел ее к Ширвису и соединил их руки.

— Не надо сердиться. Все хорошо! Смотрите, сколько вина на столе. Поднимем бокалы за приятную встречу.

Присутствующие заулыбались. Они снисходительно чокнулись с Ширвисом, выпили за здоровье пострадавшей и все аккуратнейшим образом расписались в протоколе.

Штоль горел желанием скорее умиротворить всех. Он отвел Яна в сторону и шепнул:

— Надо дать несколько крон официантам, и они будут молчать. Потом небольшой подарок девушке. У вас нет чешских денег? Хорошо, мы сделаем все как надо.

Он подозвал Лэйна.

— Надеюсь, вы сумеете дать русскому боксеру пятьсот крон в долг?

Импрессарио мотнул головой, с готовностью полез в боковой карман и вытащил бумажник. Отсчитав пятьсот крон, он жестами показал, что надо писать расписку.

Ширвис, чтобы скорее уйти, написал расписку. Лэйн взял ее и вместе с протоколом спрятал в карман.

— Почему он не отдал мне протокола? — возмутился Ян.

— Протокол нужен для гарантии, что ты будешь отдавать долг, — поспешил успокоить его Штоль и, расплатившись с официантами, повел Яна в общий зал.

В зале играла музыка, кружились пары, хлопали пробки, звенела посуда. В этом веселом шуме боксер вскоре забыл о происшедшем, ему опять было весело и хорошо.

Ширвис только под утро возвратился к себе в гостиницу. Сомов не спал. Он встретил Яна в коридоре и хмурясь прошел за ним в номер.

— Где пропадал? — спросил он строгим голосом.

Ширвис, бессмысленно ухмыляясь, в костюме и ботинках повалился на постель.

Владимир Николаевич схватил его за ворот и, сердито встряхнув, поднял.

— Где ты был, спрашиваю?

— Был? — Ян мутными глазами глядел на Сомова, потом вдруг сжал кулаки и не своим голосом закричал:

— Что вы ко мне пристааете? Убирайтесь отсюда, или вас вынесут! Я не позволю себя хватать!

Затевать скандал в гостинице, да еще ночью, Сомову не хотелось. Взбешенный, он ушел от Ширвиса и долго ходил у себя в номере, не в силах успокоиться.

«Что делать с подлецом? Нужно было отказаться, не брать за границу, либерал шлепоносый! — ругал себя Сомов. — Теперь возись, страдай за него. С кем он весь день пропадал? На чьи деньги пил? Вот скотина! Вернемся домой, я отца отблагодарю. Хорошего выкормил сына!»

Но позже, поостыв, Сомов решил, что здесь, в Чехословакии, с Ширвисом надо быть мягче. Было ошибкой то, что они не взяли его на экскурсию. Утром дядя Володя сказал об этом боксерам. Он попросил своих относиться к Яну дружески, не оставлять одного и не вызывать на ссоры.

Утром Ян с трудом поднялся. Он не мог сделать даже легкого движения головой, его мутило. Морщась, он вспомнил все случившееся с ним вчера и в страхе подумал:

«Что я там натворил? Какой протокол? О черт! Дернуло же меня».

* * *

Ширвиса напугало подчеркнутое дружелюбие товарищей. Он был уверен, что они хитрят, нарочно обхаживают его, чтобы узнать, где он был. Ян замкнулся,

стал неразговорчивым, даже с Кириллом старался не откровенничать. Тревога все больше и больше охватывала его: «Как выпутаться? Откуда взять пятьсот крон? Правда, если рассказать обо всем дяде Володе, он добудет кроны. Но что устроит потом? Надо выкарабкаться самому. Может, тайно где-нибудь выступить и заработать нужную сумму? Надо поговорить со Штолем».

Но ни Штоль, ни Лэйн в эти тягостные для Яна дни не показывались. «Как их найти? Придется, видно, заглянуть к Фридляндровой, — может, там кто встретится».

Ширвис, наверное, вечером пошел бы на Пожичью улицу, если бы Сомов за ужином не объявил:

— Завтра в два часа уезжаем в Северную Чехию. Первый матч будет с шахтерами Кладно.

Ян обрадовался: «Уедем, и Лэйн больше не увидит меня. Пусть потом ищет».

На утренней зарядке он был весел, побывал со всеми в историческом музее. На вокзал приехал в приподнятом настроении. И здесь вдруг увидел Лэйна. Маленький импрессарио, одетый по-дорожному, сидел в соседний вагон.

«Неужели он всюду будет преследовать меня? — с тоской подумал Ширвис. — Как избавиться от него? Сказать Сомову? Нет, нельзя!»

Тревожное состояние теперь уже не покидало его. Яна не радовали ни новые места, ни радушие чехов.

В Кладно горняки пришли встречать прямо с работы. Вместе с ними были жены и дети.

Шахтеры дружески обнимали наших парней, крепко жали руки, и почти каждый просил быть его гостем.

Потом всей толпой кладновцы сопровождали советских боксеров до рабочего клуба. Вернее, это был не клуб, а большой танцевальный зал под черепичной крышей. Здесь спортсменов ждал длинный, накрытый белыми скатертями стол. На тарелках лежали нарезанные лимоны, колотый сахар, а рядом стояли полулитровые пивные кружки и на спинках стульев виднелись вышитые полотенца. Кто-то горнякам сказал, что русские очень любят пить чай с лимоном «вприкуску» и при этом обязательно утираться полотенцами. Они и решили угостить спортсменов на славу.

Желающих посмотреть на чаепитие русских набралось столько, что им не хватало места у стен: многие стояли в дверях и облепили все окна. Но тут чехов постигло разочарование. Боксеры, отведав лимонов с сахаром, почти не пили чай. Им нельзя был наливаться водой:

Спали боксеры на перинах в шахтерских домах. Утром им прямо в постель подавали кофе, как самым дорогим гостям.

* * *

На Кладновском стадионе все было по-домашнему: возле трибун жарились пирожки и варились в котлах сосиски. Девушки разносили по рядам пиво и горячий чай.

Потягивая из кружек пильзенское пиво, горняки рассуждали и спорили, прикидывая примерные шансы боксеров. Они хотели выигрыша своим и не желали сильно обидеть гостей. Лучше всего было бы так на так — ничья.

Неожиданно выявилось, что сборная команда горняков гораздо сплоченнее и крепче пражской. Были моменты, когда результаты схватки оказывались настолько спорными, что советские судьи требовали ничьей. Победы доставались с трудом.

Против Ширвиса был выставлен молодой чемпион северной Чехии, резкий и напористый парень. В первую же секунду, без всякой разведки, он провел сильный удар в челюсть.

Ширвис ринулся в атаку, стремясь смять противника. Чех принял предложенный темп; он не уступал Яну ни в смелости, ни в напористости.

— Эге, нашла коса на камень, — говорили кладновцы, знавшие характер своего боксера.

Неистовствуя, Ян забыл о защите и перед самым гонгом нарвался на прямой удар левой. Удар был настолько сильным, что под Яном заколебался ринг. Падая, он обхватил противника. Тот, слыша сигнал, извещавший о перерыве, не оттолкнул его, а поддержал, как нечаянно споткнувшегося товарища.

Ширвиса взбеленил дружеский порыв чеха: «Показывает свое великодушие. Для издевательства подхватил, как споткнувшуюся барышню. Я тебя отучу от этих выходов!»

В перерыве Ян увидел Лэйна. Тот сидел во втором ряду средней трибуны и пил пиво из большой кружки.

«Так опозориться, да еще при этом пшике. Во что бы то ни стало уложу во втором раунде наглеца».

После гонга, не дождавшись, когда замрет густой звук меди, Ян ринулся на противника и обрушил на него серию хорошо изученных сильных ударов. Он бил довольно точно, но чувствовал, что в кулаках нет прежней силы и резкости. Чех легко переносил его удары и, в свою очередь, шел на обострение боя.

При новом яростном натиске Ширвис вдруг почувствовал, как глаза защищал пот, тело покрылось испариной. «Что со мной? — в испуге подумал Ян. — Такого никогда не было. Неужели оттого, что выпил, нарушил режим? Проклятый Штоль!»

В ногах ощущалась слабость. И руки наливались свинцом. А горняк работал безукоризненно и выигрывал по очкам.

— Все равно не дамся, — бормотал Ян.

В ярости он нанес запрещенный и опасный удар открытой перчаткой по затылку. Чех пошатнулся, упал на одно колено, но сразу же вскочил.

Судья прервал схватку. Он сделал предупреждение Ширвису и поинтересовался: способен ли горняк продолжать бой? Тот, не желая выигрывать на дисквалификации противника, закивал головой: «Да, да, не беспокойтесь».

Чех добродушно прощал Яна и этим еще больше раззадорил его. Стремясь во что бы то ни стало выиграть, Ширвис пошел в бурную атаку. В пылу боя он как-то не рассчитал удара и вновь нарушил правила: вместо солнечного сплетения угодил ниже пояса.

Горняк, словно переломившись пополам, скорчился, повалился на бок и застонал.

Бой приостановили. По стадиону прошел ропот.

Сомов, стыдясь за Яна, подошел к судьям и заявил, что победу следует присудить чеху, так как его боец, вольно или невольно, дважды опасно нарушил правила.

* * *

В Моравии вместо Ширвиса выступал Кочеванов. Газетчики прозвали его «Неуловимым».

Кирилл побеждал молниеносной реакцией: он успевал раньше противников наносить удары и с такой бы-

строгой защищаться, что был почти неуязвимым. Это радовало Сомова и приводило в ярость Яна.

«Пользуясь моей слабостью, делает карьеру, — убеждал себя тот. — Прав был Гарибан: Сомов выживет меня, чтобы дать место своему Кириллу. Из-за них я пошел к Фридляндровой и попал в дурацкую историю с Боженной. Они довели меня до этого. Но ничего, в Норвегии я им не дам. Буду драться так, что не подкопаешься. Скорей бы только уехать».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В Норвегию боксеры летели на «Дугласе». Над морем самолет поднялся на такую высоту, что внизу виднелись только облака, похожие на снежные горы.

Приближаясь к берегу, «Дуглас» снизился. Боксеры увидели голубоватую ленту длинного фиорда с зеленоватыми и серо-коричневыми крапинками — многочисленными островками.

В конце фиорда виднелся город Осло, раскинувшийся на скалистых холмах. В порту высились краны, мачты крупных и мелких судов, строения с красными черепичными крышами.

На зеленом поле аэродрома боксеров никто не встречал. Представители советского посольства и рабочего боксерского союза стояли за решетчатой оградой у станции аэропорта. Они издали махали шляпами и платками.

«Наконец-то я оторвался от чешских импрессарио и неприятностей, — предъявляя таможенникам заграничный паспорт, с чувством облегчения подумал Ширвис. — Впрочем, зря я, видимо, тревожился. Для них пятьсот крон — плевые деньги. Чего я унывал? Мне ведь всегда везло».

Он вспомнил, как, возясь с кем-то из парней, нечаянно разбил большую красивую вазу в комнате отдыха «Солопа». Она стоила больше тысячи рублей, но с него ничего не взяли. Гарибан списал ее по акту.

«Здесь постараюсь ни с кем не связываться. Довольно», — решил Ян.

После таможенного осмотра все уселись в неболь-

шой автобус, стоявший на площади. Представитель рабочего боксерского союза — рослый и светловолосый рыбак, плававший когда-то со своим отцом в Мурманск, приветствуя советских спортсменов, с огорчением сказал, что ему не удалось договориться ни с одной из гостиниц в центре столицы, и он вынужден везти их в студенческий городок.

— Летом много богатых туриста, — объяснил он на ломаном русском языке. — Вся Норжка народ зарабатывает доллар... прислуживает им.

Автобус покотил по окраинным улицам Осло. Проезжали мимо огородов, стеклянных теплиц для ранних овощей и цветов, белых домиков с крошечными палисадниками.

Кирпичные дома студенческого городка, стоявшие под полями и каштанами старого парка, походили на казармы, но комнаты в них оказались опрятными и светлыми. Почти весь обслуживающий персонал — портье, грузчики, официанты в ресторане и уборщицы номеров — были студенты. Летом они на туристах зарабатывали деньги, чтобы зимой платить за лекции, жилье и питание.

Разместив боксеров по комнатам, норвежец пригласил всех пообедать в летнем ресторане.

Летний ресторан помещался на волейбольной площадке, над которой был натянут полосатый тент. Под тентом стояли круглые столики и плетеные кресла.

Как только боксеры заняли места, официанты-студенты поставили на каждый столик красные флажки и запотевшие стеклянные кувшины, наполненные ледяной водой. Потом они принесли всякие приправы — перец, соль, уксус, горчицу, а о хлебе словно забыли. К супу из протертых овощей подали какие-то тоненькие хрустики, а к жаркому — отварной картофель, посыпанный мелко нарубленным укропом.

Пообедав, боксеры чувствовали себя голодными.

— Теперь бы полбуханочки круглого хлеба да поужинать, — мечтательно сказал тяжеловес. — А то ведь на ринг не взберешься.

— Приноравливайтесь, товарищи, к местной еде, — негромко посоветовал представитель советского посольства. — Норвежцы своего хлеба не имеют, привыкли к картошке. К тому же учтите, — вас принимают на

деньги, собранные среди рабочих. Видно, рассчитана каждая копейка.

— Да я в шутку, — смутился тяжеловес.

— И шутите с оглядкой. Около вас все время будут тереться репортеры буржуазных газет. Они еще до приезда начали придумывать всякую чушь. Вот слушайте, что напечатано в столичной газете...

Представитель посольства тут же стал переводить выдержки из статьи:

«В России никогда не было бокса; они дерутся дубинами... Их боксеры бородаты. Перед выездом в Европу они впервые в жизни побрились... Драться русские могут лишь с любителями рабочих клубов, так как влачат полуголодное существование. Они питаются молотой корой деревьев и картофельными очистками».

— Не написано только, куда мы картофель деваем. Так что лгут без зазрения совести. Ухватятся за любой пустяк и раздувают. Но эти статьи пока вызвали лишь повышенное любопытство к вам, все билеты на матч распроданы.

После обеда боксеры отдохнули и отправились осматривать Осло. До центра они добрались электрической подземной дорогой: два вагончика сначала катились по рельсам на поверхности земли, потом входили в туннель и останавливались под землей в парке — недалеко от королевского дворца.

Боксеры с интересом осмотрели старинную крепость Акерсхьюз, позабавились, глядя на опереточно одетых и напыщенных гвардейцев, охранявших королевский дворец. Затем они пешком прошли по прямой и широкой улице Карла-Йоганна и побывали на набережной, где рыбаки, прибывшие с островов, продавали очень вкусных вареных рачков.

* * *

Первый матч со сборной рабочей командой Осло проходил на небольшом переполненном стадионе, где разрешалось курить. Поэтому дым над зрителями висел, как туман.

Норвежцы дрались в иной манере, чем чехи: на ринге они были гораздо подвижнее, атакая, наносили прямые, правда довольно легкие, но частые удары, а защищались раскрытыми перчатками ловко и точно.

Рабочие парни выступали хорошо натренированными. Советские боксеры в легчайших и легких весах с трудом уравнивали счет. В ходе борьбы выяснилось, что резвость и наступательный дух у норвежцев заметно ослабевают, если боксеры нарываються на тяжелые, сотрясающие удары. После этого они либо быстро сдаются, либо начинают «бегать», — уходить от резких столкновений.

Ширвису противник попался гораздо выше его ростом. Руки у него оказались такими длинными, что он мог доставать Яна, не подпуская близко к себе. Его удары хотя были не сильными, но довольно назойливыми. Он явно стремился выиграть по очкам.

«Как же мне сблизиться? — досадуя, думал Ян. — Долговязый, кажется, не крепко стоит на ногах».

Он попробовал, уходя под руку противника, со всей силы бить его по корпусу. Это норвежцу не понравилось, он то и дело стал прижимать к бокам локти.

«Ага, короче руки становятся! — отметил про себя Ян. — Теперь я тебя приземлю».

Сделав обманное движение, словно намереваясь еще раз провести неприятный противнику прием, Ян заставил норвежца опустить локти и невольно открыть подбородок. Этого мгновения было достаточно. Ширвис ударил не в корпус, а в голову...

Он сам не ожидал, что удар будет таким резким и точным. Длинные ноги норвежца вдруг подогнулись... Падая на Яна, он нелепо взмахнул кулаками... И получил новый удар, от которого свалился навзничь и, раскинув руки, растянулся во весь ринг.

Нокаут был таким глубоким, что после счета «девять» норвежец не смог поднять головы.

Судья подвел Ширвиса к канатам и поднял вверх его кожаный кулак.

И вот здесь, слыша свист, грохот аплодисментов, Ян неожиданно при вспышке магния разглядел в первом ряду Штоля и Лэйна. Вскочив со своих мест, они что-то кричали и приветственно махали ему шляпами.

«Чтоб вы провалились, заклятые друзья! — невольно выругался про себя Ширвис и в страхе подумал: Зачем их принесло сюда? Как же я избавлюсь от них?»

Настроение у него мгновенно испортилось, он уже

не чувствовал радости победы и не мог улыбаться фотографам.

На другой день утром многие газеты в Осло вышли с портретами Ширвиса. Спортивные комментаторы оказались очень осведомленными: они подробно расписывали свирепость Ширвиса в боях на рингах Чехословакии.

* * *

Поездка в Берген вселяла надежду, что Яну в конце концов удастся избавиться от прилипчивого импрессарио. Не будет же тот все время разъезжать за ним?

На вокзал Ширвис приехал повеселевшим, а на перроне мгновенно помрачнел, так как увидел Лэйна, подсаживающего в вагон поезда Осло — Берген Божену.

«И ее притащили. Значит, не отстанут, — понял Ян. — Она ему нужна для переговоров со мной. Штоль, видимо, не годится. Как же мне избавиться, где заработать пятьсот крон? Хватит ли валюты, которую нам дают на мелкие расходы? Может, у Кирилла занять? Нет, ему придется объяснять, для чего понадобилась валюта, так он не даст. А расскажешь — крупные неприятности наживешь».

Положение казалось безвыходным. Товарищи в вагоне шутили, пели песни и почти не отходили от окон, любясь заснеженными хребтами гор и хрустальными водопадами, низвергающимися с большой крутизны. А Ян весь путь сидел в углу молчаливым, ломая голову: как же ему избавиться от дурацкого протокола и долга? И ничего не мог придумать.

В бергенском поезде дневной свет то и дело сменялся крошечной тьмой туннелей. Казалось, что все горы здесь пробуравлены. Один из боксеров насчитал восемьдесят два туннеля.

Берген встретил советских спортсменов мелким и, видимо, давним дождем, потому что все панели лоснились, а жители ходили в прорезиненных плащах и шляпах-зюйдвестках.

— Берген — город дождей, — объяснил переводчик. — В Норвегии популярен анекдот. Его все рассказывают. Бергенского мальчика как-то останавливает турист и спрашивает: «Скажи, дружок, давно ли начался дождь?» Мальчик смутился и виновато ответил:

«Я не знаю, мне всего одиннадцать лет... Спросите у моего дедушки, он наверное слышал».

Дождь действительно почти не прекращался. Бергенцы привыкли к нему; даже женщины здесь ходили в непромокаемых причудливых зюйдвестках и длинных резиновых сапогах. Но стоило хоть на полчаса показаться солнцу, как они в мгновение преображались: зюйдвестки и плащи исчезали в сумках, и на модницах появлялись кокетливые шляпки, элегантные костюмы, легкие платья. Женщины не решались только заменять резиновые сапоги на туфли с высоким каблуком и тонкой подошвой, так как знали непостоянство погоды родного города.

Боксеры здесь были покрепче столичных. Морские ветры их закалили, а нелегкая рыбацкая работа сделала выносливыми и смелыми. Только Ширвису попался чрезмерно осторожный противник. Готовясь к матчу, он, наверное, начитался статей о Яне Ширвисе из столичных газет и вышел на ринг с одной целью — избежать нокаута.

Весь первый раунд он пробегал, не давая Ширвису выбрать удобный момент для атаки. Во втором раунде Ян стал присматриваться, пытаясь приноровиться к быстроногому боксеру. Он даже умышленно «проваливался», делая мазки, и раскрывался. Но бергенец был начеку, он предпочитал кружить по рингу на дальней дистанции, всячески избегая сближения. А когда Яну удавалось загнать его в угол, норвежец моментально захватывал его руки поверх плеч и с такой быстротой отпускал, что судья не мог сделать замечания. При этом он успевал ускользнуть в сторону, чтобы опять кружить на дальних подступах.

Если бы бергенец обладал большей смелостью, он бы мог побеждать быстротой действий. Он так легко и ловко передвигался, что Ширвис и в третьем раунде не сумел остановить его, раскрыть и провести хотя бы одну серию полновесных ударов. Они чаще всего были скользящими или уходили в пустоту.

Наконец прозвенел гонг. Ян потным и взбешенным шел в свой угол, а там, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, возмущался: зачем судьям понадобилось вести подсчет, когда зрители видели, что его противник по-

заячьи пробежал все три раунда? Такого надо дисквалифицировать и не выпускать больше на ринг.

А судьи с серьезными лицами спорили и совещались. Только минуты через три они вынесли решение: советский боксер выиграл по очкам.

Побежденный бергенец, словно обрадовавшись, подбежал к Яну с протянутыми руками, но тот демонстративно отказался пожать их и отвернулся.

Это вызвало ропот в зале. И Сомов укорил:

— Поступок неблагородный. Иди извинись, пока он не ушел с ринга.

— Извиняйтесь, если вам нужно, — взбеленясь, ответил Ян. — А я проживу и так.

В Тронхейме, по распоряжению главного судьи и руководителя советской команды, Ширвиса не выпустили на ринг. Вместо него дрался Кочеванов.

* * *

Победы советских спортсменов во всех крупных городах обеспокоили руководителей национального боксерского союза. Лучшие команды Европы без поражений не уезжали из Норвегии, а эти никому не известные русские парни, впервые выступающие на международной арене, хотят покинуть страну, не проиграв ни одного матча. Недопустимый позор для Скандинавии!

Повелись настойчивые переговоры о дополнительной встрече в Осло. Для поддержки престижа, против советских боксеров выставили национальную команду, имевшую немало побед на рингах Швеции, Австрии, Франции, Германии.

Руководители советской команды понимали, что их ребятам не легко будет состязаться с опытными боксерами международного класса, но желание испытать команду в жесточайшей схватке взяло верх. Они позволили по телефону в Москву и добились разрешения остаться еще на неделю.

Матч был назначен в день общеспортивного праздника. Обе стороны усиленно готовились к встрече.

Чемпионы Норвегии тренировались в загородном лагере. Их портреты можно было найти в любом магазине и киоске. Газеты ежедневно сообщали о блестящей форме и боевом настроении своих любимцев. Осо-

бенно много похвал раздавалось по адресу Ялмара Берлунда — боксера среднего веса.

Сомов не знал, кого против него выставить — Кочеванова или Ширвиса. С Яном творилось что-то непонятное; он ходил вялым и не в меру молчаливым. Владимир Николаевич попробовал вызвать его на разговор, но боксер, досадливо морщась, попросил:

— Оставьте меня в покое.

Сомов, по совету главного судьи, вызвал врача из посольского городка. Осмотр ничего не дал, Ян был здоров. «Что с ним творится? — недоумевал Владимир Николаевич. — Не подействовала ли так наша суровость? Против Берлунда надо будет выставить его. Это заставит подтянуться».

Владимиру Николаевичу и в голову не приходило, что Яна могли выбить из колеи посторонние люди. Маленький импрессарио не только во время поездок ловил моменты для встреч с Ширвисом, но и в Осло не давал покоя. Лэйн с помощью Божены старался убедить боксера в том, что его талант в команде не развернется, что Ян боец международного класса.

— Вы захаете при таком менеджере, как Сомов, — переводила Божена пересыпанную комплиментами речь Лэйна. — Ваш Сомов не годится для большого бизнеса, он никогда не даст высоких гонораров. Разве так устраивают последний матч? У меня каждый боксер получил бы не менее пяти тысяч крон! Подумайте о контракте. Я пленен вашими мечтами об Элладе. Вы будете жить у меня, как в древней Греции. Автомобиль, тренировочный коттедж, тренер-массажист обеспечены. Переводчицей останется Божена.

Ширвис никак не мог избавиться от назойливого импрессарио. У него не хватало мужества рассказать ребятам о его домогательствах, и Ян продолжал тайно встречаться с дельцом то в вестибюле гостиницы, то в баре.

Сомов, давая интервью многочисленным репортерам, умышленно намекнул, что с Берлундом на ринге, видимо, встретится лучший средневес — Ян Ширвис.

Это взбудрило Яна. Воспрянув духом, он строже стал соблюдать режим и больше времени уделять тренировке. Но мысль о долге и возможном шантаже не давала покоя. Он все время чувствовал какую-то нерв-

ную взвинченность. Может, поэтому в спарингах Ян не замечал подготовки противников к атакам и, словно потеряв координацию движений, запаздывал с уклонами и нырками, делал непростительные промахи. Сомов глядел на его работу и покачивал головой.

— Что-то ты, брат, забуксовал! — хмурясь, говорил он. — Не отвлекайся, прекрати думать о постороннем. Не вижу автоматизма и произвольности.

Но как отвлечешься от угнетающих мыслей, когда они гложут и гложут? «Сколько разговоров теперь будет! И за границу, конечно, больше не пустят. А главное, отец, — что он скажет, когда вернемся?»

Ширвис решил еще раз поговорить со Штолем. Может, он поможет избавиться от домогательств Лэйна?

На другой день, когда боксеры собрались поехать на полуостров Бигдэй, — осмотреть старинные ладьи викингов и знаменитое судно «Фрам», на котором Нансен плавал к Северному полюсу, Ян повязал щеку и, держась за нее, стал ходить из угла в угол, будто не находя себе места от зубной боли.

Сомов обеспокоился:

— Может, врача вызвать?

— Нет, пройдет. Прогреть только... Я мороженым застудил.

Ширвис повалился на постель и закрыл голову подушкой. Но стоило боксерам и руководителям уехать, как он вскочил, осмотрелся и позвонил по автомату Штолю в гостиницу. Тот обрадовался, услышав его голос:

— Здравствуй, друг! Прошу простить мою отлучку, я был немного занят. Ты, кажется, желал видеть?

— Да, я просил Божену. До отъезда мне хотелось расплатиться с Лэйном.

— А зачем тебе уезжать? Лэйн, по-моему, предлагает очень выгодные условия.

— Нет, меня это не устраивает. Если вы в силах одолжить мне хотя бы двести крон, буду очень признателен. Верну при первой возможности.

— Зачем? Как не стыдно! — укорил Штоль. — Такая неважная сумма у меня всегда найдется. Мы всё делаем, не стоит нервничать по пустякам. Я думал, тебе хочется смотреть на противника. У меня есть лишний билет на тренировки Ялмара Берлунда,

Тодор Штоль знал, чем можно соблазнить боксера перед решающей схваткой. Ян в эти дни не раз старался представить себе будущего противника. Но воображение не помогало. И вот ему предлагают увидеть Берлунда на тренировке. Конечно, у него найдется время. Большое спасибо!

Штоль заехал за Яном на машине, и они отправились на какой-то загородный стадион. Там, на трибунах, расположенных вокруг арены, уже сидели болельщики бокса. Эти люди ежедневно приезжали из Осло полюбоваться на работу своих кумиров.

Штоль и Ширвис, чтобы не привлекать к себе внимания боксеров и публики, устроились на скамейке в углу трибуны.

Чемпионы Норвегии действительно были в прекрасной форме. Каждый из них дрался подряд с двумя или тремя спаринг-партнерами и уходил с ринга почти свежим. Сухощавый, костистый Берлунд казался на полголовы выше Яна. Руки у него были длинными, с продолговатыми, литыми мышцами.

«Бой нужно будет вести на близком расстоянии, — решил Ян. А увидев расплющенные уши и разбитые надбровные дуги будущего противника, проникся к нему уважением: «Этот малый побывал в переделках!»

Ялмар Берлунд, как бы играя, измотал одного партнера, потом уложил второго, а третьего так избил, что тот еле держался на ногах.

Ширвис сравнивал себя со спаринг-партнерами Берлунда и с радостью отмечал, что все они не имеют ни его смелости, ни злости, ни быстроты и точности удара. Эти парни, зная силу чемпиона, с первых же секунд начинали «танец жертв».

«Эх, трусы, — бормотал Ян. — Я вам покажу, как надо осаживать таких молодцов!»

Ширвису хотелось скорее померяться силами с чемпионом Норвегии. «Вот будет бой, — думал он, ощущая зуд боевой лихорадки. — Победа над таким создаст европейское имя».

Из лагеря в многоместной машине они поехали обедать к скалистым обрывам Осло-фиорда. По пути Штоль представил Ширвиса трем чемпионам конькобежного спорта, имена которых Ян еще раньше знал по газетам. Когда-то эти люди были для него образцами.

человеческого совершенства, а теперь он запросто жал им руки, сидел рядом и говорил, как равный с равными. Скоро и Ян будет таким же известным. Только меньше сентиментальности. Нельзя киснуть по пустякам. Подумаешь, событие — долг в пятьсот крон! Для раскаяния и прочих слабостей у боксера не должно быть места.

Они всей компанией уселись на террасе ресторана, приютившегося на вершине скалы. Внизу виднелись зеленые спокойные воды фиорда. Летали чайки, скользили вдали белые паруса яхт.

За обедом появился ром. Ян попробовал отказаться, но вся компания начала уговаривать его.

— Не будьте ребенком! Глоток рому никогда не повредит боксеру, — убеждал Штоль. — Вред имеет напиться в день матча, а до этого... прошу вас.

— За бокс!

Все потянулись к Ширвису чокаться.

Ян выпил рюмку за бокс, вторую — за мастеров ледяной дорожки, от третьей решил воздержаться, но потом передумал: «А, черта мне сделается!»

Тодор Штоль был доволен. Он изощрялся в придумывании новых тостов и следил за тем, чтобы рюмка боксера не пустовала.

В гостиницу Ян вернулся в полночь. Ребята давно уже спали, бодрствовал лишь Сомов. Он встретил Ширвиса в коридоре.

— Ты опять так поздно?

— Лечил зубы, — солгал Ян. — И был на тренировке Берлунда.

«Пьян, подлец», — понял Владимир Николаевич. Не желая больше с ним разговаривать, он строго приказал:

— Иди спать, протрезвись.

— А вы не очень-то, — попытался хорохориться Ширвис. — Я вам не Кочеванов, меня сразу подхватят, не задержусь. А вам нос натянут.

«Что же мне с ним делать? — заперев Яна в номере, размышлял Сомов. — Затевать новый разговор при всех — только возбуждать и взвинчивать ребят перед решающей встречей. Лучше побережь нервы. Погожу до возвращения домой. Но одно лишь ясно: такого опасно выпускать на ринг».

Утром Ян ждал вызова на общее собрание и тягостного разговора при ребятах.

«Не дамся. Упрюсь, скажу, — зубы лечил, и всё! — решил он. — Кто меня в ресторане видел? Не пойман. А Сомову могло показаться».

До завтрака в номер к Ширвису зашел только капитан команды и сказал:

— Один никуда не отлучайся. Главный тренер категорически запретил.

— Всем?

— Да. На тренировку выезжаем в девять, собираемся в вестибюле.

Ян со всеми был на разминке, бегал в парке и два часа работал на снарядах в арендованном спортивном зале.

— В пять едем на прогулку, — перед отдыхом сообщил ему капитан.

— Кажется, обошлось, — обрадовался Ян. — Разговора не предвидится. — Теперь до матча капли в рот не возьму. И помалкивать буду, а то еще не выпустят.

* * *

Настал день матча. Столичные газеты вышли празднично: цветные заголовки и портреты боксеров украшали первые страницы.

После крепкого сна Ян чувствовал себя бодрым, способным выстоять против любого противника.

Солнце ярко светило в раскрытые окна номера. Легкий ветерок колыхал портьеры, приятно охлаждал тело.

— Сегодня я им покажу, как надо драться, — вслух говорил с собой Ширвис. — Никакая слава не спасет Берлунда. Меня ничто больше не гнетет. Штоль уладит дела с Лэйном.

А за обедом, видя, как Сомов холодно поглядывает на него, Ян забеспокоился: «А вдруг наши передумают, выставят против Берлунда Кирилла? Нет, не может быть, чепуха, — успокаивал он себя, — Кириллу не справиться».

Проглотив суп и второе, он раньше других поднялся из-за стола, прошел в номер и лег на диван.

«Все же почему с ним не разговаривает Сомов? И ребята как-то странно ведут себя: болтают о пустяках, о скором отъезде, а о матче ни слова. Перед боем не рекомендуется, что ли? Или, может, думают, что я выдохся, после нескольких рюмок потерял боевую

форму? Чудаки! Сегодня я постараюсь удивить всех. Дядя Володя кинется обнимать меня. Правда, я кажется, нагрубил ему. Но зато я видел Берлунда на тренировке и знаю, чем его пронять».

Ян больше часа лежал, рассуждая наедине, потом поднялся, не спеша уложил в чемоданы бинты, трусы, перчатки, халат и стал ждать, когда подадут автобус.

Автобус пришел в седьмом часу. Боксеры без обычных шуток уселись на места и с любопытством стали смотреть в окна.

На улицах Осло, ведущих к стадиону, было необычное оживление: люди густым потоком двигались на мотоциклах, автомобилях, велосипедах, пешком.

Полиция, видимо собранная со всего города, с трудом сдерживала напор толпы у входов на Зимний стадион.

Улицы и переулки, прилегающие к стадиону, сотрясала боксерская лихорадка. У закрытых касс стихийно возникали «черные биржи». Билеты перепродавались из рук в руки по невероятным ценам. Заключались пари, работали официальные и тайные тотализаторы.

Автобус с советской командой насилу пробился к стадиону. Нужна была ловкость и опытность устройствелей соревнований, чтобы боксеры могли незаметно пробраться в раздевалку, у дверей которой стоял наряд полиции.

И вот здесь, слыша за стеной гул толпы, заполняющей двадцать тысяч мест стадиона, Ян с затаенным волнением подошел к Сомову:

— Когда пойдем взвешиваться?

— Вам взвешиваться не надо,

— Как?

— Мы сделали замену.

— По какой причине?

— Вы, несмотря на все предупреждения, опять нарушили режим. Мы не имеем права рисковать в таком матче, — сухо объяснил Сомов.

Он держался официально, в глазах его был холод.

Ян онемел. Он ждал всего, но не отказа. Не выступить на таком матче? Нет, он никому не уступит своего права. Ширвис не зря ехал такую даль. Он готовился последние дни, делал все, чтобы побить Берлунда.

— Вы ответите за проигрыш, — с трудом выговорил Ян. — Я не прошу, подам рапорт, пойду в Высший совет физкультуры...

Лицо Сомова не менялось, на сегодня он запасся выдержкой.

— Успокойтесь и постарайтесь вести себя не хуже других, — сказал он. — Иначе никогда больше не попадете на международные матчи.

Ян готов был наброситься на Сомова и избить его. Ведь правильно Гарибан говорил, что этот сумасброд дисквалифицирует его. Почему не послали понимающего человека? Евгений Рудольфович не обратил бы внимания на небольшое опьянение. Он похвалил бы за разведку.

Ширвис сидел в раздевалке бледный, с побелевшими губами. Никто не сочувствовал ему.

«Ну хорошо, вы еще пожалеете!» — Он поднялся и, стараясь держаться непринужденно, спросил у Сомова:

— Надеюсь, вы не заставите меня сидеть за сторожа в вашей раздевалке? Может, разрешите пойти на трибуну? Мне ведь тоже любопытно взглянуть, как Берлунд разделает Кочеванова.

Сомов дал Яну билет в ложу запасных и строго предупредил:

— Только без фокусов.

— Не беспокойтесь, я боксер, на ваше звание покушаться не буду.

Ширвис гордо вскинул голову и, засунув руки в карманы, покинул раздевалку.

Негодую, он пробрался к киоску с газетами, у которого было назначено свидание с Лэйном и Штолем. Те уже ждали его.

— Приветствую, друг мой! Как самочувствие? Не намерен проигрывать? — спросил Штоль.

— По вине вашей милости, я сегодня не участвую в матче.

— Не может быть! Это ужасно. Мы оба поставили на тебя.

— После вашего рома у меня не так работали руки и ноги. Тренер заметил, что я не в форме, и заменил другим.

— Безобразие! Ты есть такой боксер! Нет, я ничего не понимаю. Ваш тренер не в своем уме. Может, ему нужно заплатить?

— Что вы! Разве такой возьмет!

Штоль перевел Лэйну, о чем идет речь. Маленький импрессарио явно встревожился. Он поставил на Яна немалую сумму. Лицо его покрылось мелким потом.

— А если все-таки попробовать переговорить с этим Сомовым? — допытывался Штоль. — Неподкупных людей мы никогда не видели.

— С ним не получится, — заверил Ян. — Только меня подведете.

— Что ж делать? Мы теряем очень много. А как ваш Кочеванов? Он может выиграть у Берлунда?

— Только по очкам. Берет быстротой и непробойной защитой. Нокаутов у него почти не бывает.

— Ага, понимаю... большое спасибо. Ты дал мне надежду, ведь ставки идут один к трем.

На всякий случай судетский немец передал Лэйну, чтобы больше ставок не принимали. Тот согласно закивал головой и моментально исчез в толпе.

Штолю от волнения захотелось пить. Он потянул Яна к стойке и заказал по бокалу пива.

В раскрытые окна буфета врвался глухой шум огромной толпы, скопившейся у входов на стадион. Публика все прибывала и прибывала.

Мест у ринга уже нельзя было достать даже за большие деньги. Билеты на далекие места перепродавались из десятых рук. Сумма денежных пари перевалила за сотню тысяч крон. Почитатели Берлунда выставляли три кроны против одной. Многие зрители остались ждать результатов боя на улице.

Начал накрапывать дождь. Публика поднимала воротники, раскрывала зонтики, но не расходилась.

Узнав у Ширвиса о его стычке с Сомовым, Штоль возмутился.

— Я не понимаю, — как возможно терпеть такой режим? У нас ты будешь почетным боксером. Смотри, как тебя печатают газеты! Ты уже фаворит.

— Скоро я заговорю по-иному, — пообещал Ян.

Опустошив бокалы с пивом и выпив по рюмке рому, они пошли в огромный зал и сели во втором ряду на места Штоля.

* * *

Ровно в восемь часов по скандинавскому времени боксеры выстроились на ринге. После коротких привет-

ствий команды обменялись памятными вымпелами и под гром аплодисментов освободили место для наилегчайших бойцов.

Ян до боли впился ногтями в свои колени; он дрожал от ненависти и обиды на Сомова.

Штоль сочувственно бормотал:

— Как не хорошо, как нечестно они с тобой сделали!

Кочеванов не видел, что делалось на ринге. Сомов запретил ему выходить из раздевалки. Старый тренер по собственному опыту знал, что в таких матчах, переживая за товарищей, устаешь больше, чем в бою.

Узнав, что ему придется драться с прославленным Берлундом, Кирилл спал плохо и утром не мог унять в себе внутреннего волнения. Пришлось рассказать об этом дяде Володе. Тот посмотрел в глаза и спросил:

— Надеюсь, — ты не боишься?

— Нет, но все-таки лихорадит.

— Полежи немного, отдохни и постарайся не думать о встрече. Со всеми такое бывает. А если кто говорит, что он не волнуется, не верь — врет. Даже профессионалы волнуются. Это естественное состояние организма, готовящегося к большим и трудным испытаниям.

Днем Кочеванов уснул, потом на прогулке в парке размялся и сейчас, лежа на жестком топчане, Кирилл прислушивался к гулу, доносившемуся с трибун, и разглядывал в спортивном журнале портрет Берлунда. По этой не очень ясной фотографии он пытался представить себе противника.

«Руки, кажется, длинней моих, — думал он. — Бой с дальних дистанций мне не выгоден. И опыт огромный! сто шесть боев провел норвежец, девяносто выиграл. Из них — двадцать три на международных матчах. Да-а, такого не скоро одолеешь. Говорят, что его на тренировке видел Ян. Вот ведь товарищ! Хоть бы поделился. Неужели Ширвис не болеет за команду? Я бы на его месте всячески помогал, даже в секунданты пошел бы. Не пойму, — как он может сидеть там спокойно?»

С трибуны вдруг донесся свист и усилившийся шум. Замигал световой сигнал с надписью «ринг». Это обозначало, что очередному боксеру пора приготовиться к выходу.

Невысокий худощавый юноша — боец наилегчайшего веса — вернулся в раздевалку с рассеченной надбровной дугой.

— Почти выиграл... и вот повреждение, — сказал он с досадой. — Доктор посмотрел и рукой машет — требует прекратить. Поражение присудили.

Пока у него останавливали кровь и прижигали ранку, успел закончить бой Севров.

Черномазый «петух» прибежал в раздевалку с букетом цветов.

— Ур-ра-а! — закричал он. — Побил! Два нокдауна подряд. Его тренер полотенце на ринг выкинул.

В двух следующих парах выиграла норвежцы. Руководители советской команды встревожились. В раздевалку пришел Сомов.

— Засуживают, — сказал он. — Трошин явно переиграл противника, а угловые судьи вывели ему меньше очков, чем тому. Мы, конечно, опротестуем, но просим всех оставшихся действовать на ринге собранной. Показывайте свое преимущество так, чтобы двух мнений не было, ни у судей, ни у публики. Сегодняшний матч — хоть кровь из носу! — надо выиграть.

Кириллу дядя Володя посоветовал:

— Разогреться начни минут за двадцать до выхода. План боя остается прежний. Секундантом я у тебя буду. В случае чего на ходу перестроимся.

Следующие два боя с большим преимуществом выиграла советские боксеры. Происходило невиданное — шесть схваток привели к ничейному результату. Зал клокотал. Счет был настолько напряженным, что даже судьи, сидевшие за высоким столом, когда вышел на ринг «Надежда Норвегии», «Творец нокаутов» — Берлунд, радостно захлопали в ладоши. Вот она, быстрая и блестящая победа, которая принесет ощутимый перевес в ходе матча!

Обычно Берлунд еще до удара в гонг, когда лишь начиналась психологическая борьба, одним своим выходом на ринг и видом побеждал противника и видел в глазах его невольный страх. А сегодня, взглянув на Кочеванова, он встретил только спокойное любопытство. Русский разглядывал его без всякого почтения.

«Самоуверенный парень», — подумал Берлунд и начал с угрожающим видом разминать перчатки, гулко ударяя одну о другую.

Это развеселило публику, знавшую, как их Ялмар Берлунд разделяется с противниками.

После гонга наступила тишина. Зрители заметно подались вперед и замерли в ожидании первого удара.

— Все внимание разведке, — успел шепнуть Сомов Кочеванову.

Хорошо, Кирилл будет зорок, постарается не подчиниться противнику и провести свой план боя.

Противники сошлись на середине ринга для традиционного пожатия рук, затем отпрянули в стороны и, покачивая кулаками, стали ходить слева направо по кругу, не спуская глаз друг с друга.

Кочеванов ждал нападения. А Берлунд, пригибаясь и покачиваясь, не спешил. В его движениях чувствовалась игра сильного и самоуверенного бойца.

Кирилл любил первый раунд за ту легкость и неведомость, которые ощущаешь во всем теле. Рука идет вперед, едва лишь задумаешь ударить, а ноги мгновенно уносят от опасности, как только краем глаза заметишь, что противник собирается напасть.

После обмена легкими ударами их руки на мгновение переплелись. Норвежец, поняв, что без хитростей эту хорошо защищенную крепость не возьмешь, оттолкнул от себя Кочеванова и на расстоянии начал плести тонкую сеть обманных ударов.

Высокий статный Берлунд, конечно, немного рисовался. Ведя бой издалека, он не стремился до времени обострять отношений. Пусть публика полюбуется его виртуозной техникой. Ведь не зря же он отработывал свои движения до изящества, до балетной легкости.

Правой рукой Берлунд как бы фехтовал, разведывал обстановку, вызывал Кочеванова на атаку. Кирилл догадывался, что противник навязывает бой, чтобы раскрыть его, а потом неожиданно пустить в ход «тяжелую артиллерию» — свой левый кулак. Нужно было разбить его замыслы. Не обращая внимания на яростные финты Берлунда, Кирилл упрямо шел на сближение. Он не давал использовать длину рук.

Видя, что такой способ ведения боя не дает перевеса, норвежец изменил тактику, стал сближаться, стре-

мясь нащупать брешь в обороне противника. Но и эта тактика ничего ему не дала. Было ясно только одно, что у русского изумительное чувство расстояния. Он держался на неуловимой грани избранной им дистанции. Нельзя было предвидеть, что в следующее мгновение предпримет этот настороженный парень. То он избегал сближений, то почти сталкивался, наносил с невероятного положения удар, нырком уходил под руку и, точно ничего не сделав, опять стоял ошестинившись кулаками.

Берлунд никак не мог приноровиться, попасть в ритм этих молниеносных нападений. Он видел, что русский не стремится срывать аплодисменты у зрителей, но изумительно владеет прямыми ударами: правой наносит их так быстро, что невозможно успеть делать подставки и закрываться.

Берлунда вскоре стали удручать эти быстрые, как вспышки, тычки и безошибочная защита. Казалось, что советский боксер улавливает каждый промах.

Бой из соревнования в силе и выносливости вдруг превратился в напряженную психологическую борьбу.

«Нужно простыми путями идти к победе. К черту психологию!» — наконец решил чемпион Норвегии и пустил в ход свой сокрушающий левый кулак.

Публика, измученная загадочными маневрами непонятной для них борьбы, облегченно вздохнула. Теперь все будет проще — Ялмар пушечными ударами измотает неподатливого парня.

Но схватка мало чем изменилась, — русский упрямо не желал принимать навязываемую манеру боя.

Кирилл сообразил, что ему нет никакого смысла опережать каждый удар противника, так как этим он невольно принимал предложенный темп и подчинялся чужой воле, стал сбивать ритм норвежца, заставляя его приспособливаться к себе.

Ширвис, наблюдавший бой, не мог усидеть простым зрителем. Он двигал кулаками, помогал Берлунду движением плеч, толкал соседей локтями и коленями. Он страстно желал поражения Кириллу.

К перерыву Ян более распалился, чем бойцы на ринге.

Во втором раунде заново началась волевая борьба. Для победы нужно было рисковать. Берлунд, поняв, что в быстром темпе он не сумеет открыть противника,

решил действовать, как когда-то действовал его учитель — швед Петерсон. Тот принимал каждый удар и подавлял противника своей нечувствительностью. Чемпионы мира боялись встречаться с этим железным человеком.

«У русского, кажется, не очень сильные удары», — решил Берлунд и, почти не защищаясь, двинулся вперед. Он готов был превозмочь боль и этим обескуражить Кочеванова.

Кирилл в пылу борьбы не замедлил воспользоваться безрассудной отчаянностью норвежца и сразу же почувствовал, что его кулаки перестали останавливать противника; тот, словно сделавшись тверже и жестче, после крепкого крюка или прямого удара лишь встряхивал головой и снова бросался в атаку. Норвежец не тратил времени на защиту и поэтому получил возможность наносить больше ударов. Кирилл проигрывал раунд по очкам. Необходимо было, не теряя ни секунды, перестраиваться. И он тоже смело раскрылся, действуя по методу: «клин вышибают клином».

Теперь они дрались, пренебрегая защитой, стараясь пронять друг друга кажущейся нечувствительностью. Они оба обладали большим терпением, и это обострило бой.

До предела наэлектризованная публика разжигала их выкриками и бешено была в ладони. Хлопки и шум не прекращались.

И вот левая рука Берлунда, наконец, угодила в висок Кочеванова. Кирилл на мгновение замер и, не удержавшись на ногах, упал.

Взрыв восторженного рева покрыл все.

Но это был не нокаут, русский нашел в себе силы подняться до счета «восемь» и принял прежнюю боевую стойку.

«Тактика верна, — обрадовался Берлунд. — Победа приближается. Теперь пусть противник выдержит мой темп боя». Не жалея рук, он начал хлестать Кочеванова и левой и правой. Он финишировал, вкладывая в удары всю силу.

Кирилл понял, какую ошибку он совершил, приняв предложенную противником манеру вести бой. Отбиваясь встречными, он стал уходить из-под тяжелых ударов.

Крики одобрения понеслись со всех концов стадиона. Публике казалось, что советский боксер выдохся, что

он не может драться на равных с их чемпионом и поэтому отступает, уклоняется от ближнего боя.

В конце раунда наступил такой момент, когда все зрители повскакивали с мест, уверенные в том, что сейчас Берлунд уложит противника. Но Кочеванов, вдруг резко изменив тактику, неожиданно сбил его на землю.

Это был нокдаун за нокдаун.

Безрассудство второго раунда обоих противников вымотало. Они едва переводили дыхание.

Дядя Володя, обтирая мокрой губкой затылок, шею и грудь Кирилла, шептал:

— Как он тебя завлек на этот идиотский открытый бой? Держись старой тактики — не пропускаяй ни одного удара. Ты победишь.

В третьем раунде оба противника заново стали наступывать друг друга. Иногда их перчатки были так близки, что касались одна другой, но это не вызывало вспышек и взрывов. Лишь время от времени боксеры награждали друг друга легкими бесцельными тумаками. Они тщательно закрывались, сохраняя энергию для решающего момента.

Такой трудной схватки норвежцу еще не приходилось переживать. Русский поражал тем, что действовал в более быстром темпе, чем мог предложить Берлунд. Правда, он осыпал не очень сильными ударами, но частыми и назойливыми. Они раздражали, выводили из себя. Казалось, что русский ударяет, куда вздумает, и блокирует, как хочет. Это угнетало. «Неужели ничья? — досадуя, думал норвежец. — Надо найти хоть какую-нибудь щель в защите».

Работая в полсилы, Берлунд стал зорко всматриваться. Вот он заметил, что левый локоть Кочеванова при защите бывает приподнят. Ударом под последнее ребро можно было лишить его дыхания. Но здесь могла точно действовать только правая рука, а в нее Берлунд не верил. Требовалось найти цель для левой. Он напряг все свое внимание и вспомнил, каким ударом был сбит русский, обрадовался. «Ход найден. Правой под ребро... тот инстинктивно прижмет локоть... левой — в голову».

Найдя удачный ход, Берлунд однообразными, повторяющимися комбинациями стал приучать Кочеванова к иной защите. Ему надо было усыпить бдительность

противника. И норвежец короткими тычками атаковал область сердца, то переходил на «свинги»,¹ исподволь готовясь к удару, в который будет вложена вся сокрушающая сила левой руки.

Кочеванов с такой же осторожностью расчищал путь к своей цели. Он терпеливо ждал, когда уязвимое место Берлунда — подбородок — будет меньше всего защищен.

Дважды казалось, что он уже уловил этот момент, но боязнь неточным попаданием надоумить норвежца плотнее закрыться останавливала его руку, уже шедшую на удар.

Оба бойца осторожно продвигались к намеченной цели. Их собранность, глухая сосредоточенность, предвещавшая неожиданные действия, заставила насторожиться трибуны. Томительная тишина охватила стадион. До конца раунда оставалось менее минуты.

Вот уже локоть Кочеванова почти не защищает печени. Последнее напряжение воли... Берлунд, резко ткнув правым кулаком в бок, отдал всю тяжесть тела левой руке...

Кирилл, предвидя это, чуть уклонился и быстро послал правую руку навстречу — в открытый подбородок норвежца... Он успел сжать пальцы в последнее мгновение и почувствовал резкий толчок. Попал!

Удар был так чист, что Берлунд упал на землю, не ощутив боли. Лежа спиной на жестком помосте, он еще работал ногами, не веря в свое поражение. А судья, как метроном, отсчитывал секунды:

— Семь... восемь... девять... Аут!

Публика онемела. Свершилось непоправимое. — Ялмар, их надежда и гордость, нокаутирован.

В наступившей тишине раздались робкие аплодисменты, которые были подхвачены трибунами. Напряженным нервам нужна была разрядка.

Кочеванову не дали прыгнуть на землю. Его подхватили десятки рук и, под приветственные выкрики, понесли через весь зал.

Ширвис сидел потрясенный, считая себя нагло ограбленным. Он, кому должна была принадлежать эта буря восторгов, затерялся здесь, в бушующем море маленьких человечков.

¹ Свинг — боковой удар.

— Идем... уйдем отсюда!

Ян схватил Штоля за рукав и, яростно работая локтями, поволок к выходу.

Матч продолжался. На ринг вышли бойцы полутяжелого веса. Бой опять был горячим. Стадион снова зажил одним дыханием с боксерами.

Норвежцы делали все, чтобы сравнять счет. Схватка полутяжеловесов чуть не окончилась новым поражением, ее насилу свели к ничьей. Ждали победы от чемпиона тяжелого веса, а произошло непонятное — огромный непревзойденный Ула Квестад был нокаутирован на третьей минуте сухощавым русским крепышом, который сам бросился поднимать поверженного противника.

После окончания матча публика с галерки сбежала вниз и, сгрудившись у помоста, скандировала и была в ладоши до тех пор, пока не вышли на ринг все советские боксеры.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В аэроклубе Ирину готовили к полетам на спортивном моноплане, который мог подняться на такую высоту, на какой еще ни одна женщина не бывала. Прежде чем сесть в новый самолет, летчица должна была пройти испытания в специальной барокамере.

После врачебного осмотра Большинцова собралась пойти в соседнее помещение, но ее вдруг позвали к общему телефону.

По едва уловимому акценту и голосу она узнала старого Ширвиса. Эдуард Робертович интересовался:

— Ну как, Ириночка, не сильно волнуетесь?

Ирина, полагая, что речь идет о барокамере, бодро ответила:

— Чего волноваться? Это же на земле!

— На земле-то на земле, но не на своей. Вся публика будет желать поражения. А вы знаете, что такое для боксера моральная поддержка? Половина выигрыша.

Поняв, что старика волнует выступление Яна на сегодняшнем матче в Осло, Ирина смутилась.

— Да, да, конечно, — поспешила согласиться она. — Может, им телеграмму послать?

— Это не помешает. Но как вы думаете, — почему он не участвовал в матче в Тронхейме? Судя по газетам, там дрался в среднем весе какой-то Кочеванов.

— Не какой-то, а Кирилл! Наш хороший друг. Яну, видно, дали отдых перед решающей схваткой.

— Вы правы; мне это и в голову не пришло. Володя, конечно, бережет его. Не хотите ли сегодня прокатиться на автомобиле?

— К сожалению, не смогу, — готовлюсь к высотным полетам.

— Это очень опасно?

— Не больше, чем обычно. Но до полетов еще далеко; меня пока испытывают на земле.

— А вечерами вы не скучаете?

— Понимаете, никак не выберу для этого времени.

— Ну-ну, скрываете! — не поверил Эдуард Робертович. — Я знаю, что такое в ваши годы ждать. Вы хоть к нам заходите, не гордитесь, — просил он. — Бетти Ояровна рада видеть вас.

«Не буду я к вам ходить», — хотелось сказать Ирине, но, боясь обидеть старика, она пообещала:

— Хорошо, постараюсь, если выдастся свободная минута. Передайте привет Бетти Ояровне.

Повесив телефонную трубку, Ирина поспешила в барокамеру. По пути она не без досады на себя думала: «И все-то у меня не как у людей. Надо решиться и все сказать Яну».

Испытательная комната, куда ее привели, мало чем отличалась от обычного врачебного кабинета: два больших окна, белый стол, стулья, крытые клеенкой, и лишь в углу высилась стальная камера с крошечными иллюминаторами.

Старший врач заметил рассеянность Ирины.

— Что с нами случилось? — заботливо спросил он, нащупывая пульс.

— Ничего, пустяки.

Врач недоверчиво посмотрел на летчицу и велел приготовиться ассистенту.

— Если вам станет плохо, — предупредил он, — немедленно останавливайте.

Длинноногий ассистент, натянув на лицо кислородную маску, открыл железную дверцу со стеклянным

«волчком» и, сгибаясь чуть ли не пополам, пролез в барокамеру. Ирина, надев шлем без маски, последовала за ним.

Тяжелая дверца захлопнулась. В камере стало тихо, как в погребу. За стенкой загудел мотор, начали работать насосы. В лицо дохнуло холодом. Ирине показалось, что она, круто взмыв, стремительно летит вверх. Ее окружал уже горный воздух, дыхание становилось затрудненным.

Старший врач, следивший за манометром, сначала показал в иллюминатор два пальца, потом три, четыре. Это означало, что они «поднялись» на высоту в четыре тысячи метров. Лицо у летчицы порозовело. Ассистент, сжав ее запястье, стал прощупывать пульс. Сердце работало хорошо. Можно было подниматься выше.

«Так сжимал руку и Ян, когда прощались на вокзале. Он уверен, что я его жду. И родителям похвастался. С этим надо кончить. Нельзя вводить людей в заблуждение».

Врач показывал в волчок уже пять пальцев. Ирина, занятая своими мыслями, не следила за счетом. «А вдруг сегодня не Ян будет драться, а Кирилл? — встревожилась она. — Он же не очень подготовлен. Уехал в спешке, даже окна не закрыл».

Вчера утром Ирина по привычке посмотрела на его окно и вдруг увидела, что из него выбрался рыжий кот. «Какой Кирилл неаккуратный, — отметила она про себя. — Надо бы захлопнуть». Недолго размышляя, девушка вылезла на крышу и, держась за оградительную решетку, подобралась к открытому окну Кочеванова. А там, не в силах сдержать любопытства, прошла в комнату. Интересно, — как Кирилл живет?

На столе она увидела лист ватмана, весь испещренный ее именем. «Ира», «Ирочка», «Ируша», «Ирина Михайловна».

Насосы продолжали работать. Дышать стало труднее; слегка кружилась голова. В монотонном гудении мотора Ирине почудились звуки знакомой музыки. «Где она их слышала? Год назад, осенью, в спортивном лагере. Да, да, они танцевали. Какой это был легкий танец!» Незаметно для себя девушка покачивалась в такт едва уловимой музыки. Она вспомнила всё: и веранду,

и Кирилла, уныло прислонившегося к дереву, и полную луну над садом...

Ассистент, внимательно следивший за состоянием летчицы, отметил про себя: «На высоте в шесть тысяч метров заметная веселость!» В его практике были случаи, когда люди на такой высоте начинали петь.

Они прошли шесть... семь тысяч метров, перемахнули за восемь, а Большинцова все еще не давала сигнала к остановке. Ассистент начал беспокоиться. Врач показывал в волчке уже девять пальцев — высота для женщины огромная. Ассистент тронул летчицу за плечо. Она попробовала встать и сразу почувствовала, что не может этого сделать. Огромное давление стеснило ее грудь, ноги отяжелели, в ушах шумело. Боясь потерять сознание, Ирина через силу подняла руку.

Ассистент открыл все краны. «Высота» медленно начала падать.

— Зачем вы спускаете? — придя в себя, запротестовала летчица, но было поздно, — камеру наполнила земная атмосфера. Состояние у Ирины было таким, точно она действительно совершила высотный полет. Хотелось размяться и отдохнуть.

Старший врач, осмотрев ее, остался доволен.

— Молодцом. Сердце в норме. Пульс достаточного наполнения. Вам могут позавидовать многие мужчины.

* * *

Старый Ширвис, прослушав у радиоприемника последние спортивные известия, встревожился: «Почему Ян опять не участвовал? Не случилось ли что с ним?»

Он позвонил своему приятелю — начальнику Морского порта и, объяснив, какая мысль его тревожит, спросил: нельзя ли связаться с Осло по радио?

— Устрою, — ответил тот. — В порту Осло наш теплоход. Кого вызвать?

— Моего Яна или их руководителя — Владимира Николаевича Сомова.

— Есть, вызову. Приезжай.

Ширвис потребовал машину и поехал на радиостанцию Морского порта. Зная, что ждать придется долго, он отпустил шофера домой.

Ждать действительно пришлось часа два. Наконец ему сказали, что у микрофона Сомов.

— Володя, это ты? — недоверчиво спросил Эдуард Робертович, а узнав голос старого друга, обрадовался: — Здравствуй, дорогой! Поздравляю с победой. Прости, что потревожил. Мать и я волнуемся. Что с Яном? Почему ничего не слышно о нем? Не заболел ли?

— Нет, Эдуард, медики ему не нужны. Но порадовать тебя не могу... он ведет себя хуже, чем я предполагал, — ответил Сомов. И даже сквозь треск в эфире чувствовалось, что он с трудом сдерживает досаду и раздражение. — Был не в форме, пришлось заменить.

— Алло! Что такое? Почему? — встревожась, допытывался Ширвис.

— По радио не скажешь. Были серьезные причины. Он дважды пропал и возвращался в непотребном виде.

— Не может быть! Володя, он никогда этим не грешил.

— К сожалению, я сам в этом убеждался.

— Позови его немедленно к микрофону! — потребовал старый Ширвис.

— Я бы позвал, но его сейчас нет в гостинице. Ян исчез после матча. Ребята искали всюду и не нашли. Он якшается с какими-то неизвестными нам людьми.

— Как ты мог допустить? Я так надеялся на тебя, Володя!

— Не укоряй, я ведь предупреждал. Поблагодари за все Гарибана.

— Что же ты предпримешь? — допытывался упавшим голосом Эдуард Робертович. — Даю тебе все отцовские права. Поступай, как мог бы поступить я.

— Не волнуйся, сделаю все возможное. Бетти пока ничего не говори.

— Хорошо, Володя. Разущи Яна сегодня же и скажи, что я в ярости. До встречи!

Закончив разговор, Ширвис почувствовал, как запыло у него сердце. Боясь упасть, он сел на скамейку и стал вспоминать все, что сказал Сомов. Но это не принесло успокоения.

«Ах, негодяй, в такой день убежать от своих! — возмущался Эдуард Робертович. — Чем набита его голова? На что, подлец, надеется? Ведь больше ему не попасть

в такую поездку! Впрочем, это к лучшему. Я заставлю его учиться и работать. Пусть узнает, как добывается кусок хлеба. Слишком легко ему все доставалось».

«Теперь дела не поправишь, — размышлял Ширвис. — Куда пойдешь, на кого пожалуешься?.. Может, поехать туда, схватить за ворот нашкодившего щенка, встряхнуть и палкой погнать к дому?» Но другой голос издевался над ним: «Как же! Тебе немедля дадут отпуск и визу. Ты воспитал чудесного сына! Поезжай, обними его на радостях».

Как же быть? Что предпринять? А вдруг он действительно соблазнится и останется там?

Ширвис закусил губу и застонал. Он больше не мог сидеть в помещении, ему не хватало воздуха.

Сильно горбясь, он с трудом поднялся и, по-стариковски волоча ноги, вышел на улицу.

На площади на него пахнуло свежестью моря; он услышал шум прибора родной Балтики. Эдуард Робертович стоял под тополем и не мог надышаться. Ночной ветер нес запахи смолы, дюн и водорослей, как в прежние времена, когда он рулевым стоял за штурвалом и брызги летели в лицо. У него тогда было молодое, сильное сердце, а сейчас оно предательски набухает, становится все тяжелее и начинает болеть. Сегодня, как никогда, он ощущает отработанный мотор, которому тесно в груди.

А замены Ширвис не вырастил. Кому передать эстафету, со всем тем, что сделал он? Хоть бы внук, хоть бы... А что, если?..

Нащупав в кармане серебряную монету, Ширвис прошел в кабину телефона-автомата и позвонил Ирине.

Девушка спросонья ничего не понимала.

— Какой внук? Внука здесь не было. У меня? Почему у меня?

Ширвису хотелось как можно спокойнее все объяснить ей, но от волнения он мешал латышские слова с русскими, говорил о море, о надеждах, обо всем, что мучило его, боясь прямо сказать главное.

Ирина слушала его с закрытыми глазами. Сон одолевал ее. Она силилась понять невнятный голос старика, но у нее ничего не получилось: доносились лишь обрывки фраз.

— Вы позвоните утром; сейчас я все перепутаю, — попросила она. — И пожалуйста, не волнуйтесь, вам вредно.

Ширвис опомнился: «Зачем я тревожу ее? Пусть спит спокойно». Попросив прощения за нелепый разговор, он дал отбой.

Часы показывали второй час ночи.

«Куда же поехать? Домой бессмысленно, — Бетти сразу поймет, да и не уснешь. Может, к Гарибану? Ну конечно! Почему этот боров безмятежно спит? Пусть он мне расскажет, какие у них были разговоры и кто в Осло совращает Яна».

Он опять зашел в кабину, позвонил на квартиру к Гарибану и, услышав молодой женский голос, потребовал:

— Позовите к телефону Евгения Рудольфовича.

В трубку некоторое время доносилось шуршание и шепот, словно на том конце провода мембрану прикрывали рукой и совещались. Потом вновь послышался тот же голос:

— Доктор спит; он так поздно не подходит к телефону. Что ему передать?

— Он не должен спать в такой день. Сейчас же разбудите и скажите: «Нужен по срочному делу Ширвису».

— Простите, я сейчас...

Это была Кальварская. Она пришла к Гарибану послушать репортаж из Осло. Его передавали по радио в первом часу ночи. Зося надеялась узнать хоть что-нибудь о Яне. Но о нем не сказали ни слова. И вдруг неожиданный звонок старого Ширвиса.

Гарибан нехотя взял переданную трубку.

— Эдуард Робертович? Чем могу служить?

— Мне нужен разговор с вами. Надеюсь, вы будете дома?

— Но сейчас ночь...

— Для наших дел не может быть ночи. Вы должны ждать меня, — настаивал Ширвис.

— Хорошо, заходите. Такова, видно, судьба тренеров и врачей. Я вас жду.

Гарибан снял пенсне и, протирая стекла, стал размышлять: «Для чего я так поздно понадобился Эдуарду? Будет выпытывать или сам имеет вести оттуда?»

Зря он не позвонит. Разговор лучше вести без свидетелей».

— Тебе, Зося, придется уйти, — сказал Евгений Рудольфович. — Неудобно, если в такой поздний час старик застанет у меня.

— А вдруг что-нибудь новое?

— Все равно. Позвонишь утром и узнаешь.

Выйдя на улицу, Зося все же стала ждать старого Ширвиса, желая спросить: не знает ли он что-либо о Яне?

Вскоре из соседнего переулка подкатило такси и остановилось под фонарем.

Из автомашины выбрался на панель высокий, немного горбившийся седой человек. Вид у него был такой суровый, что Зося не решилась подойти и спряталась за ствол тополя.

Эдуард Робертович прошел в открытую парадную и стал медленно подниматься по лестнице. До четвертого этажа он добирался минут пять. Отдохнул, прислонясь к стене, и позвонил.

Дверь открыл сам Евгений Рудольфович. Сверкая стеклами пенсне, он широким жестом пригласил пройти и тут же не без тревоги подумал: «Стряслась какая-то беда».

Ширвис был бледен, под глазами набухли синеватые мешки. Одышка не давала сказать ему слова. Спотыкаясь, он прошел за Гарибаном в кабинет и там тяжело опустился в кресло. Евгений Рудольфович сначала с укоризной смотрел на него, а потом по-профессиональному рассердился:

— Что вы делаете с собой? Разве можно так! На вас лица нет. Как отпустили родственники? Я сейчас же позвоню жене.

— Не надо, — подняв руку, слабым голосом запротестовал Эдуард Робертович. — Она не знает, что я поехал к вам.

— Но это же легкомыслие. Вы могли свалиться на улице.

— Ничего, я не свалюсь... не беспокойтесь. Вы лучше скажите, — кого я должен благодарить за поведение Яна?

Гарибан, будто не слыша его, не торопясь отсчитал двадцать пять капель, налил из графина в стаканчик воды и, повернувшись, строго сказал:

— Выпейте ландышевых; они успокоят.

— Мне не надо вашего покоя. Я спрашиваю, — кто виновник моего несчастья?

— Виноват один. Зовут его Владимиром Николаевичем. Вы же знаете сомовский характер? Нужно было ждать, что он отстранит Яна.

— Прежде я таких разговоров не слышал.

— Я всюду твердил... самодура Сомова нельзя посылать, он отравит жизнь молодежи, будет пакостить и вредить чужим ученикам...

— Вы это и Яну сказали? — перебил его Эдуард Робертович.

— Н-н... — замялся Гарибан. — Может, что-то такое говорил, не помню. У вас какие-нибудь новости?

— Да, очень хорошие новости! Он ведет себя, как последний идиот. У вас, говорят, этому научился, бражничает там.

— У меня? — изумился Евгений Рудольфович. — Да я месяцами спиртного в рот не беру. Клевета, инсинуации Сомова! Наоборот, я учил Яна вести себя так, чтобы не давать повода...

Остро взглядевшись в глаза Гарибана, Ширвис уловил в них растерянность и тревогу.

— Лжете! — крикнул он, ударив кулаком по столу. — Я Володю, как себя, знаю... Мы из одного котелка...

Он сделал такое движение, точно хотел подняться, и вдруг схватился за грудь. Старому Ширвису показалось, что в этот момент в комнате с треском лопнула электрическая лампочка... Горячий и острый осколок ее застрял у него под лопаткой. Боль отдалась в левый локоть. Стало темно...

Эдуард Робертович хватал открытым ртом воздух, а в легкие, казалось, ничего не поступало. Внутри жгло. И, точно издалека, доносился настойчивый голос Гарибана:

— Выпейте.

Ощувив на губах холодное стекло, Ширвис сделал несколько судорожных глотков, и ему как будто стало легче.

— Вам нельзя быть в помещении. Здесь слишком душно. Выйдемте на улицу, — вкрадчиво просил Гарибан.

Он профессиональным чутьем угадывал, что это не простой припадок, и в раздражении думал: «Не хватало, чтобы инфарктник в моей квартире застрял месяца на два. Его не позволят перевезти. Надо скорей спровадить». И Евгений Рудольфович с еще большей настойчивостью стал уговаривать:

— Я вас провожу, мы поговорим по дороге.

Гарибан помог Ширвису подняться, надел на его голову шляпу и, бережно поддерживая, вывел на ночную улицу. Там они оба отдышались и медленно поплелись дальше.

Высоко в небе стояла бледная луна. Слабый ветер перебирал листья деревьев. Гарибан довел Ширвиса до скверика, усадил на скамейку в тень деревьев и с нескрываемым раздражением спросил:

— Что там стряслось с вашим Яном?

Эдуард Робертович молчал. Ему было плохо, к горлу подкатывалась тошнота. В сердце торчал острый раскаленный осколок. Он сжигал все внутри. В голове звенело...

— Говорите, — что вам удалось узнать?

Ширвис, видимо, желая любым способом вдохнуть воздух, приподнялся, чуть развел руки и... со стоном рухнул на скамейку.

Гарибан нагнулся над ним, дрожащими руками зажег спичку и, увидев пузырящуюся на губах кровь, понял: «Умирает! Надо скорей вызвать „неотложную“».

Он выбежал из скверика, чтобы позвать дворника, но тут же одумался: «А зачем? Ему уже не поможешь, а беду на себя накличешь. Любой скажет: «Вы же врач, видели, в каком состоянии человек. Как могли вывести его на улицу? А если он оправится и сообщит, что я его покинул?»

На тускло освещенной улице не было видно ни дворников, ни милиционера.

«Да лучше не звать. Ведь никто не знает, что он пошел ко мне. Так будет естественней: старик бродил по городу, расстроенный историей с сыном. Стало худо, присел на скамейку и, не имея помощи, скончался».

Гарибан вернулся в скверик. Ширвис еще хрипел. Евгений Рудольфович поднял его холодную руку и стиснул запястье. Пульс не прощупывался. «Кончается, — понял врач, — Вызовы бесполезны».

Определив это, Гарибан поднялся, огляделся по сторонам: «Не видел ли его кто здесь?» И, вытерев платком взмокшие от волнения лицо, шею, пошел прочь по самой затемненной части скверика.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Покинув стадион, Ян со Штолем поехали разыскивать Лэйна. В гостинице маленького импрессарио не оказалось.

— Тогда мы его «На обрыве» найдем, — заверил детский немец.

И они помчались на окраину города. В темноте накрапывал дождь. Где-то далеко рокотал гром. Освещенный фарами мокрый асфальт, казалось, дымился.

Ширвису было жарко. Опустив боковое окно, он то и дело высовывал голову, подставляя ее холодным, секущим струям дождя.

От обиды боксеру хотелось кричать и буянить, а Штоль, учитывая его состояние, сочувственно вздыхал и говорил:

— Твою жизнь надо сделать лучше. Мы найдем Лэйна, я буду помогать.

Ян не слушал его; он приглаживал мокрые волосы горячей ладонью и думал о мести Сомову. «Я напишу письмо в Высший совет физкультуры. Я сумею оправдать себя. Пусть пакостнику накостыляют за все».

Дождь внезапно стих. Насыщенный озоном воздух бодрил и освежал. Машина, разбрызгивая пенистые лужи, приближалась к скалистым обрывам над Осло-фиордом.

Яна вдруг охватило беспокойство: «А то ли я делаю? Наши меня будут искать». Но раздумывать было поздно; машина круто свернула в сторону и, пройдя сотню метров, остановилась у ресторана, построенного из толстых и темных бревен на манер жилищ викингов.

Штоль любезно подтолкнул Ширвиса.

— Я думаю, он будет здесь.

И они действительно нашли Лэйна за круглым столиком на террасе. Пучеглазый импрессарио не торопясь, причмокивая, обгрызал цыпляче крылышко. Видно было, что он кого-то ждет. Перед ним стояло несколько

бутылок вина, нарезанный на куски арбуз и два чистых прибора. Увидев Штоля с Яном, он бросился к ним навстречу и что-то сказал судетскому немцу. Тот одобрительно похлопал его по плечу и пригласил Яна за столик.

Лэйн, довольно потирая руки, позвал мальчика для поручений. Пока он разговаривал с ним, Штоль пояснил:

— Мы могли немного разориться, но ваш Кочефанов помог получить не дурной выигрыш. Можно хорошо кутить. Лэйн вызывает Божену.

— Не надо, — запротестовал Ширвис. — Через час я должен вернуться к своим.

Штоль удивился:

— После всего случившегося ты имеешь желание просить прощение? Тебе как чемпиону надо показать самолюбие.

— Понимаете, у меня старики... отец с матерью.

— Какой боксер думает о папе с мамой? — с укоризной сказал судетский немец. — Не надо говорить стыдные слова.

Видя, что убеждать его бесполезно, Ян с досадой выпил глоток вина и попросил скорее начать разговор о деле. А тот не спеша жевал бифштекс и переговаривался с импрессарио.

— Кушайте, — предлагал Тодор Штоль. — Зачем такое расстройство? Все идет хорошо!

«Ведь один ответ за все, — подумал Ян. — Часовое опоздание не увеличит вины. Приеду позже». Он придвинул к себе жаркое, начал терзать его ножом и жевать большими кусками, не ощущая вкуса.

Вскоре появилась Божена. Ширвис холодно пожал ей руку. Словачка сделала недоуменные глаза. Неужели боксер еще сердится на нее? Но он сам виноват. Такой стремительностью, какая была у него, можно напугать любую девушку. Теперь она лучше знает его и постарается не ввергать в неприятности. Им надо выпить за хорошие отношения.

Ян не возражал. Божена, сев с ним рядом, попросила наполнить бокалы.

Словачка без умолку тараторила, громко смеялась и пила по-мужски. Ян старался не отставать от нее.

Он быстро пьянел. Перед ним туманились лица соседей, гудели качающиеся абажуры, звенели столы, колыхался, как корабельная палуба, пол террасы.

Вот она, эта неизведанная жизнь странствующего чемпиона бокса. Незнакомый город... ласковые глаза женщин. Певучая, едва понятная речь.

— Оставайся в Скандинавии, — обняв Яна за плечи, предложил Штоль. — Не надо бояться, я все сделаю.

А кого и когда Ян Ширвис боялся? Он хлопнул по столу так, что на скатерть из бокалов выплеснулось вино, и выкрикнул:

— Я буду сидеть здесь, сколько хочу, и никто мне не помешает. Скажите, чтобы играли громче.

Ян подхватил Божену и пошел с ней танцевать.

— Вы будете моей переводчицей, — бормотал он, двигаясь в медленном танго. — Я уложу всех ваших чемпионов. Берлунд для меня на три минуты...

Божена благодарила его и смеялась. Запах ее духов дурманил голову.

В перерывах Ян пил ледяную воду, макал в коньяк бледно-розовые куски арбуза, глотал мороженое. Ему было душно, кружилась голова.

Изнывая от жары, Ширвис расстегнул ворот рубашки и, стараясь ступать как можно тверже, спустился в садик.

Подойдя к застывшему на обрыве дереву, он прислонился к его корявому стволу и стал вдыхать влажный ночной воздух.

На темных водах Осло-фиорда дрожали и расплывались желтые огни. За ними на возвышенности виднелись силуэты высоких башен. Вдали Яну почудились стены Петропавловской крепости. От этого щемящая тоска овладела им. Он вернулся к столику и, облокотясь на мокрую, облитую вином скатерть, закрыл лицо руками.

Где-то там, на далеких родных Невках, ребята сейчас выезжают на лодках к взморью. Луна серебрит их весла. Им весело, вот-вот затянут песню... А у Яна уже нет права сесть рядом с ними.

Где-то веселятся Ирина и Зося. Они никогда не пойдут с ним под руку по сумеречным аллеям парка. Никогда!

Ян залпом выпил стакан пива и налил другой.

Никогда к его постели не подойдет мать, не порадуется успехам отец. Никогда!

Ширвис глотал горькое пиво, и жажда не покидала его. Оркестр играл что-то надрывное и тягучее. Казалось, что скрипки и саксофоны отпевают Яна. Боксеру хотелось плакать.

Отвернется от него, конечно, и Борис Валин. Не подаст руки подлец Кирюшка! Не скажет доброго слова дядя Володя. Никогда!

Ширвис стукнул стаканом по столу. Стакан, жалко звякнув, разлетелся вдребезги.

— Пойду к своим, — решительно сказал Ян и, опрокидывая стулья, направился к выходу.

Штоль нагнал его, схватил за плечи и повернул к себе.

— Не делай глупость! Лэйн забыл все бумаги дома. Нам надо достать их. Иди садись на свое место.

— Не хочу!

Ширвис стряхнул со своих плеч руки Тодора. В глазах Штоля загорелся недобрый огонек.

— У тебя нет приличия! — раздраженно сказал он. — Твой характер навлечет неприятности.

— А-а... так вы все против меня?

Ян схватил стул; Божена, стоявшая рядом, вцепилась в его руку.

— Не надо, милый... Мы будем танцевать. Не надо.

Она усадила его на место, дала выпить ледяной воды.

Ян сидел угрюмый; злоба подкатывала к его горлу. Ему уже были ненавистны и Штоль и Лэйн. Он слышал их пьяные голоса, видел в ухмылявшихся физиономиях самодовольство. Никто не сочувствовал ему здесь, все веселились. А скрипки продолжали протяжно выть и плакать.

Ян ударил ладонью по краю стола и потребовал:

— Пусть не плачут! Я не хочу.

Но оркестр не замолкал. Ян сжал кулаки и пошел на дирижера. Он был страшен, этот боксер, с налитыми кровью глазами.

— Перестаньте!

Музыка оборвалась. На Яна набросилось несколько человек. Он разметал их.

— Никогда! Понимаете, — никогда!

Ширвис стоял, как на ринге, и люди боялись подойти к нему. Тодор Штоль, стараясь избежать скандала, пустился на хитрость. Он, как на официальном матче, громко отсчитал до девяти, подошел к Яну и, подняв его руку вверх, выкрикнул:

— Аут! Победил чемпион мира!

Раздались хлопки. Дирижер, подхватив шутку, грянул бравурный марш. Штоль взял под руку вконец опьяневшего Ширвиса и повел его меж столиков. Им протягивали бокалы с вином и кружки с пивом. Они чокались с незнакомыми людьми и пили за племя атлетов, за крепкие кулаки.

Пили до тех пор, пока боксер не свалился.

* * *

Проснулся Ян от громкого боя часов. Сквозь пестрые занавеси пробивалось солнце.

Ширвис приподнял голову и огляделся. На стене, сверкая никелировкой, висел шлем и две шпаги. В углу стоял манекен в латах. Перед камином лежала шкура медведя.

«Где я? — не мог сообразить Ян. — Давно ли здесь?» В сознании остались только шум оваций, бредовая езда, какая-то унылая музыка и звон бокалов. Он, кажется, буянил, потом стало плохо. Ему подали шипучее и горькое питье. Он выпил, что-то подписывал и... дальнейшее не осталось в памяти.

«А как ребята? Неужели уехали без меня? — Ширвис схватил висевшую на спинке стула одежду и, путаясь, начал торопливо одеваться. — Что я наделал... Ах, идиот!»

Рядом послышался шум отодвигаемого кресла. Качнулась портьера. В комнату вошел Штоль. Он был потренированному свеж и гладко причесан.

— Зачем так спешно надевать брюки? — шутливо спросил он.

— Надо скорей вернуться к своим.

— К своим? — изумился Штоль. — Их теперь трудно догонять. Они уплыли вчера на теплоходе.

— Как? Они оставили меня одного? — не поверил Ян. У него опустились руки. — Не может этого быть. Почему вы не сказали им, где я?

— Тебя трудно будить. И не имело смысла, — ты подписал контракт с Лэйном.

— Не правда, я ничего не подписывал.

— Зачем спорить? Посмотри в кармане, там, наверное, есть дубликат.

Ян вытащил все, что у него было в кармане пиджака, и нашел вчетверо сложенный плотный лист бумаги. Это был контракт, составленный на двух языках — на немецком и русском. В нем указывалось, что Ширвис обязывается за три тысячи крон выступить в матче против Берлунда. В скобках было написано, что пятьдесят процентов полагающейся суммы уже получены, а другая половина будет ему вручена после боя. Внизу стояли подписи его и Лэйна.

Когда он подписывал? Это какой-то бред!

— Я не заключал такого контракта, — сказал Ян. — Видно, кто-то подделал мою подпись.

— Не надо говорить неправду, — поморщился Штоль. — Я сам видел, как ты ставил подпись.

— Но я не хочу подчиняться.

— Думай головой раньше. Ты немного легкомысленный человек. Мне тоже казалось, что у тебя есть желание уехать со своими. Я пробовал остановить твою руку, но ты делал страшные кулаки и сам желал платить за ужин. Там была битая посуда. Это много денег. Лэйн давал тебе настоящие кроны.

— Так как же теперь быть? — спросил Ян. Он был напуган и потрясен случившимся.

Штоль не торопясь взял из ящика сигару, откусил кончик, прошелся по комнате, остановился у окна, закурил, подумал и, наконец, обернувшись, сказал:

— Кроме выступлений на ринге, у тебя нет другого пути. Ты будешь зарабатывать деньги и делать нокауты. Знаменитый чемпион всегда будет встречен, как почетный путешественник.

— Но мне придется драться без своих секундантов и тренера?

— В другую сторону хода нет, — сказал Штоль, сокрушенно разводя руками. — Лэйн подписал аренду на самое большое помещение. Много денег брошено на широкую рекламу.

Он показал газеты, в которых крупным шрифтом сообщалось, что боксер Берлунд вызвал на матч-реванш

не соперника в недавнем бою с русскими, а более сильного боксера — Яна Ширвиса, неоднократно побеждавшего Кирилла Кочеванова.

Яна бросило в пот. Газеты выпали из рук.

— А как же наши? — спросил он. — Они меня разыщут и потребуют отказаться.

— Мы не сообщаем, где ты находишься. Все предусмотрено. Тебе лучше быть в стороне от всяких хлопот и неприятностей.

«Теперь действительно ходов не осталось, — с тоской подумал Ширвис. — Домой лучше не показываться».

— Мне дадут возможность тренироваться, войти в форму? — спросил он.

— О, конечно, — заверил Штоль. — Какие могут быть сомнения! Мне нравится, когда в тебе говорит мужчина. Ты получишь все, что надо иметь боксеру.

Он вытащил из шкафа фибровый чемодан и вывалил на постель все его содержимое. Тут были две пары новых перчаток, боксерские ботинки, трусы, майки и длинный махровый халат малинового цвета.

— Это подарок Лэйна, а от меня будет знакомство с мастером Квестадом.

Штоль привел сухощавого человека с таким обветренным и загорелым лицом, что казалось, будто его чуть поседевшие виски испепелены солнцем. Он почти не выпускал изо рта трубку и попусту не тратил слов.

У Яна разламывалась голова. В ушах стоял шум. Ему, видимо, подсыпали в вино лошадиную дозу снотворного. Пер Квестад, поняв его состояние, велел раздеться до трусов и вывел на улицу.

У большой каменной выемки, в которую впадал тоненький горный ручеек, он остановил боксера и, черпая ведром прозрачную холодную воду, стал окатывать с головы до ног.

Вода освежила Яна, ему стало легче. Он растер тело полотенцем, надел халат и огляделся.

Домик был каменный с черепичной крышей. Четырехугольный дворик напоминал собой волейбольную площадку. Справа высились коричневатые обрывистые скалы, поросшие хвойным лесом, слева — далеко внизу в узкой долине виднелось селение, утонувшее в садах.

«Высоко же меня упрятали, — подумал Ширвис. — Без проводника не попадешь в Осло».

— Теперь бы черного кофе, — сказал он Квестаду.

Тот закивал головой: «Сейчас будет».

Надев на себя передник, Квестад на миниатюрной плите сварил черный кофе и приготовил омлет с сыром и помидорами. Оказывается, он был мастером на все руки: хорошо знал горы, мог заменить повара, быть лекарем, массажистом и тренером.

После завтрака Штоль собрался в Осло. Прощаясь, он сказал Яну:

— Надеюсь, ты будешь благоразумен. До матча остается четыре дня. Не следует терять времени. Квестад всегда в твоём распоряжении. Если нужно, он будет спаринг-партнером.

Штоль сел за руль, помахал рукой и уехал.

«Не убежать ли? С Пером Квестадам я справлюсь, — подумал Ян. — Но куда? Кто меня ждёт?.. А если сообщить в посольство, что меня насильно, при помощи снотворного, увезли в горы? Идея! — Но тут же опроверг эту мысль: — Наивно и не очень правдоподобно. Скажут: «Хорош боксер, отбиться не мог». Потом выяснится, что я получил деньги, подписал договор... Нет, такой ход ведёт к ещё большим неприятностям. Остается одно — готовиться к бою и побеждать. Тогда кое-как все уляжется: поругают за легкомыслие, дадут выговор, проработают на каком-нибудь собрании... И все. Часть вины можно будет свалить на Сомова: Обидел, мол, а я не стерпел и наделал глупостей. Самокритично и в то же время — оправдывает. Это наиболее верный путь».

Чтобы вернуть себе боевую форму, Ширвис старался вести спартанский образ жизни. Но ни сон на открытом воздухе, ни пробежки по горным тропам, ни спаринги с Квестадам не приносили ему успокоения. Он чувствовал себя вялым и усталым. Даже во время разминок он быстро выдыхался.

Неужели на него так подействовали пьянки со Штолем? Как он не понял, что его умышленно подпавляли, выводили из боевого состояния! И Божена, конечно, действовала в сговоре с ними. Сомов был прав: нельзя такого выпускать на ринг.

От ощущения нависшей над ним непоправимой беды Яну плохо спалось: он поднимался с постели разбитым,

нехотя шел на разминку, унылым садился завтракать и ел без аппетита.

Тревожное чувство, словно схватив за глотку, ни на секунду не отпускало его. Порой Ян даже грезил наяву. Он видел переполненный стадион — тысячи лиц, белеющих во мгле, и ярко освещенный квадрат ринга, похожий на помост для казней. За канатами рефери. Он весь в белом. Лысый череп блестит, глаза — черные впадины. Едва слышен его голос...

И вдруг, словно по трибунам прошел шквалистый ветер, он всколыхнул ряды, и стадион огласился плеском и восторженным ревом. Под канаты пролез Берлунд — фаворит этой огромной толпы. Шум долго не смолкает.

Но вот наступает очередь Ширвиса. Он идет с опущенной головой, и стадион встречает его безмолвием. Ян всюду натывается на колючие недружелюбные взгляды и недобрые усмешки. Никто не сочувствует ему. Все, даже судьи, хотят поражения. Ни одна душа не будет болеть за него.

«Таким могильным холодом и ненавистью, наверное, встречали Риверу из рассказа Джека Лондона «Мексиканец», — с горечью думал Ширвис. — Но ему было за что драться. Он видел перед собой ясную цель: добыть деньги для борьбы мексиканцев за свободу. Он вместе со своим народом ненавидел гринго¹ и на ринге сражался за революцию. Какую же цель вижу я? Кому нужны мои победы? Только самому себе, для удовлетворения мелкого тщеславия. А если поражение? Здесь не обрешь ни силы, ни боевого духа. Берлунд может побить. Тогда мое выступление будет выглядеть преднамеренным предательством. Даже Штоль с Лэйном откажутся от меня. Для чего им побитый и презираемый боксер? На нем много не заработаешь».

«Нельзя мне драться с Берлундом, — твердо решил Ширвис. — Домой, только домой, иначе я попаду в еще большую беду».

Когда вернулся Штоль, Ян потребовал, чтобы его отвезли в Осло.

— Зачем? — недоумевал судетский немец. — Здесь спокойней тренироваться, горный воздух...

¹ Гринго — презрительная кличка североамериканцев.

— Мне нужны мои вещи. Без них я не могу обходиться, — солгал Ян.

— Но тебе опасно там появляться. Слушай, что они сообщили в прессу.

Штоль стал переводить интервью Сомова, напечатанное в газете.

Владимир Николаевич умышленно подчеркивал, что официальные матчи закончены, что советские боксеры с чувством признательности и благодарности покидают Норвегию.

На вопрос репортера: «Каким же будет матч Ширвиса с Берлундом?» — Сомов ответил:

«О таком матче нашей команде ничего неизвестно. Это частное дело спортсмена Ширвиса, который, видимо, для собственного удовлетворения желает померяться силами с боксером Берлундом. Матч, конечно, неофициальный, и я его одобрить не могу».

— Смотри, как наши газеты возмущаются.

Штоль начал читать крикливые заголовки буржуазных газет: «Русские отказываются от своего чемпиона», «Большевики боятся проиграть», «Советам невыгоден реванш», «Берлунд на любых условиях встречается с Ширвисом».

— Ужасный шум вокруг твоего имени, — уверял Штоль. — Это очень хорошо; о такой рекламе мечтает каждый.

На Яна эта весть подействовала угнетающе, а судетский немец радовался. Не зря они с Лэйном столько времени охотились за Ширвисом. Скандал вызывает любопытство публики. К кассам хлынут потоки зрителей. Это принесет небывалый барыш.

— Едем в Осло, — продолжал настаивать Ширвис. — Иначе я откажусь драться.

Ян решил явиться в посольство и без утайки все рассказать.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Внезапная смерть старого Ширвиса вызвала много недоуменных разговоров. Непонятно было, почему Эдуард Робертович ночью очутился на скамейке так далеко от дома — почти в противоположной стороне

города. Что он там делал в такой поздний час? К кому заходил? Может, его убили и отвезли подальше?

Вскрытие установило, что насилия не было. Смерть наступила от инфаркта миокарда.

— А что это такое? — спросила Ирина у медика.

— Сдали сердечные мышцы, — ответил тот. — В народе это явление называется разрывом сердца.

Бетти Ояровна, потрясенная горем, послала Яну в Осло срочную телеграмму: «Приезжай дома большое горе».

В ожидании сына, она не позволяла хоронить Эдуарда Робертовича.

С наибольшим участием к ее горю отнесся Гарибан. Евгений Рудольфович, казалось, был олицетворением старой, преданной дружбы. Он ежедневно навещал Бетти Ояровну, справлялся о здоровье и каждый раз спрашивал: не нужны ли деньги или какая-нибудь другая помощь?

Друзьям и знакомым опечаленный Евгений Рудольфович как бы по секрету сообщал:

— Я догадываюсь, кто виновник гибели. Его всегдашним недругом был Сомов. Видимо, Эдуарду Робертовичу стало известно, почему Ян не участвовал в последнем матче в Норвегии. Я думаю, что он связался с Осло по радио.

По наведенным справкам выяснилось, что старый Щирвис действительно в полночь говорил по радио с Осло. Подозрения Гарибана имели под собой почву.

Гарибану важно было пустить слух и подготовить общественное мнение еще до приезда команды на родину. Как бы ни оправдывался потом Сомов, ему трудно будет восстановить доброе имя.

В день приезда боксеров Евгений Рудольфович зашел к Бетти Ояровне, чтобы подготовить ее. А она вдруг сама захотела поехать в порт.

— Лучше, чем я, никто ему не скажет об отце... Ян ведь такой впечатлительный, — говорила она.

— Я все-таки не советовал бы вам, — мягко пытался отговорить Евгений Рудольфович. — Ваше состояние мне не нравится.

— Дома я еще больше буду волноваться, — возразила Бетти Ояровна и, расплакавшись, попросила: — Позвоните, пожалуйста, Ирочке. Пусть она заедет за мной.

Евгению Рудольфовичу пришлось позвонить летчице и передать просьбу Бетти Ояровны. Ирина совсем не собиралась встречать Яна; но как она могла отказать подавленной горем матери?

— Хорошо, — согласилась она. — Я заеду за ней.

В назначенный час Ирина вызвала такси и заехала за Бетти Ояровной. На улице ее уже поджидал Гарибан.

Втроем они отправились в порт. У каменных ворот Евгений Рудольфович расплатился с шофером и, поддерживая старушку, повел ее к пассажирской пристани.

Встречающих собралось много. В дальнем конце, за подъемным краном, прогуливались Кальварская и Ва-лин. Борис, видимо, в чем-то оправдывался перед Зо-сей, потому что разговаривал с виноватым видом, а Кальварская капризно ударяла его по руке перчаткой.

Бетти Ояровна присела на скамейку и с тоской поглядывала в сторону моря. Скорей бы дождаться сына, прижать к груди! Ведь других родных у нее не осталось. Вместе им легче будет пережить горе.

Вот, наконец, в Морском канале показался белый трехпалубный теплоход. Он двигался медленно и величественно. На всех его палубах виднелись пассажиры. Они махали платками и шляпами. Бетти Ояровна пыталась отыскать глазами сына, но не сумела: все лица сливались в мутные пятна.

— А вы его не видите? — спросила она Ирину.

— Нет, — ответила та. — На таком расстоянии трудно разглядеть.

Но Яна не было видно и позже, когда теплоход подошел близко и буксиры стали подтягивать его к стенке.

Гарибан хотел подвести Бетти Ояровну поближе к трапу, но старушка задохнулась от быстрой ходьбы. Остановясь на середине пути, она послала Евгения Рудольфовича разыскать сына, а Ирину придержала:

— Не уходите, — попросила она, — что-то я очень плохо себя чувствую...

Ирина отвела ее в сторону и усадила на багажную тележку.

А Гарибан тем временем, извиняясь и энергично работая локтями, пробился сквозь толпу к трапу и здесь столкнулся со спускающимся на берег Кочевановым.

— Где Ян? Я не пропустил его? — спросил Евгений Рудольфович.

— Н-нет, не пропустили, — ответил Кирилл. — Он остался там, не приехал.

Гарибан, испугавшись, стиснул кочевановскую руку выше локтя. Он выбрался с Кириллом из толпы и, отведя в сторону, вполголоса спросил:

— Что Ширвис натворил?

— Ушел с каким-то немцем или шведом со стадиона и не вернулся. Дядя Володя остался его разыскивать.

— Но почему Ян не выступал в последних матчах?

— Он был не в форме.

— А кто это определил? Где нашли такие приборы? Сомов ведь может затравить любого, но почему же вы, товарищи, не могли заступиться?

Кирилл попытался возразить, но Гарибан не дал ему говорить.

— Не оправдывайтесь, я понимаю, — не в ваших интересах было защищать его. Я не корю за человеческие слабости. Нет. Мне просто нужны подробности... Как это все произошло?

Кочеванов возмутился:

— Если вы полагаете, что Ширвиса окружали только подлецы, — сказал он, — то узнавайте подробности у других.

— Простите, я погорячился, — примирительно заговорил Гарибан. — Вы должны понять мое состояние. Я хоть длительно не воспитывал его, но несу некую ответственность. С чего это началось?

Кирилл, предчувствуя, что врач выпытывает подробности с недобрыми намерениями, решил ничего не рассказывать.

— Я в его разговорах с иностранцами не участвовал, — сказал он.

— Но что самому-то известно?

— Все, что знал, я уже сообщил.

Кочеванов вежливо поклонился и двинулся дальше.

Гарибан кинулся с расспросами к другим боксерам, но все они словно сговорились, неохотно говорили о Яне и делали вид, что ничего не знают о нем. А капитан команды ответил без всяких обиняков:

— Не уполномочен давать информацию.

Бетти Ояровна, видя, что на пристани осталось немного народу, заволновалась:

— Мы, наверное, проглядели Яна в толпе. Ирочка, посмотрите, не ищет ли он отцовскую машину? Скажите, что я здесь.

Оставив старушку, Ирина обогнула серое здание и вышла на площадь, где стояли легковые машины. Но и там никого из боксеров не было.

«Куда они делись?» — недоумевала летчица, внимательно вглядываясь в лица прохожих.

Вскоре поток встречающих и пассажиров схлынул. Ирина пошла к Бетти Ояровне.

Еще издали, заметив толпившихся у багажной тележки людей, девушка почувствовала недоброе.

— Что там стряслось? — спросила она у встретившегося портовика.

— Какой-то женщине худо сделалось, — равнодушно ответил тот.

Ирина ускорила шаг. Она застала Бетти Ояровну лежавшей на багажной тележке без чувств. Около нее суетился озабоченный Гарибан.

— Узнала, что Ян не вернулся, и... словно подкошенная, — сказал врач Ирине. — С трудом удержал.

Они вместе привели Бетти Ояровну в чувство и усадили в такси. По пути Гарибан пытался закурить, но его пальцы дрожали, он никак не мог зажечь спичку.

— Этот проклятый Сомов доконает всех, — сказал Евгений Рудольфович. — Он так издевался и так третировал Яна, что тот не выдержал и напился. А теперь они говорят: «Отстал от команды... убежал. Называют подлецом». Хороши товарищи! Хоть бы вы, женщины, сходили в Обком и потребовали привлечь пакостника к ответственности. Больше ему ничего нельзя прощать.

* * *

Кочеванов видел в порту Ирину вместе с матерью Яна и не решился подойти к ним. «К чему? Все узнают и без меня».

Он прошел стороной, выбрался за ворота и в трамвае поехал домой.

Комната, пустовавшая больше месяца, встретила его прохладой и каким-то незнакомым запахом. Взгляд Кирилла наткнулся на будильник. Стрелки показывали без семи минут шесть. Он прислушался. Часы тикали.

«Ходят, — удивился боксер. Он попробовал завести будильник — пружина не подавалась. — Странно, у меня кто-то был. Но каким образом? Дверь ведь была заперта. Вот чудеса!»

Кочеванов внимательно оглядел свое жилье. Его комната никогда не была такой прибранной: паркетный пол блестел, у постели лежал новый коврик, на столе пестрела скатерть и на ней стояла ваза со свежими цветами. Чьи-то заботливые руки основательно потрудились.

Кто же здесь был? Не райкомовские ли ребята? Кирилл заглянул в ящик стола. Запасной ключ лежал на месте.

— Чистая фантастика!

Недоумевая, он подошел к окну. Задвижка оказалась поднятой. «Вот откуда можно попасть ко мне. Не Ирина ли? Неужели ходила по крыше? Ну и сорванец!»

Кирилл распахнул створки окна, взглянул на мансарду противоположной стороны дома. У Ирины открыта была лишь форточка. В окне белела ажурная занавесь.

«К Ширвисам поехала, — решил он. — Она уже знакома с родителями Яна. Неужели у них что-нибудь серьезное? — От одной только мысли о том, что может потерять ее, у Кирилла защемило внутри. — Ого! Не любовь ли это? Нет, — тут же возразил он себе, — просто не нашел хорошего друга среди ребят. Но если Ирина будет с Яном, то все разладится. Я должен поговорить, иначе потеряю ее навсегда и потом не прощу себе этого. А вдруг я люблю? Тогда чего же жду? Не встречу ли лучше, красивее ее? Наверное, найдутся и такие, но разве они заменят Ирину?»

Так размышляя, Кочеванов снял с себя дорожную одежду, надел мягкий тренировочный костюм и прилег на постель отдохнуть.

Приятно было после долгих и утомительных странствий полежать в тиши своей комнаты.

«Чем же я займусь в оставшиеся каникулярные дни? — задумался Кирилл. — Денег у меня немного. Может, пойти в порт и наняться грузчиком? Не плохая тренировка для мышц и ног... и заработать можно. Но это уводит от цели. Лучше было бы продолжить занятия в аэроклубе. Многие парашютисты уже сами подни-

маются в воздух на «ПО-2». Неужели я бездарней? Мне же Ирина может помочь. Идея! Вот тема для серьезного разговора с ней. Чудесно будет, если еще до училища я научусь летать. Сегодня же надо будет пови-
дать ее...»

Едва Кирилл сомкнул веки, как сразу же почувствовал, что комната поплыла, набирая все большую и большую скорость, затем, словно самолет, оторвалась от земли и понесла его в сгустившейся мгле...

* * *

Ирина вернулась от Бетти Ояровны расстроенной. Гарибан, провожая ее, так надоедал своими настойчивыми советами, что она в конце концов сказала:

— С Яном разберутся и без меня. Почему я должна вмешиваться, когда толком ничего не знаю?

— Вам, как невесте, скорей поверят.

— Я никогда не была его невестой.

— Странно. А я был уверен, что вы для него настоящий друг. Стоит человеку попасть в беду, как все от него отворачиваются.

— Знаете что, — вдруг рассердилась Ирина, — я не люблю, когда меня подозревают в подлости. Не утруждайте себя — дойду домой одна.

Не подав Гарибану руки, она ускорила шаг. Он нагнал ее.

— Ирина Михайловна, не сердитесь... я ведь не со зла. Мною руководит гуманное желание помочь, сделать доброе дело.

— У меня же нет никаких прав вмешиваться в дела боксеров.

— Вы бы могли выступить в роли свидетельницы. Но не будем больше об этом. Кроме всего, меня интересует и ваша судьба. Почему вы забросили спорт?

— А я не забросила, — с чего вы взяли? Готовлюсь к высотным полетам.

— Зачем? У вас же хорошо идет бег, прыжки. Если позволите всерьез заняться вами, — гарантирую: через полгода будете мастером спорта.

Ирине было неловко за Гарибана.

— Это слишком высокое для меня звание, — холодно сказала она и, увидев на остановке свой трамвай, торопливо попрощалась и уехала домой.

Еще на улице, изнывая от духоты, летчица заметила, что над городом собираются грозовые тучи. Поднявшись к себе на мансарду, она распахнула окно и увидела, как сгустившиеся тучи заволокли все небо до самого горизонта зловещей свинцово-фиолетовой завесой. Стало темнеть, словно наступала ночь.

«Ух и сверкнет же сейчас! — подумалось Ирине; невольно посмотрела она на раскрытое окно Кочеванова. — Неужели я так оставила? — встревожилась девушка. Дождем может залить комнату, надо прикрыть».

Не мешкая, она взобралась на подоконник, вышла на крышу и, держась за ограждение, с обычной легкостью перебралась на противоположную сторону дома.

Прежде чем прикрыть окно, Ирина заглянула в комнату Кочеванова и... чуть не оступилась от неожиданности. Она почему-то решила, что и Кирилл не вернулся, и поэтому была приятно поражена, увидев его спящим.

Осторожно спрыгнув в комнату, Ирина на цыпочках подошла к постели.

Кирилл спал, забавно раскинув руки. Ровное дыхание едва вздымало грудь. От всей его сильной и крепкой фигуры, зарумянившегося лица, чуть запекшегося и по-детски полуоткрытого рта веяло чем-то таким родным...

— Здравствуй, медведка, — шепнула Ирина и, пригнувшись, слегка коснулась губами его рта.

У Кирилла дрогнули веки и на лбу появилась морщинка.

«Сейчас проснется, — испугалась девушка. — Еще рассердится, надо уходить».

Но вернуться к себе в комнату ей уже не удалось. По крыше застучали, запрыгали, рассыпаясь жемчужинами, крупные капли дождя. Над домами вдруг сверкнула молния и прогреготал гром, с гулом пронесшийся в вышине.

Хлынул такой ливень, что казалось, будто с неба опустилась сплошная завеса.

Гром разбудил Кочеванова. Кирилл приподнял голову и, заметив у окна Ирину, опять принял прежнюю позу. Сквозь полуоткрытые веки он наблюдал за ней.

Гроза Ирину всегда почему-то возбуждала и веселила. А в этот день — особенно. Все было чудесно — и дождь, и гром, и пляски серебристых фонтанчиков на крыше. Казалось, что это не водяные струи, а тысячи

легких и тоненьких балерин, одетых в прозрачные ткани, поднявшись на цыпочки, топчут и кружатся по железному скату. Ирина даже улавливала ритм их танца.

Балерины-фонтанчики захватили всю крышу, прыгали на подоконнике. Брызги летели в лицо Ирине.

«Ой, подоконник же мокрый! — спохватилась она. — Сейчас вода польется в комнату».

Прикрыв окно, Ирина вернулась к Кириллу. Желая разбудить его, она осторожно провела рукой по волосам; по щеке, дотронулась пальцами до припухшей губы... И тут произошло неожиданное: Кирилл рывком поднялся и крепко схватил ее за плечи.

— Ага, попалась!

— Да, — согласилась Ирина с такой потрясающей покорностью, что ему показалось, будто она сейчас заплачет.

Девушке действительно хотелось плакать. Она всем существом тянулась к нему. Это чувство было сильнее того, что она пережила в детстве к доброй матери маленькой девочки.

В бурной благодарности Ирина вдруг поцеловала его руку. А Кирилл, ощутив ее слезы, смутился.

— Что ты делаешь? Не смей! — требовал он.

За окном бушевала гроза, низвергая на город потоки дождя. Частые молнии озаряли комнату, и удары грома сотрясали стены, а они ничего этого не видели и не слышали.

— Ты сердисься на меня? — спросила Ирина.

— За что же? Вот глупенькая.

— За то, что я не только по дружбе, но и по-иному... Ты для меня стал родным, — сказала она. — Я, кажется, отдала бы за тебя всю кровь каплю за каплей.

— И мне с тобой всегда спокойно и хорошо, — признался он. — Ты не можешь помешать никаким моим делам, а наоборот, если долго отсутствуешь, то тебя недостает, и я скучаю. Наверно это и есть любовь?

— А я давно поняла, что люблю. Правда, пыталась перебороть, подавить в себе это чувство, но ничего не вышло: всегда ловила себя на том, что ищу твои черты у других. В моем представлении ты лучше всех...

— Стоп, Ирина! Довольно захваливать. Иначе начну воображать, как Ян, и ты станешь меня презирать.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Из Норвегии Сомов и Ширвис возвращались на теплоходе. Владимиру Николаевичу удалось лишь в последнюю минуту достать билеты в четырехместную каюту, в которой уже находились два пассажира — работники торгпредства, побывавшие в Германии.

Торгпредовцы рассказывали, как немцы, подогреваемые действиями и речами Гитлера, усиленно готовятся к войне. Это они замечали на предприятиях, занятых гонкой военной продукции, на улицах, где строем под бой барабанов маршировали штурмовики, в школах и лагерях трудовой повинности.

Владимир Николаевич, заинтересовавшийся жизнью Германии, быстро сдружился с торгпредовцами, а Яну было душно в каюте; он целые дни слонялся по теплоходу. Часами смотрел на крикливых и прожорливых чаек, летевших за кормой, заглядывал на мостик, в салон или лежал в шезлонге на верхней палубе и, закрыв глаза, думал, как ему быть дальше.

Сомов спас Ширвиса от назревавшего скандала. Он отдал всю свою валюту на оплату ресторанных счетов и пригрозил спортивным дельцам, если они не отвяжутся, разоблачить их в печати. Но в Ленинграде, он, конечно, не пощадит и расскажет все, как было. Только бы не отцу. У Яна и мысли не появлялось, что того уже нет в живых. Телеграмму матери он расшифровал по-своему: «Дома горюют оттого, что я не вернулся со всеми».

Значит, там многое известно. Вот подлецы! Не пожалели даже стариков. Яну придется попросить Сомова хоть перед отцом не преувеличивать его вины. Владимир Николаевич старый друг отца. Неужели он не поймет, что всякое расстройство губительно для сердечника? В Комитете, конечно, отнесутся со всей строгостью. С боксом ему, видимо, придется на время распрощаться. И за границу Ян не скоро попадет. Вот идиотина! Надо же было попасться на такую пошлую приманку!..

Чем же Ян займется в ближайшие годы? Вернется в кораблестроительный институт и все начнет сначала? Не легко это, — ровесники уже ушли далеко. В общем надо серьезно подумать о жизни и решить, какая же работа ему по душе. Не собирался же он стать профес-

сионалом бокса? Но одно ему было ясно — жил как-то пусто и бездумно. Пора кончать с этим.

В море Ширвис не решился откровенно поговорить с Сомовым, а в Ленинграде все пошло не так, как задумалось. В порту его встретил шофер. Решив, что это отец прислал свою машину, Ян отдал встречающему чемодан и спросил:

— Где же старик?

— В машине, — ответил шофер и повел Яна к «Эмке», стоявшей в стороне.

В «Эмке», оказывается, сидел не отец, а Гарибан. Он втянул боксера к себе, порывисто обнял и предложил:

— Едем ко мне... необходимы подробности. Выработаем совместный план действий.

— Может, сначала к нам? — попробовал возразить Ян. — Родители, наверное, ждут.

— Родители? — переспросил Гарибан. — Ты ничего еще не знаешь?

— Нет. А что случилось?

Не желая при шофере откровенничать, Евгений Рудольфович пообещал все рассказать дома. По пути он интересовался лишь пустяками: «В каких городах удалось побывать боксерам? Как их принимали? Много ли было зрителей на матчах?» И у себя на квартире Евгений Рудольфович всячески оттягивал неприятный разговор. Вызвав домработницу, он велел ей приготовить ванну для гостя и завтрак на двоих.

Яна встревожил намек Гарибана о неблагополучии в доме. «Что же стряслось?» — весь путь думал он. А усевшись в кабинете Гарибана, не вытерпел и потребовал:

— Не томите! Что с отцом?

— Сейчас узнаешь, не торопись... весть не из приятных.

Евгений Рудольфович закурил, выпустил клуб дыма и глухим голосом заговорил:

— Твой отец в полночь был в портовой радиостанции и добился разговора с Осло. Тебя, видимо, не разбудили. У микрофона был Сомов... Этот пакостник наговорил такое, отчего людям становится худо. Проще говоря, — Эдуарда Робертовича нашли под утро на скамейке в скверике..

— Сердце?

— Да, инфаркт миокарда.

— Какая ему была оказана помощь?

Гарибан, опасаясь, что глаза выдадут его, словно в волнении подошел к окну и, не оборачиваясь, дрогнувшим голосом, сказал:

— Помощь запоздала, он был мертв. Позавчера похоронили.

Эта весть ошеломила Ширвиса.

— Значит, в его смерти повинен я? — вдруг охрипнув, спросил он.

— Не ты, а Сомов, — строгим голосом поправил его Евгений Рудольфович. — Пакостник должен поплатиться. Я добьюсь его изгнания из всех спортивных организаций. Такого на сто километров нельзя подпускать к молодежи. Он травмирует сердца.

Ян многого не понимал из того, что говорил Гарибан. При чем здесь Сомов? Скорбно сведя брови, он упавшим голосом спросил:

— А с мамой что?

— С ней... Она думала, что ты вернешься со всеми. В порту ей стало плохо. Я устроил ее в больницу... Все же не одна: уход лучше и заодно исследуют. Мне не нравится ее кровяное давление. Так что дома тебя никто не ждет.

У Яна запершило в горле. А Гарибан продолжал вдалбливать свое:

— Советую уехать на время и ни с кем не встречаться. Пусть страсти улягутся. Мы произведем разведку и соответствующую подготовку. Наш долг — любым способом смять, свалить Сомова. Вспомни все, что там было, до мельчайших подробностей, не таясь. Мне надо детальней знать, как он травил тебя, чтобы выбрать разящие факты, припирающие его к стене. Ты способен собраться с мыслями?

— Сейчас мне не до этого, — ответил Ширвис. — Я хотел бы съездить на кладбище и в больницу. Вы покажете, где могила отца?

— Да, конечно. Какой может быть разговор! — согласился Гарибан, хотя ему очень не хотелось ехать.

Он вызвал по телефону «Эмку», и они вместе отправились на кладбище.

У свежего могильного холма, скрытого под грудой венков, пахнущих краской и еловой смолой, Ян вспомнил, каким был отец в последний раз, и слезы застлали ему глаза. Боясь разрыдаться, он стиснул зубы, сдерживая подступавший к горлу ком. Но вздрагивающие плечи выдавали его.

— Прости, отец, я не выполнил твоей последней просьбы. Обещаю учиться, работать, заботиться о матери. То, что произошло со мной, никогда больше не повторится...

Гарибан стоял в стороне и наблюдал за Ширвисом. Скорбно сгорбившийся Ян так походил на своего сутулого отца, что Евгению Рудольфовичу стало как-то не по себе.

«Мерещится, — подумал он. — Надо скорей кончать со всей этой историей».

На кладбище они пробыли недолго и вместе поехали в больницу. День был неприятный, посетителей в палаты не пропускали, но Гарибану удалось уговорить главного врача. Яна, одетого в белый халат, провели к матери.

Бетти Ояровна лежала на больничной койке очень бледная. Увидев сына, она хотела подняться, но Ян остановил ее.

— Лежи, мама, не надо, — сказал он и, опустившись на колени, поцеловал ее руку, как это делал в детстве, когда просил у нее прощения.

Бетти Ояровна поняла его. Она безмолвно заплакала, слезы скатывались по ее лицу на подушку. Мягкой рукой мать коснулась волос сына и погладила. Она все простила.

У Яна защипало глаза. Мать вздохнула и пальцем потерла висок, она, видимо, подыскивала слова, которые меньше бы причинили боли.

— Ты помнишь наш давний разговор у ворот? — спросила она.

Да, Ян не забыл того зимнего дня, когда директор школы за какую-то провинность отослал его домой и велел привести мать. Мальчик не сразу пошел домой, а слонялся по улицам. Бетти Ояровна, возвращаясь с рынка, наткнулась на него у ворот. Ее удивило раннее возвращение сына из школы. А Ян от стыда и растерянности не мог смотреть ей в глаза. Пересиливая себя,

он с трудом сознался в провинности. Мать укоризненно покачала головой и сказала: «В жизни тебя ждет еще много ошибок. Не пугайся этого. И не страшись идти на суд. Мальчик должен быть мужественным».

— Я не свихнусь, обещаю тебе, — вслух произнес Ян и посмотрел в глаза матери: так ли он понял ее?

Бетти Ояровна качнула головой: да, они понимают друг друга.

Рассказав о своих делах, Ширвис поцеловал мать и попросил:

— Только, пожалуйста, не тревожься. Наказания я не боюсь... попробую подняться, пойду учиться.

— Я надеюсь. Ты всегда был верен своему слову. Только не дай одолеть себя гордыне и злобе.

— Постараюсь, мама.

В вестибюле Яна поджидал Гарибан.

— Не отправиться ли нам прямо в спортивный лагерь? — спросил он. — Наши готовятся к осенним соревнованиям. Хоть немного отвлекусь.

— Я никого не хочу видеть.

— Мне это понятно. Будешь жить в карантинном домике. Отдаю свое ружье и Альфу. Собака верный друг, она лучше людей.

Ширвис нахмурился; ему не хотелось уезжать далеко от матери.

— И по другим причинам лучше не мозолить глаза, — продолжал говорить Евгений Рудольфович. — Людские сердца отходчивы, но для этого требуется время. Если ты не сейчас покажешься начальству, когда все обозлены, а позже, то меньше достанется. Это уже проверено опытом жизни.

— Хорошо, — согласился Ян. — Но поедем не сегодня, а завтра утром. Мне хотелось бы повидаться кое с кем из друзей.

— Когда приходит беда, — друзей остается немного, — заметил Гарибан и предложил: — Располагайся у меня в кабинете. Советую использовать телефон. Самое удобное средство общения в таких случаях: не видно ни краски стыда в лице собеседника, ни его ускользающих глаз.

* * *

После обеда Ян позвонил Борису Валину. Толстяк обрадовался, услышав его голос,

— Наконец-то! А то уж думали, что ты там на вечные времена застрял. Ходили встречать с Зосей, да ничего толком не узнали. И Кирюшку не поймать, дома, что ли, не бывает? Чего ты там натворил?

— Накуролесил, — сознался Ширвис. — Попал в неприятную историю. При встрече расскажу. Ты сегодня не свободен?

— К сожалению... взял билеты. Идем с Зосей в Нарвский дом Культуры — МХАТ приехал, «Вишневый сад» показывают.

— Та-ак, — понимающе протянул Ян. — Ясное дело. А как твои дела?

— Парашют пошел в серийное производство. Целым конструкторским бюро командую. Верчусь, часа свободного не имею. Килограмма три словно ветром сдуло. В общем жить можно. Даже и в личных делах кое-какие сдвиги наметились: с Зосей вижу почти ежедневно, танцевать научился...

Толстяк хвастался успехами, забыв, что у Яна горе и неприятности.

— Заходи как-нибудь! — кричал Валин в трубку. — Расскажу подробней...

Не дослушав его, Ширвис резким движением выключил телефон.

Будь Валин настоящим другом, он бы не вспомнил о театре, а немедленно примчался бы к нему, подбодрил и помог советом. Впрочем, еще недавно Ян сам был таким же: жил лишь для собственных удовольствий. Разве променял бы свидание с интересной девушкой на нудные жалобы приятеля, которому не повезло в жизни? И Зося не пожертвует театром ради него. Их обоих нельзя причислять к верным друзьям. Они теперь только знакомые.

Большинцовой Ян позвонил без обычной уверенности и хриловатым голосом сказал:

— Ирина, я хочу увидеться с вами, и как можно быстрее.

— А нужно ли, Ян? — тихо спросила девушка. — Мы, видимо, неправильно понимали друг друга. Мне бы не хотелось вводить вас в заблуждение.

— У вас кто-то другой?

— Да, — ответила она. — И давно.

Ширвис не поверил ей: «Обычная девичья привычка перечить, выдумывать».

— Кто он? — потребовал Ян. — Назовите его имя.

— Вы знаете... Кирилл Кочеванов.

Больше с ней не о чем было разговаривать. Если это шутка, то неуместная. Ширвис с треском повесил телефонную трубку. В другое время он бы поехал к ней и добился решающего разговора. Ян никому бы не уступил ее. А сейчас он не верил в себя и только злился: «Ну и подлец же этот Кирюшка! Все готов захватить».

Больше звонить было некому. Ян знал, что шумные и восторженные приятели, которые еще недавно льстили и не скупились на похвалы, теперь будут избегать его. Такие набиваются в друзья лишь в дни славы и благополучия.

Он прошел в столовую, где Гарибан просматривал газеты, и сказал:

— Мне в городе больше делать нечего. Если хотите, — едем сегодня.

У Евгения Рудольфовича было понимающее лицо; он этого и ждал.

— Уже кураться начали? — спросил он. — Видеться не желают?

— Ну и пусть, не очень-то нуждаюсь.

— Ах, подлецы... ах, мерзавцы! — убирая газеты в портфель, возмущался Гарибан. — Теперь ты по-настоящему узнаешь, кто был другом, а кто лишь притворялся им.

В «Эмку» Гарибан сел не впереди, на свое обычное место, а рядом с Яном — на заднее сидение. По пути Евгению Рудольфовичу удалось вытянуть из расстроенного парня то, что его интересовало. Он заставил его детально вспомнить все, что было за границей, час за часом, день за днем.

К концу поездки Ширвис почувствовал себя опустошенным, а Евгений Рудольфович самодовольно потирал руки и говорил:

— Так-с, очень хорошо! Сомов теперь не отвертится. С сегодняшнего дня во всем случившемся виноват не ты, а он. Понял? Только больше никому не доверяйся и не откровенничай. Мы тебе придумаем иную историю, близкую к происшедшей, но без некоторых деталей. Живи спокойно. А он еще пожалеет, что так отнесся к тебе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Поселившись в домике на берегу озера, Ян решил ни с кем не видаться. Ему хотелось побыть одному, собраться с мыслями. Как-то разом оборвались все связи и вокруг стало пусто. Даже собака, которую дал Гарибан, убежала.

Первые дни жизнь отшельника казалась ему отрадной. Питался он рыбой, выловленной в озере, и птицами, убитыми на охоте. Хлеб, молоко и картошку приносила неразговорчивая сторожиха, присматривавшая за домиком и лодками.

Вечерами, опасаясь, что сквозь лесную чащу из лагеря донесутся девичьи голоса и музыка, Ян брал сумку, ружье и по едва приметной тропке уходил на дальнее озеро. Там, в лесной глуши, он отвязывал от замшелого пня плоскодонку, заплывал на ней в густые камыши и полулежа глядел в небо, стараясь ни о чем не думать.

Озерная вода пахла водорослями. Камыши чуть слышно шелестели, а плоскодонка, тершаяся о них, слегка поскрипывала.

Ширвис недвижимо лежал до тех пор, пока не начался вечерний перелет уток. С первым посвистом крыльев он поднимался, взводил курок и, зорко вглядываясь в синеватый сумрак, ждал.

Утки летали низко; только по свисту крыльев можно было догадаться, что они приближаются. Ян вскидывал ружье к плечу и, почти не целясь, бил в лёт. Сначала на конце ствола показывалось пламя, потом раздавался выстрел. Птица серым комком грузно падала в воду и там билась некоторое время. Ширвис не приближался к ней, не покидал камыши. Он стоял на изготовке, вдыхая запах пороха, и чутко прислушивался.

Из березняка каждый вечер выплывала огромная оранжевая луна. Своим холодным неземным светом она озаряла камыши.

В сгустившейся темноте утки проносились, как тени; их невозможно было поймать на мушку. Ян приседал на корточки, прицеливался в край оранжевой луны и, выждав, когда на ее фоне покажется птичий силуэт с вытянутой шеей, стрелял сразу из двух стволов.

Луна, поднимаясь над лесом, становилась все меньше и меньше. Свист крыльев затихал. На озере только изредка всплескивала сонная рыба. Ширвис, отталкиваясь веслом о вязкое дно, выбирался из тростника и, перегнувшись через борт, подбирал добычу.

На отлогом берегу у ручья, вытащив лодку на песок, он разводил костер, ошипывал и посыпал солью молодых чирков, густо обмазывал тушки глиной и, зарыв их в уголья, оставлял печься.

Сухостой на огне потрескивал. Золотистые искры иглами летели в высокое небо и гасли. Над ближними кустами кружились ночные бабочки.

Ширвис лежал на спине с широко раскрытыми глазами и, тоскуя, думал о потерянном. В шелесте листвы ему чудился далекий рокот трибун...

Ян силился разобраться, понять: во имя чего разбил он все вдребезги и потерял самых близких ему людей? И не находил себе оправдания.

Что толкнуло его обособиться от товарищей, сделать-ся таким упрямым и непримиримым?

«От злости плачут плохие люди, — говорила ему когда-то мать, — от жалости — хорошие. Если в человеке нет жалости, то его одолевают гордость и себялюбие, а они ничего другого не могут породить, кроме злобы, ненависти и одиночества. Бойся их, вырывай из своей души». Но как вырвешь, как переломишь себя?

Припоминая все, что он натворил за границей, Ян стонал от горя. Каждый поступок оборачивался против него. И всякий раз, когда он терзал себя размышлениями, в мозгу возникала безотрадная песня негритянского поэта Хьюза:

— Ни веры,
Чтобы голову приподнять,
Ни пищи,
Чтобы голод вовремя унять,
Ни места,
Где голову приклонить,
Ни даже слезы,
Чтобы слезу уронить.

Ян бил кулаками землю, боясь самого себя, вскакивал, стаскивал сапоги и шумно бросался в воду.

Проплыв бурным кролем в дальний конец озера и обратно, Ян выходил на берег усталым. Холодная вода успокаивала его.

Набросив на себя одежду, он усаживался к костру, доставал из-под груды углей печеных чирят, разбивал на них затвердевшие, хорошо отстающие глиняные черепки и, не давая остынуть сочному мясу, зубами рвал его и жевал.

Поев, Ян подтаскивал лодку поближе к костру, ставил под борт подпорки, постилал куртку и укладывался спать.

Утром на озере поднималась волна. Утки прятались в камышах. Без собаки их трудно было поднять из насиженных мест. Ян долго бродил по утиным трущобам и, промокнув по горло, утомленный возвращался досыпать в свой домик.

За неделю Ширвис похудел, оброс рыжеватой щетиной, возле рта появились резкие морщины. Он словно постарел лет на десять и мало походил на прежнего легкомысленного весельчака и остролова.

Увидев в озере свое отражение, Ян взбаламутил воду.

«Довольно безумствовать! Ты одичал, как бездомный пес, — сказал он себе. — И мать тревожится, каждый приемный день ждет».

Он написал записку Евгению Рудольфовичу с просьбой дать «Эмку» для поездки в больницу и послал со сторожихой.

Старуха с ответом не вернулась. Пришел сам Гарибан. Оглядев Яна, он покачал головой и спросил:

— Скучно стало? Говорят, ты каждый день приходишь мокрым до ворота. Смотри, не простынь, потом скажется. Бравировать нечего. Я тут согревающее принес. — Говоря это, Евгений Рудольфович выставил на стол два пузырька. — Спирт-ректификат, — пояснил он. — Если промокнешь, — разбавь и... два — три глотка. Настроение мгновенно улучшится.

— Я хочу навестить мать.

— Одобряю. Но не сейчас. Я уже был у нее и просил не тревожиться. Она знает, что ты здесь. Тебе скоро придется выехать на заседание секции бокса. Вчера разбирался вопрос о ваших взаимоотношениях с Сомовым. Понимаешь, не о твоём «безобразном поведении», как предполагалось прежде, а о взаимоотношениях! Это почти выигрыш. Я так изобразил происшедшее, что ты выглядишь пострадавшим.

— Не понимаю, — сказал Ян.

— Сейчас поймешь. Во время ваших стычек с Сомовым свидетели были?

— Нет?

— Договор с Лэйном кто-либо другой видел?

— Нет.

— Он уничтожил его при тебе?

— Да, разорвал на части и бросил в корзину.

— Очень хорошо. Теперь ты можешь сказать, что Сомов затравил тебя, что ты от обиды ушел с матча и, не зная языка, заблудился. Переночевал на суденышке у рыболовов-норвежцев. Так лучше: адреса не потребуются и немного подпустить романтики не мешает. На другой день, мол, опять разыскивал и не попал к отъезду. Всю эту историю хорошенько продумай и не сбивайся — тверди одно и то же. А если речь пойдет о деньгах и договоре с Лэйном, — отнеси к досужим сомовским фантазиям. Ничего такого не было. Ясно?

— Понимаю, — как-то тускло ответил Ян.

Радости в его глазах не было. «Еще, видно, не дошло, — подумал Гарибан. — Пусть наедине обдумает».

— Только приведи себя в порядок, — посоветовал он. — Внешне ты должен выглядеть подтянутым и, может быть, чуть опечаленным спортсменом, попавшим в неприятную передрагу. В худшем случае тебя дисквалифицируют на полгода. Но не больше, ручаюсь.

Прощаясь, Гарибан ободряюще хлопнул по плечу и сказал:

— Готовься к пятнице. Выедем утром. Если кому-нибудь вздумается спросить, где ты пропадал эти дни, отвечай коротко: «Ездил на охоту». Моего имени не упоминай. Так будет лучше.

* * *

Вечером Ширвис опять пошел с ружьем на дальнейшее озеро, но ни одной утки не убил. Они почему-то не летали.

Ночью была сильная гроза с ливнем.

Костер залило, но это не обескуражило Яна. Укрывшись под лодкой, он дремал, убаюкиваемый мягким перестуком капель и шелестом листвы. Это, конечно, был не сон, а скорее забытие, прерываемое резкими вспышками молний и раскатами грома.

Сквозь дремоту Яну мерещилось, что кто-то большой, серый все время ходит вокруг и, хлюпая, обшаривает кусты, землю, днище лодки, словно разыскивает его и не может найти.

Но вот что-то влажное коснулось правого бока и расплылось, приближаясь к плечам и бедру.

Ширвис в испуге вскочил и ошупал себя. Оказывается, под лодку подтекла дождевая вода, ручейками скатывавшаяся в озеро.

Лежать больше было негде. Земля всюду промокла. Но под лодкой хоть сверху не поливало.

К утру Ян продрог. Вспомнив о спирте-ректификате, он вылил его в железную кружку и, разбавив водой из ручья, выпил.

Приятное тепло медленно растекалось по жилам. Вскоре оно ударило в голову. Тело вдруг сделалось необыкновенно легким, почти невесомым, и на душе стало веселее.

Спать уже не хотелось. Как только стих дождь, Ширвис зарядил ружье двумя патронами и, войдя в заросли камышей, стал продвигаться вдоль озера. Он шумно шагал по чавкающим и вязким утиным трущобам, цепляясь за корни, проваливаясь, черпая голенищами воду. Теперь ему было все нипочем. Он не боялся промокнуть. Шум крови отдавался в висках и туманил мозг.

Ширвис бродил часа три, а камыши словно опустели. Лишь у последней заводи, покрытой ряской, ему удалось поднять небольшой выводок.

Утки взлетели почти из-под ног. Ян вскинул ружье и, не целясь, одновременно нажал на оба спусковых крючка.

От двойного выстрела сильно отдало в плечо и зазвенело в ушах. Но дробь не задела птиц. Зачастив крыльями и неимоверно вытягивая шеи, утки шарахнулись в сторону, сделали полукруг над озером и улетели в другой конец.

Досадуя на себя, Ширвис выбрался на берег, вылил из резиновых сапог воду, отдохнул немного и побрел домой.

Выпитый спирт вместо бодрящей легкости теперь лишь распалил его. Почему Ян должен скитаться? Кто превратил его в лесного бродягу? По какому праву?

Ширвис еще не сдался. У него голова не хуже других. Довольно отмалчиваться! Пусть и они попробуют горького. Сомов долго будет его помнить.

Лес пронизывали лучи поднявшегося солнца. Прохладный воздух был чист, полон утренней свежести и благоухания. В зарослях щебетали птицы. Но Ян ничего этого не замечал. Злость слепила его, делала бесчувственным к красоте лесного утра. Он считал себя несправедливо обойденным, нагло ограбленным. Ведь он же добыл им не одну победу. За это награждают, а не бьют. Довольно раскаиваться и терзать себя!

Выйдя к карантинному домику, Ширвис прищурился, оглядывая с высоты холма серебрившееся на солнце озеро. На мостках он вдруг заметил раздевавшегося человека.

Кто это? Никак Кирюшка?.. Что ему здесь надо?

— Ах, наглец, — пробормотал Ян, — приехал к Гарибану тренироваться. Вот где я с тобой посчитаюсь!

Сняв с плеча ружье, Ширвис медленно стал спускаться по узкой тропинке.

Кирилл не видел Яна. Постояв некоторое время под теплыми лучами утреннего солнца, он разбежался и бросился в воду вниз головой. Вынырнув вдалеке от мостков, Кочеванов поплыл на середину озера, а там повернулся на спину и, раскинув руки, стал отдыхать.

Он увидел Яна, только когда повернул к берегу. Ширвис стоял у мостков лохматый, обросший бородой. Широко расставив ноги, он поджидал Кочеванова, держа ружье в руке.

— Здравствуй, Ян! — весело выкрикнул Кирилл, коснувшись ногами дна. — Ну и одичал же ты! На лесного похож.

— А ты на шпиона, — грубо ответил Ян. — Высматривать пришел, да?

— Нет, наоборот, — в гости.

— Непрошенный гость хуже... Впрочем, что может быть хуже тебя? Не подходи! — вдруг грозно приказал Ширвис, взмахивая дустволкой.

— О! Ты, кажется, собрался дать салют в мою честь? — с насмешкой спросил Кочеванов. — Гостеприимно!

— Гостеприимней будет дать по зубам. Запомни: я ничего не прощаю.

- А я не прошу прощения. С чего ты взял?
— Врешь, попросишь!
— Не притворяйся, Ян, идиотом. Противно слушать.
— Что? — повысил голос Ширвис. — Ты что сказал?

Повтори!

— Повторяться не люблю. И если ты думаешь, что в споре побеждает тот, кто громче кричит, — ошибаешься.

— Уплывай отсюда! — приказал Ян, угрожающе держа ружье.

— Ты что — с ума сошел? Не дури! — приближаясь, попытался урезонить его Кирилл.

— Не подходи! — бледнея, закричал Ширвис и прицелился. — Считаю до трех.

Кирилл видел, как воспаленные глаза Яна сузились, а лицо перекосилось. Указательный палец искал спусковой крючок. Надо было повернуться и уплыть, но усилием воли он заставил себя остаться на месте.

— Раз!..

Они теперь стояли в нескольких шагах и, казалось, взглядами прожигали друг друга.

— Два!..

Ян покачнулся. И Кочеванов вдруг понял, что Ширвис пьян. «Зачем же я испытываю судьбу? — подумал он. — В таком состоянии его нельзя вводить в искушение. Стоит нажать на спусковой крючок — и курок срабатывает. Ни за что ни про что получу в лицо заряд дроби. Разве за этим я сюда приехал?»

— Стой! — сказал Кирилл, поднимая обе руки. — Бери в плен, сдаюсь.

Он хотел все превратить в шутку.

— Я с тобой не забавляюсь... Плыви! — заорал Ян, дрожа от ярости.

Решив предотвратить глупый выстрел, Кочеванов миролюбиво сказал:

— Хорошо, ради твоего успокоения, я сплаваю на тот берег. Советую и тебе охладиться.

Он вошел по грудь в воду и, отплыв метров на тридцать, обернулся. Ян все еще стоял на берегу в напряженной позе и не опускал ружья.

«Прямо шальным стал, — подумалось Кириллу. — Но я должен переговорить, так уезжать нельзя».

Он медленно поплыл дальше. В прибрежных кустах, посвистывая и стрекоча, перекликалась птичья мелочь. Над камышами струился нагретый солнцем воздух. Прозрачная вода, журча, пенилась под руками, загоралась искорками.

Услышав над собой шум мотора, Кочеванов повернулся на спину.

Вверху, метрах в шестистах, делал круг над озером аэроклубный «ПО-2».

«Не Ирина ли летает? Она знает, что я здесь». Кирилл замахал рукой.

Самолет, как бы в ответ, покачал крыльями.

И в это время с берега послышались один за другим два выстрела. Это Ян салютовал летчице.

Когда самолет улетел, Ширвис поднялся по тропе к деревянному домику, толкнул дверь ногой и скрылся в сених.

Вода в озере уже была по-осеннему прохладной. Почувствовав озноб, Кочеванов повернул к берегу. Вскрабавшись на мостик, он принялся растирать грудь, бедра и руки.

Согревшись, он оделся и побежал по тропе вдоль озера.

В бору было хорошо: пахло смолой, во мху рдела брусника, красные стволы сосен, казалось, излучали сухой зной.

Выбежав на пожню, словно выстриженную под гребенку, Кирилл невольно остановился у высокого, видимо недавно сметанного стога.

Кочеванов любил ни с чем не сравнимый запах свежего сена. Сухая, скошенная в полном цвету трава, провяленная солнцем и горячим ветром, источала столь тонкий, нежный и бодрящий аромат, что казалось, не дышаешь его, а пьешь. И чем дольше пьешь, тем больше хочется пить.

Поворошив сено, Кирилл побежал дальше.

Он вернулся к домику у озера лишь через час. Яна нигде не было видно. Кирилл заглянул в окно. В избушке на полу валялась разбросанная одежда. Ян спал на топчане в одних трусах.

«Не буду будить, пусть протрезвится», — решил Кочеванов.

В сенях он нашел две березовые удочки с волосяными лесками. Взяв лопату и старенькую, заржавленную банку из-под консервов, Кирилл накопал дождевых червей и пошел на мостик удить.

Рыба клевала плохо. За три часа он поймал пять ершиков, две плотички и окуныка.

Когда в «Солопе» прозвенел колокол, зовущий на обед, в домике с треском распахнулась дверь и на улицу вышел взлохмаченный Ширвис с полотенцем, повязанным на поясе. Заметив на мостках Кирилла, он недовольно спросил:

— Ты чего ждешь?

— Разговора с тобой.

— Я уже сказал: не мозоль мне глаза!

— Не ярысь. Я не от себя, меня прислали ребята. Понимаешь? Поэтому будь любезен выслушать, а потом грозись.

— Хорошо. Ответ сначала на вопрос: как вы узнали, что я здесь?

— От Ирины. Она была у Бетти Ояровны.

— Матери стало лучше?

— Да, ждет тебя.

— Вот что вы наделали! — с укором сказал Ян.

— А может, не мы?

Ян, нахмурясь, молчал. Трудно было понять, что творится в его голове. Кочеванов решил перейти к делу:

— Ребята просят тебя явиться на заседание секции бокса и во всем сознаться. Своим поведением ты поставил дядю Володю в тяжелое положение.

— Вам, конечно, хочется, чтобы я один пострадал? — с усмешкой спросил Ян.

— Твои страдания нам не нужны. Мы надеемся, что ты не струсешь... будешь честен и скажешь правду. На другое мы тебя не толкаем. Взываем лишь к совести.

— Вы, видимо, принимаете меня за какого-то христосика! Сомов делал мне пакость за пакостью. Из-за него я потерял отца, а теперь должен выручать, — да?

— Мы все тебе сочувствуем, но думаем, что в смерти отца Сомов неповинен.

— А кто же? Сомов ведь не допустил меня на матч в Осло и последний разговаривал с отцом!

— Думаешь, другой на его месте выпустил бы пьянствующего боксера? В том матче ты был больше нужен,

чем я. У дяди Володи не осталось возможности маневрировать.

— Так, так... Вали все на меня, — с дрожью в голосе сказал Ширвис. — Плевал я на таких товарищей! Найду других, которые защитят меня. Можешь не утруждаться... Катись, откуда пришел.

— Я уйду, — едва сдерживая раздражение, сказал Кирилл. — Но помни: если по злобе ты навредишь дяде Володе, тебя ждет всеобщее презрение. Мы будем беспощадны.

У Яна заходили на скулах желваки.

— Это что — угроза? — приближаясь и повышая голос, спросил он. — Запугивание или шантаж?

— Нет, просто товарищеское предупреждение.

— Хотите, чтобы я упал на колени? Не выйдет! Угроз кучки завистников я не боюсь. А с тобой мы еще почитаемся.

Ян забрел по колени в озеро и, хватая пригоршнями воду, стал яростно поливать лицо, шею, голову. Брызги летели во все стороны.

Видя, что дальнейшие переговоры бесполезны, Кирилл отнес удочки на место и, собравшись уходить, сказал:

— Не забудь, Ян, — заседание секции бокса в пятницу в три часа.

— Ладно, проваливай.

— Советую одуматься, — добавил Кочеванов. — Заносчивость никому не нравится. Ты и для Гарибана скоро станешь обузой. Он стремится к легкой жизни, а не к возне со строптивым.

* * *

После ухода Кирилла Ян развесил на просушку одежду, поел холодных рыбных консервов, запил хлебным квасом и вновь улегся на топчан.

Сегодня он не пойдет на охоту, надоело. И вообще пора кончать с этим отшельничеством. Но чем заняться? Набрать стопку учебников и подготовиться для поступления в мореходку? А что она ему сулит? Звание помощника капитана по грузам или пассажирам. И будет он болтаться в одном из внутренних морей в однообразном каботажном плавании. Нет, такое существование

не по нему. То, чего достиг он в боксе, не даст никакая служба.

Без ринга жизнь для Яна станет унылой и неполноценной. Либо надо пересилить себя, поступиться гордостью и попросить прощения, либо зарядить ружье пулей-жаканом и... Он, наверное, выстрела не услышит. Но это же бегство, трусливое и омерзительное.

В жизни Ян все получал без особых усилий и хлопот. В пионеры был принят с ребятами всего класса. В комсомол вступил потому, что неловко же сыну старого большевика остаться вне союза молодежи. То, что говорилось на сборах и собраниях, его мало трогало. Казалось, что все призывы на новостройки относятся не к нему, а к тем, кто ни на что иное не способен. Яну хотелось быть первым лишь на школьных вечерах и спортивных соревнованиях. Кроме бокса, охоты, танцев и кино, он других увлечений не признавал.

Когда выгонят отовсюду, то он не сумеет заработать на кусок хлеба. Он даже в грузчики не годится, так как не приучен к труду.

А если забыть о всяких угрызениях совести и полностью довериться Гарибану? Тот изворотлив, сумеет вытащить из беды. Через несколько месяцев или самое большое — год Ян будет восстановлен в правах и выйдет на ринг. Тогда ему наплевать на сплетни и угрозы. При желании он сможет переехать в Москву. Его примут в любое спортивное общество.

Но ведь бокс не даст заработка? Как знать. Это зависит от самого себя. Могут принять в институт физкультуры на повышенную стипендию, да и не трудно сделаться тренером бокса. Майка чемпиона откроет двери клубов. Правда, в нем не находили воспитательского таланта, но Ян же не олух и кое-что успел перенять у Сомова и Гарибана. Надо только быть деятельным и не унывать, потом он найдет другой выход...

Ширвису послышалось, что в открытую дверь кто-то вошел и остановился на пороге.

«Кто бы это мог быть? — хотелось угадать ему. — Наверное, сторожика».

— Никандровна! — окликнул он ее.

В ответ послышалось презрительное:

— Ну и свинарник же здесь! Словно берлога неандертальца.

Это была Зося Кальварская. «Что стряслось? Почему я и ей понадобился?» — удивился Ширвис и, в тон ей, пригласил:

— Присаживайтесь, будьте как в своей берлоге.

— Вы сногшибательно любезны! Принято встать, Ян, когда входит женщина.

— Зосенька, чувствую, что вы раздражены. Не делайте, пожалуйста, из меня громоотвода для своих эмоций.

— Для этой цели вас уже использовали. Я вижу разлагающиеся обугленные останки.

— Вы пришли дразнить меня? Учтите — я не в клетке, могу покусать.

— Я учла. И прошу других не считать беззубыми.

Ян приподнялся и не без удивления взглянул на Зося. Лицо ее было возбужденным. На щеках и шее горели недобрые пятна, тонкие ноздри раздувались, а глаза потемнели. Чувствовалось, что она решила на что-то такое, чего никогда бы не сделала в спокойном состоянии.

«Как хороша сейчас эта злюка!» — подумалось Ширвису. А Зося продолжала свое:

— Сейчас я расскажу такое, что этот глупый остро слов наконец прекратит балаган и станет серьезным.

— Я уже всего вкусил, меня больше ничто не смутит, — ответил Ян. — Сегодня я сказал себе: «Эй ты, перестань, довольно!»

— Я тоже не раз так говорила, а поступала, как форменная дура. Я слишком доверялась и вот теперь расплачиваюсь. Он всегда был гнусной личностью, хотя прикидывался заботливым другом и добряком...

— Одну минутку! — перебил ее Ширвис. — Прежде всего мне бы хотелось выяснить: о ком идет речь?

— А без пояснений невозможно догадаться, что это Гарибан? — спросила она. — Или вы, как и другие, принимаете его за благодушного дельца?

— А он действительно такой.

— Ошибаетесь. Евгений Рудольфович ловкий актер, умеющий за доброй улыбкой скрывать довольно подлую и грязную душонку. Я-то его хорошо знаю. Да и другим, если они не страдают куриной слепотой, не трудно это заметить.

— Ну, Зосенька, тут вы перехватили! — усомнился в правдивости ее слов Ян. — Не могу постигнуть: чем он вам так насолил?

— А если я признаюсь, что и мне не развнушал быть покладистой?

— Ну что ж, совет не лишен мудрости, — не сдавался Ширвис.

— Думаю, что от подобной мудрости всякому захочется треснуть его по самодовольной физиономии. Он мне твердо обещал, что по окончании института я останусь в Ленинграде. И вдруг меня вызывают в деканат и спрашивают: «Где желаете преподавать язык — на востоке или на севере?» И называют какую-то Закатулиху и Большую Туру. Оказывается, уже было распределение. Я, конечно, к Гарибану. А он вдруг напятную: «К сожалению, ничего не смогу изменить. История с Ширвисом заставляет меня быть осмотрительным. Не полезу же я сейчас с такими просьбами к начальству! Советую на время выехать, а когда утихнет, что-нибудь предпримем». Я знаю, как он будет хлопотать за меня. Уже взял Заварнину. У той на четырехсотке время лучше моего. И Большинцовой намекнул, что у нее хорошо пойдут длинные дистанции, хотя недавно убеждал в обратном. Ему просто хочется скорей отделаться от меня. Я опасна для него: слишком много знаю, могу проговориться. Но Гарибан зря принимает меня за дуру, безропотно покоряющуюся судьбе. Я пойду на всё, чтобы остаться в Ленинграде. Если надо, — выйду замуж. И очень скоро.

— Кто он, этот счастливчик? — не без иронии спросил Ширвис.

— Не бойтесь, не вы. Мне больше везет на тучных и добрых.

— Борис? — удивился Ян. — Но вы же его не любите, Зосенька!

— А какое это имеет значение? В любви не бывает равенства: один обожает, а другой лишь позволяет обожать. Сильней, чем Борис, меня вряд ли кто полюбит. С ним я буду обеспечена всем необходимым и главное — свободна. Вы, Ян, этого не могли бы создать?

— Да, наверное. Но я не понимаю, почему Гарибан должен перед вами трепетать.

— Потому, что я мстительна и обид никому не прощаю. Хотела скрыть одну подлость, а теперь не пощажу его — выдам. Только прошу не перебивать.

Устремив взгляд на тропу, Зося рассказала о ночном визите старого Ширвиса к Гарибану.

Ян насторожился. Ему показалось, что Кальварская все выдумывает лишь для того, чтобы восстановить его против Евгения Рудольфовича. Он сердито перебил ее:

— Каков он с виду? Как выглядел в тот вечер?

— Сухощавый, высокий... с вытянутым и очень бледным лицом. Седой, немного сутулый.

— В каком часу это было?

— Мне слышится недоверие, — возмутилась она.

— Я должен убедиться. Серьезные обвинения на веру не принимаются.

— Хорошо, допрашивайте, я готова отвечать. Случилось все во втором часу ночи.

— Что вы так поздно делали у Гарибана?

— Слушала в ноль пять репортаж о матче бокса в Осло. Убедительно? — зло спросила она. Но, почувствовав, что он не верит ни одному ее слову, уже мягче добавила: — Меня тогда волновала судьба одного из боксеров. Я тревожилась: почему не упоминается его имя? Куда он мог деться? Надеялась что-нибудь услышать от комментатора.

Ян пропустил мимо ушей невольное признание. Его мысль работала лишь в одном направлении: правду ли она говорит о Гарибане? И он продолжал допытываться:

— Значит, вы утверждаете, что Евгений Рудольфович при желании мог бы спасти отца?

— Я ничего не утверждаю. Но хотела бы, чтобы не только у меня, а и у других возникла мысль: почему же он, врач, не оказал помощи умирающему, а выпроводил его на улицу?

— Вы это собственными глазами видели?

— Да. Но не понимала, что происходит. К тому же не хотела показываться Гарибану, так как он мог подумать, что я подглядываю. Когда они добрались до скверика и свернули в него, я поспешила скрыться. А потом стало известно, что в скверике скорострительно скончался Эдуард Робертович. Я моментально позвонила Евгению Рудольфовичу, желая узнать подробности, а он вдруг

накричал на меня: «Никакой Ширвис тогда не звонил! Вы все напутали. Из-за вас я напрасно прождал полночи. Это начинает меня раздражать». И я примолкла, не сказав, что видела их вместе на улице, так как почувствовала, — наживаю смертельного врага.

— Почему вы об этом никому не сообщили?

— Боялась навредить себе и Гарибану. И если меня сейчас попытаются привлечь в свидетели, то отойду. Скажу: «Выдумки, фантазия, я ничего такого не видела».

— Тогда для чего вы все это рассказали?

В Зосиных глазах сверкнули гневные слезы.

— Потому, что захотелось... пусть вам обоим будет хуже, чем мне.

Ширвис, наконец, понял: да она любит его! На какое-то мгновение у него появилось желание обнять ее и в то же время — встряхнуть, дернуть за кончик уха и сказать: «Будь проще, не перечь во всем!» Но он подавил в себе эту слабость, подошел к двери, распахнул ее и негромко сказал:

— Уходите, Зося!

Она покачнулась, зажмурила глаза и прикусила губу. Кальварская ждала еще каких-то резких слов. Но он молчал.

— Прощай, Ян, — наконец выговорила она. — Навсегда!

Ян схватил Зою за руку, но она выдернула ее и убежала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В пятницу Ширвис выкупался в озере, тщательно побрился, надел свежую рубашку и пешком пошел в «Солоп».

Гарибана он нашел в коттедже главного врача.

— Как настроение? — спросил Евгений Рудольфович, пытливо вглядываясь в его лицо.

— Соответствующее, — буркнул Ян, стараясь не глядеть ему в глаза.

— Как это понять?

— Решил никому ничего не прощать.

— Прекрасно.

В «Эмке» Евгений Рудольфович сел рядом с Яном. По пути он еще раз повторил все то, что нужно будет сказать на заседании, а затем предупредил:

— Я, видимо, выступлю к концу. Если покритикую тебя, — не возмущайся, так надо для маскировки.

В Доме физкультуры Ширвис увидел боксеров «Водника». Они толпились в фойе второго этажа и встретили его с Гарибаном недружелюбными взглядами. Лишь Кочеванов подошел к нему и, протянув руку, спросил:

— Ну как, Ян? Ребята ждут ответа.

— Скажи им, что я презираю всякое давление со стороны.

— Зря хорохоришься, будь хоть раз человеком...

— Ладно, обойдусь без советчиков.

Не став больше слушать Кирилла, Ян прошел в зал и сел в первом ряду против трибуны.

Такого многолюдного заседания секции бокса давно уже не было. Пришли руководители спортивных обществ, тренеры, журналисты и свободные от работы боксеры. Чувствовалось, что заседание будет не простым, что на нем столкнутся резко противоположные мнения.

Гарибановцы пришли подготовленными. Еще бы! Когда вновь представится такой случай? Они даже распределили между собой каверзные вопросы, чтобы задавать их в трудные моменты. Сомов был опасным противником, ему следовало нанести такой удар, от которого не скоро поднимаются.

Председательствующего обрабатывал сам Евгений Рудольфович, и довольно успешно. В интонациях вступительного слова чувствовался рокот надвигающейся грозы. Начальство заранее не одобряло поведение Сомова: ему советовали быть откровенней, чтобы другие извлекли уроки из допущенных ошибок.

Но Владимира Николаевича нелегко было сбить. Он знал, что противники не упустят возможности лягнуть, и ждал от них всяких каверз, а главное — не собирался оправдываться. Ему хотелось поговорить о воспитании молодежи.

— История, происшедшая с боксером Ширвисом, не зря встревожила общественность, — поднявшись на трибуну, сказал Сомов. — Но мне думается, следует поговорить и о предыстории. Для выращивания цветов у нас создаются чудесные оранжереи и подбираются лучшие

садовники. Если бы с таким вниманием и заботой выращивались спортсмены, мы бы достигли разительных результатов. К сожалению, цветам повезло больше, к ним стремятся энтузиасты, а к нам пристраиваются оборотистые дельцы, с авантюрной жилкой, которых больше интересуют высокие заработки, легкая жизнь на лоне природы, нежели воспитание. Эти хапуги и ловкачи умеют скрываться под маской солидности и добропорядочности. Они не плохо чувствуют себя в нашей среде. Их спасает круговая порука и наша терпимость...

— Старая песня, — заметил кто-то из гарибановцев. — Ближе к делу, о себе говорите.

Владимир Николаевич, не обращая внимания на возгласы, продолжал:

— Я не буду касаться других видов спорта, остановлюсь на боксе. Кто из вас не разговаривал с робкими пареньками, впервые пришедшими в боксерский зал! Внутренне ужасаясь своей храбрости, такой паренек приходит с надеждой стать когда-нибудь непобедимым. Он, конечно, мог бы выбрать безопасные виды спорта — теннис, волейбол, гимнастику, но его неодолимо влечет спорт храбрых. Наивный парень надеется встретить в тренере учителя-волшебника, который, сделав его сильным, ловким и мужественным, осторожно и умно поведет по дороге побед.

Оправдать надежды такого юноши нелегко: он нетерпелив, ждет чуда и не любит тяжелого, однообразного труда. Хорошо, если у вас создан крепкий, дружный и сильный коллектив. Никакой тренер, как бы он ни был честен, чуток и настойчив, не сумеет так воспитать, как это делает товарищеская среда. В ней боксер быстрее осваивает технику и тонкости тактики, вырабатывает в себе упорство — умение трудиться до седьмого пота, потому что и другие занимаются с таким же усердием.

Хороший коллектив сколачивается не замазыванием ошибок и проступков, а наоборот — строгостью. Его сила в требовательном отношении друг к другу, взаимопомощи, доверии, умении одного постоять за всех и всех за одного. В такой взыскательной среде боксер быстрее растет и совершенствуется. Он не пропустит волнующей книги, потому что она передается, как эстафета, из рук в руки. Он обязательно посмотрит выдающийся фильм

или хорошую театральную постановку, потому что не хочет отстать от товарищей и в духовной жизни. В сплоченном коллективе вырабатываются свои нормы поведения, взгляды на малодушие, себялюбие и зазнайство. Попробуй какой-нибудь возомнивший о себе мастер спорта покичиться перед начинающим боксером, — его засмеют, ославят. Он показаться никуда не сможет.

Но плохо новичку, когда он попадет в слабый коллектив. Там его не утомляют воспитанием и тренировками: через пять — шесть месяцев уже посылают защищать «честь» клуба, так как не хватает хороших бойцов во всех весовых категориях. И нередко доверчивый паренек попадает в тяжелейшее положение: либо он опозорится, смалодушничав перед опытным и грозным противником, либо его нокаутируют и в бессознательном состоянии унесут с ринга. Поэтому в слабых коллективах удерживаются лишь единицы. Боксеры охотно бегут, если представляется возможность. Их ничто не удерживает.

Есть у нас и третий тип коллективов — показательный. Они чаще всего существуют в спортивных обществах, имеющих большие деньги и высоких покровителей. Там некоторые тренеры и руководители секций не утруждают себя кропотливой и длительной работой с подростками. Они предпочитают ходить по стадионам, школам, боксерским залам и вынюхивать: не появился ли где хороший боксер? Высмотрев в одном месте, в другом, в третьем, они начинают обхаживать талантливых боксеров и всякими посулами, путевками, лестью и захваливанием переманивать к себе. Коллектив у таких дельцов получается видный, его успехи разительны. Со всех сторон — медали, кубки, премии. Тренер в славе и почете, хотя его нужно было бы разоблачить и судить товарищеским судом. Разве начальству не понятно, что такие ловкачи растлевают души молодежи? В показательных прославленных командах создается благодатная почва для подхалимов, тунеядцев и зазнаек. Мы говорим: «В здоровом теле — здоровый дух», а на духовную жизнь боксеров почти не обращаем внимания.

Ян Ширвис пришел в наш клуб со своими перчатками. Он уже считал себя боксером, хотя не владел многими простейшими навыками. У него была слишком открытая стойка, передвигался какими-то странными

прыжками, нападал, не заботясь об устойчивости, и почти не защищался. Его испортил отец, потому что боксировал с подростком шутя и играя. Старому большевику — Эдуарду Робертовичу — и в голову не могло прийти, что бокс для его сына станет основным занятием.

Парнишку пришлось зачислить в группу начинающих и посоветовать: «Забудь все, что ты знал, и начни заново». Это, видимо, задело самолюбие юнца. Он передал отцу мои слова так, что тот обиделся и вгорячах сказал: «Ваш дядя Володя сам ничего в боксе не понимает. Спроси, кто у него был первым учителем?» И Ян спросил. А я, не придавая этому значения, с любовью отозвался об его отце при ребятах, так как тот действительно был моим первым учителем бокса. Это как бы придало веса юнцу; он стал говорить обо мне с пренебрежением, настраивать ребят и даже дерзить. А я резко не одергивал его. Мне не хотелось портить отношений с его отцом. На Яна я тратил больше времени, чем на других. Мне хотелось доказать Эдуарду Робертовичу, что техника бокса ушла далеко, что его сын добьется мастерства в новой манере ведения боя — в умении быть неуязвимым. Оттачивая приемы, я, видимо, передержал юнца в учебной группе. Я не думал, что у нас существуют паразиты, ловко пользующиеся чужим трудом. Нашелся подлец, с личиной добропорядочного человека, который непомерно восхвалял талант, подбивал Ширвиса поссориться с коллективом, сделавшим его первоклассным боксером, и перетащил в другое спортивное общество.

Девятнадцатилетний, неустойчивый парень вдруг получил высокооплачиваемую должность. Да такую, что работать не надо, являясь только в кассу, получай деньги и расписывайся в ведомости. Все его время уходило на тренировки и развлечения. Он даже учиться бросил. Зачем утруждать себя, ломать голову, когда всего добьешься боксом? В нем эту уверенность разжигали. Скоро боксер возомнил, что без него невозможно обойтись, что ему все дозволено. И вот тут его посылают за границу. Соблазны не малые, а крепкой, сдерживающей основы нет.

— Почему же так получилось? — слышался вопрос из задних рядов. — Ведь вы же закладывали основу?

— Да, я пытался это сделать. Но, к сожалению, воздействие растлителей оказалось сильнее. Ширвиса еще до отъезда, в Ленинграде настроили против руководителей и товарищей. А за границей он, конечно, распоясался: отделился и перестал признавать какую бы то ни было дисциплину. Я виню себя только в том, что своевременно еще из Чехословакии не отправил его домой, а сохранял надежды на исправление. В Норвегии мы дождались, что Ширвис стал якшаться с дельцами буржуазного спорта и подписал контракт, ставящий нас в дурацкое положение. В первом же матче он свел бы успехи команды на нет, так как был не в форме. Да и вообще — кто другой позволил бы себе подобное?

— Одну минуточку, Владимир Николаевич! — вежливо перебил его Гарибан. — Не смогли бы вы показать нашему почтенному собранию хотя бы копию этого договора? Иначе, как вы сами понимаете, утверждение голословно.

— Нет, не могу, — ответил Сомов. — Потому что сам, приперев дельцов к стенке, потребовал уничтожить копию и оригинал.

— Странно вы себя вели, — заметил Гарибан. — Больше у меня вопросов не будет. Благодарю.

— Если кто сомневается в правдивости моего рассказа, — продолжал Сомов, — может удовлетворить свое любопытство, обратясь непосредственно к Яну Ширвису. Надеюсь, у него хватит мужества признаться?

— Товарищ Ширвис, что вы можете на это ответить? — обратился председательствующий к боксеру.

— Я дам объяснения, когда получу возможность ответить на все вопросы, — отозвался Ян.

— Хорошо, — согласился председательствующий. — Продолжайте, Владимир Николаевич.

— В сущности, я уже кончил, — сказал Сомов. — Хотелось только, чтобы сегодняшнее заседание не свелось к узкому разбирательству проступков Яна Ширвиса. Нужен широкий разговор о нашем спорте, промахах воспитания и людях, исподволь насаждающих буржуазные нравы, толкающих молодежь на путь профессионализма. Растлителей надо разоблачать и выбрасывать из нашей среды. Иначе мы будем попадать в очень трудные положения.

Председательствующий не успел подняться, как вскочил один из гарибановцев и потребовал слова в порядке ведения собрания.

— Товарищи, я терпел, терпел, но думаю, — всему есть предел, — сказал он возмущенно. — Сомов черт-те что натворил за границей и тут еще пытается нас учить. До каких пор это будет продолжаться? Почему его не осаживают? Вянут уши, когда слышишь, как этот человек оплевывает достижения советского спорта. Сомов договорился до утверждений, что в нашем социалистическом обществе существуют буржуазные нравы и профессиональный спорт. Волосы от таких разговоров встают дыбом! Почему председатель позволяет ему порочить руководителей и оскорблять всех нас? О каких покровителях шла речь? Кто эти растлители?..

В зале поднялся шум. С разных концов понеслись выкрики:

— Позор!

— Пусть назовет фамилии!

— Демагогия!

— К ответу Сомова!

Сомову пришлось вновь выйти на трибуну.

— Товарищи, вы у меня требуете фамилий, — сказал он. — Я, конечно, могу назвать. Но стоит ли? Как вы заметили, эти люди сами начинают кричать истошными голосами. На воре, как говорится, шапка горит.

— Безобразие... Лишить его слова! — потребовали гарибановцы.

Председательствующий, сделав замечание Сомову, с трудом навел порядок. Затем, попросив выступающих выбирать менее резкие выражения, предоставил слово Ширвису.

Ян растерялся; на него уставились сотни глаз. В одних было лишь любопытство, в других — настороженность, в третьих — поддержка. Гарибан, блеснув стеклами пенсне, подбодрил его кивком головы: не волнуйся, мол, все идет, как задумано. А горящие глаза Кирилла и сидящих рядом с ним боксеров требовали: «Не лги, говори правду».

Кого выбрать? На чью сторону стать? Только не с Гарибаном! После всего рассказанного Зосей объединяться с ним — это предательство по отношению к отцу.

Но и к Сомову он не пойдет. «Буду самостоятелен», — решил Ян и негромко заговорил:

— Я не намерен оправдываться. К чему? Большого наказания, чем я понес, не бывает. У меня умер отец от разрыва сердца, а мог бы еще жить. Правда, мне говорили, что если я умело поведу себя, то гнев общественности обрушится на Сомова. Евгений Рудольфович даже придумал оправдывающую меня историю. Но мне она не нужна, как и все, что исходит от него.

— Какая история? — недоумевал Гарибан. — Что за чепуху он плетет!

— Я не плету, — возразил Ян. — Если бы сидящим здесь было известно все, что знаю я, то с вами, Евгений Рудольфович, перестали бы здороваться, а может, выгнали бы отсюда. Вы лживый и подлый человек.

Гарибан побагровел. Он вскочил с места и возмущенно потребовал:

— Товарищ председатель, прошу оградить... Он же не в себе, он с ума сошел!

— Не перебивайте!.. Не мешайте говорить! — послышалось с разных концов зала.

Председательствующий жестом попросил Гарибана успокоиться, а Ширвиса предупредил, что если он еще позволит себе оскорбления, то будет лишен слова.

— Хорошо, я постараюсь больше не упоминать этого имени, — пообещал Ян. — Сам буду отвечать за свои ошибки. Я действительно поехал за границу с настроем, что меня там будут травить и третировать, так как для Сомова я летун, перебежчик. Меня даже предупредили: «Он мстителен, пойдет на все, лишь бы затолкать и унижить. Будь настороже и сделай так, чтобы о тебе заговорили в газетах, тогда Сомов струсит, не посмеет оттеснить на второй план». И я умышленно работал на публику, вызывая восторги у репортеров. Первый разговор на общем сборе я воспринял, как стремление унижить и опорочить мой успех. Защищаясь, я, видимо, вел себя слишком вызывающе. Допускаю, что такое поведение могло возмутить. Но нужно было понять и меня. Есть же люди, страдающие повышенным самомнением. Зачем же разговаривать с ними в таких тонах? Скажу прямо: я почувствовал себя чужаком, человеком несправедливо обиженным. А тут подвернулись какие-то почтатели, пригласили в спортивный ресторан Фридляндровой.

Пили за мои успехи. Как же мне было отказаться? Я, конечно, нарушил режим. А дальше все пошло кувырком: отстранили раз, отстранили два... и в Норвегии не выпустили на самый важный для меня матч. Я от обиды напился и натворил глупостей. Если бы со мной поговорили по-товарищески, то все бы пошло по-иному...

Говоря это, Ян верил, что именно так бы и случилось. Тодора Штоля и Лэйна он не вспоминал.

— Я не собирался оставаться в Норвегии, как это кой-кому показалось, — продолжал он. — И никогда бы не выполнил дурацкого договора. Я виноват, но снисхождения не прошу. Поступайте, как сочтете нужным. Примите только во внимание, что такое произошло со мной впервые и что я получил хороший урок, который запомнится на всю жизнь. Я честно дрался...

Боясь, что в голосе послышатся слезы, Ширвис оборвал свою речь и сел на место.

После него выступил Гарибан. Он не спеша вышел к трибуне, протер стекла пенсне и сказал:

— Я очень огорчен, что мы с Владимиром Николаевичем так долго не понимали друг друга. У нас же одни стремления. Мы оба болеем за советский бокс. Но у каждого свои методы. Нельзя, Владимир Николаевич, так непримиримо относиться к тем, кто творит новое...

— Если дневной разбой и грабеж у вас сходит за новинку, то мы на разных языках разговариваем, — возразил ему Сомов.

— Да, да, я понимаю вас, — поспешил согласиться Евгений Рудольфович. — Меня тоже возмущают люди, вьющиеся около спорта, способные на всякие подлости, ради меркантильных соображений. Но мы-то с вами выше всего этого? И споры у нас принципиальные...

Затуманив витиеватыми фразами смысл сомовского выступления, Гарибан с печалью в голосе сказал:

— Теперь относительно Яна Ширвиса. Прошу прощения, Владимир Николаевич, но мне действительно показалось, что вы не в силах были раскрыть и выявить со всей полнотой его талант. А так как я всегда пекусь о молодежи и тревожусь, как бы талант не потерялся, то счел своим долгом прийти на помощь. Мною было затрачено немало сил. Результаты налицо: он стал первой перчаткой страны. Но я не подвержен головокружениям от успехов. Я прекрасно вижу и отвратительнейшие

недостатки Ширвиса. За границей он вел себя возмутительно. Я вам сочувствую, Владимир Николаевич. Что можно ждать от человека, который оплевывает своих учителей? Благородства, к сожалению, мы с вами в нем не воспитали...

— Я бы просил не впрягать меня в вашу упряжку, особенно когда речь идет о благородстве, — потребовал Сомов. — И вообще не говорите «мы», я к вашим делам не имею никакого отношения.

Гарибана не смутила эта реплика; он вежливо склонил голову и сказал:

— Прошу прощения... я забыл, что вы любите обосябливаться и в боксерских делах считать себя первоначинателем. Я отнюдь не хочу оспаривать у вас пальму первенства в воспитании Яна Ширвиса. Тем не менее он все же, если мягко говорить, — недовоспитан. В этом убеждает его сегодняшнее выступление. Провинившийся готов замарать всех, в том числе и себя, полагая, что это ему поможет. Он ошибается. Подобная ожесточенность может вызвать только чувство неприязни и омерзения. Хотя я и уступил вам, Владимир Николаевич, пальму первенства, все же частица вины остается и на мне. Да, да, что же делать, на ошибках учимся. Я предлагаю применить самые суровые меры: за недостойное поведение за границей и на этом совещании объявить Ширвису строжайший выговор и дисквалифицировать не менее чем на год.

— И только-то? — удивился Сомов. — Ловко! Гора родила мышь.

— А вы что же предложите, Владимир Николаевич?

— Я бы расширил список виновников, определил бы, в чем заключается вредность их поступков и наказал бы так, чтоб другим неповадно было.

— Не возражаю, — с поклоном в сторону Сомова согласился Евгений Рудольфович. — В решении действительно следует упомянуть имя уважаемого Владимира Николаевича, тем более, что он настаивает на этом.

Каверзная реплика Гарибана вызвала одобрительный смех среди сидящих.

После этого был сделан перерыв.

Выходя из зала, тренеры и руководители секций негромко переговаривались меж собой. Одни были полно-

стью на стороне Сомова и одобряли его непримиримость:

— Молодчина, Владимир Николаевич, знает, что Гарибана голыми руками не возьмешь, — изворотлив, как угорь. Его только ежовыми рукавицами ухватишь, — говорили они.

Другие колебались:

— Молодец-то молодец, — соглашались они, — но не мешало бы поучиться у своего противника тактичности. Ведь тот не менее остер, а вежлив, авторитета чужого не подрывает.

Третьи восторгались:

— Ну до чего находчив и остроумен Евгений Рудольфович! Прямо позавидуешь. Не удивительно, что он переманивает. Кто же откажется от умного наставника? И большой беды в этом нет, скорей — польза: другие, боясь, что у них перехватят спортсмена, будут бережливей относиться к талантам.

Боксеры, сговариваясь, кому из них выступать в поддержку Сомову, столпились в фойе. Из молодежи в зале оставался только Ширвис. Заметив одинокого Яна, Гарибан подсел к нему.

— Мне бы хотелось выяснить: чем вызвано твое сегодняшнее выступление? — спросил он.

Ян молчал, но Евгений Рудольфович видел, как на его скулах заходили желваки.

— Странно ты благодаришь, — принялся укорять он. — Никогда не думал, что тебя одолеет трусость и... что ты таишь против меня такую злобу.

— А я ее не таю. Говорите: кто последний встречался с отцом? Кто вывел его из дома и не помог?

Ширвис приподнялся; в сузившихся его глазах сверкала ярость. Гарибан отпрянул.

— Ты бешеный, — прошептал он. — Я не позволю... Как смеешь!..

Но трясущиеся щеки выдали его. Пенсне слетело. Мгновенно взмокшее лицо, искаженное страхом, было столь омерзительным, что Ян не сдержался и, вкладывая в короткое движение всю свою злость, скопившуюся против Гарибана, ударил.

Все это произошло так молниеносно, что люди, находившиеся в зале, не успели прийти на помощь. Они

только услышали хрясткий удар и падение тяжелого тела.

— Вот теперь мы в расчете! — произнес Ширвис.

Он стоял над упавшим со сжатыми кулаками и, казалось, готов был схватиться с любым из заступников.

К Яну кинулись прибежавшие боксеры; они отвели его в другой конец зала и, успокаивая, начали допытываться:

— За что ты его?

— Пусть сам, подлец, скажет. Я ему этого никогда не прощу.

Гарибана перенесли в фойе, уложили на диван и стали приводить в чувство.

Через несколько минут он открыл глаза и, ничего не понимая, спросил:

— Что произошло?

— Вас нокаутировал Ширвис.

И тут Евгений Рудольфович все вспомнил. Лицо его стало наливаться кровью.

— Такого надо отправить в дом умалишенных, — сказал он. — Его нельзя держать среди нормальных... Он бешеный.

Заседание, конечно, было скомкано.

* * *

На другой день Гарибан разыскал Кальварскую, увел ее в скверик, усадил на пустую скамейку и принялся укорять:

— После всего, что я сделал для тебя, следовало хотя бы придержать язычок. Я ведь догадываюсь, от кого исходит сплетня, марающая меня, как врача. Я не понимаю, что тебя толкает... чего ты добиваешься?

— Хотела многого, а теперь ничего. Я просто мстительна, — созналась Зося.

Она и не думала отпираться. Это потрясло Гарибана: каких чудовищ он вырастил! Теперь расплачивайся. На всякий случай он напомнил, что неожиданно могут всплыть кое-какие Зосины дела, что Валину навряд ли захочется связывать свою жизнь со столь эксцентричной особой. А Кальварская на это лишь фыркнула.

— Чепуха, зря стараетесь, — спокойно ответила она. — Борис так любит, что всякий, кто попытается

говорить про меня гадости, будет его врагом. Особенно если я предупрежу. Стареее, мой учитель! — насмешливо укорила Зося и тут же добавила: — Позвала бы вас на свадьбу, но боюсь, она тоже закончится нокаутом. Вам, наверно, и в голову не приходило, что из меня выйдет боксер?

У Гарибана недоуменно поползли вверх брови; он не понимал намека.

— Да, да, — продолжала Зося. — Тот удар в Доме физкультуры — направлен мной. Я не люблю оставаться в долгу. Так что не обессудьте!

Гарибан с горечью про себя отметил: «С ней больше нельзя разговаривать по-прежнему. Она стала независимой. Надо идти на примирение».

— Слушаю я вас и умиляюсь, — заговорил он вдруг на «вы». — Восхитительно! Превзошли все ожидания! Старый тренер склоняет голову и верноподданически просит назначить любое наказание. Он готов искупить свою вину.

— Хорошо, — согласилась Зося. — Вы сделаете мне свадебный подарок.

— С удовольствием, — сказал Евгений Рудольфович. — И я могу надеяться, что после этого ни мой врачебный, ни тренерский престиж больше не пострадает?

— Само собой разумеется.

— Тогда у меня к вам еще небольшая просьба: посоветуйте Яну, чтобы он хотя бы письменно извинился и осудил свой хулиганский поступок. Иначе Ширвис ставит и себя и меня в неловкое положение. Я уже не могу появляться в обществе, — на меня показывают пальцем: «Его избил ученик. Какая-то темная история. У них бог весть что творится». Надо немедленно прекратить эти разговоры.

— А если он откажется написать, будет упорствовать? — спросила Зося. — Вы же знаете его характер.

— По секрету скажу, я не желаю привлекать Ширвиса к судебной ответственности. Но меня общественность заставит. Без такого письма я не смогу долго упираться.

* * *

Ян чувствовал себя беспомощным и окончательно выбитым из круга.

У других, попавших в трудное положение, хоть что-то

светилось впереди и они, несмотря на удары судьбы, тянулись к этому огоньку. А у Яна вдруг все оборвалось, вдали — сплошная мгла. Чем же он будет жить?

Даже в вуз не пойдешь, так как надо вспоминать все, что проходили в школе. А у него на это теперь не хватит ни сил, ни упорства.

Единственная надежда, если не посадят в тюрьму, на скорый призыв в армию. Вот где начало новой жизни!

Ни сочувствующих, ни болельщиков, — со всеми успел поссориться или начисто порвать, а сейчас бы не помешала поддержка близкого друга.

«Близкий друг! Да есть ли такие? Дружба чаще всего связана с какими-то расчетами. А кто может рассчитывать на меня? Разве только мать. Впрочем, существует еще Борис. Но у него в советчицах Зося. От нее не жди добра».

И вдруг от Валина пришло письмо: приглашение на свадьбу. Ширвис возмутился: «Нашли время издеваться! Это, конечно, Зосины проделки; толстяк на такое не способен».

Но когда Борис позвонил по телефону и рассказал о дипломатических переговорах Кальварской с Гарибаном, Ян почувствовал облегчение.

— Ладно, шут с вами, — сказал он. — Приду. — Но тут же предупредил: — Только подарков и льстивых речей от меня не ждите.

— Знаю, — смутился Валин. — Не злись. Вот честное слово, сам понять не могу, почему именно меня она выбрала. И в счастье свое не верю, жду всяких неожиданностей.

— Да-а, нелегкая тебе предстоит жизнь, — посочувствовал Ян.

* * *

Свадьбу справляли в прохладный субботний день.

В крошечной валинской квартире собрались сослуживцы Бориса, пришли Зосины родные и Ирина с Кириллом. Последним явился Ян. Он был таким, словно только что оправился после тяжелой болезни; заметно осунулся и очень мало походил на прежнего развязного и громкоголосого парня. Остановясь нерешительно в прихожей, Ширвис поклонился всем и, не зная, куда деть принесенные цветы, спрятал их за спину.

Зося первой направилась к нему; ее глаза спрашивали: «Кем мы сегодня будем — врагами или друзьями?»

«Не знаю», — ответил его взгляд.

Ян отдал цветы и нашел в себе силы поздравить ее. — Надеюсь, будете счастливы? — спросил он.

— Наверное, — ответила она негромко. — Мною выбрано лучшее из возможного. Во всяком случае — не огорчена. Я добилась своего. Ведь все люди эгоисты. Бывают лишь разные степени эгоизма.

— Так ли?

— Так, — завершила она. — Иначе я бы дождалась другого! Но сумеет ли он сделать меня счастливой?

Она задала этот вопрос таким тоном, словно доверяла большую тайну. Зося, как хорошая актриса, умела взволнованно и вместе с тем сдержанно изображать сильные чувства.

«Ведь все еще можно поправить, — подумал Ян. — Нужны лишь решительные шаги, иначе я потеряю ее навсегда». Но голос благоразумия подсказывал: «Не спеши, ты ведь знаешь, что существуют две Зоси: одна — веселая, остроумная, талантливая... какая может только пригрезиться; другая — расчетливая, фальшивая и недобрая лицемерка. По отдельности они не существуют, ее надо брать целиком. С такой ты не уживешься, хотя она и близка тебе по духу. Пусть это счастье достанется Борису». И Ян ответил:

— Нет, не сумеет.

Раздавшийся над их головами звонок помог выйти из неловкого молчания. Рассыльный втащил большую корзину цветов. Они были от Гарибана. Зося прочла записку и, вспомнив недавний разговор с врачом, сказала Яну:

— Да, я забыла передать. Евгений Рудольфович боится гласности. За нокаут он не будет привлекать к судебной ответственности. Это я точно выяснила.

— Спасибо.

Зося дала прочесть гарибановскую записку Борису. И тот сразу почему-то засуетился, захлопал в ладоши и начал приглашать всех к столу.

Ширвиса он усадил рядом с какой-то полной блондинкой, против Ирины и Кирилла.

— Как твои дела? — спросил Кочеванов.

— Как будто бы утряслись, — ответил Ян. — Начинаю жить заново. А у вас, кажется, подобное торжество близится?

— И мне казалось, да вот она возражает, — кивнув в сторону Ирины, сказал Кирилл. — Дружбу боится ломать.

— Ничего, уговоришь, — с забавной убежденностью отшутилась летчица.

— Кстати, — вдруг вспомнил Кирилл. — У меня чудесная новость: Гарибан больше не будет шефом «Солопа». Снимают! Комитет запретил ему заниматься тренерской работой.

— Это очень хорошо, — сказала Ирина.

Борис, став рядом с Зосей к столу, поднял руки.

— Товарищи, дорогие друзья мои! Сегодня совершилось невозможное — мы, я и Зося, записались в загсе. И стены не рухнули! — возвестил он необычайно громким голосом. — По случаю этого невероятного события — прошу открыть шампанское!

Хлопнула пробка, подлетев к потолку... Бокалы наполнились шипучим вином. Гости подняли искрящееся шампанское и потянулись чокаться с молодыми.

Борис, пьяный от счастья, готов был обнять весь мир. А Зося вдруг сделалась грустной.

— Горько... Горько! — раздались голоса, требующие традиционного поцелуя.

Молодые торжественно обнялись.

Видя это, Ян нахмурился, залпом выпил шампанское и, поставив пустой бокал на стол, признался соседке:

— Очень горько, особенно мне.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	27
Глава четвертая	48
Глава пятая	62
Глава шестая	72
Глава седьмая	79
Глава восьмая	82

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава девятая	97
Глава десятая	106
Глава одиннадцатая	117
Глава двенадцатая	124
Глава тринадцатая	135
Глава четырнадцатая	143
Глава пятнадцатая	159
Глава шестнадцатая	181
Глава семнадцатая	191
Глава восемнадцатая	200
Глава девятнадцатая	209
Глава двадцатая	216
Глава двадцать первая	230

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

*Укажите свой точный адрес и возраст.
Пишите по адресу: Ленинград, Д-187,
наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Дет-
гиза.*

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Капица Петр Иосифович.
«Боксеры»

Ответственный редактор

Г. В. Антонова.

Художник-редактор

Ю. Н. Киселев.

Технический редактор

З. П. Коренюк.

Корректоры

Л. К. Малявко и К. Д. Немковская.

Подписано к набору 29/V 1959 г.

Подписано к печати 22/IX 1959 г.

Формат 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 7,75.

Усл. п. л. 12,73. Уч.-изд. л. 12,88.

Тираж 90 000 экз. М-45771.

Ленинградское отделение Детгиза.

Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6.

Заказ № 1316. Цена 4 р. 85 к.

Ленинградский Совет народного

хозяйства, Управление полиграфиче-

ческой промышленности, Типогра-

фия № 1 «Печатный Двор» имени

А. М. Горького, Ленинград, Гатчин-

ская, 26.

4 р. 85 к.

Тетр Капица . БОКСЕРЫ